

Александра Трошина

Лагерь Хроноса

18+

Александра Трошина
Лагерь Хроноса

«Автор»

2026

Трошина А.

Лагерь Хроноса / А. Трошина — «Автор», 2026

Кастра — планета, которая сошла с временной линии Вселенной и подверглась нападению космических монстров - Странников. Кастру ждала гибель, но ученый Альфред Хронос героически спас её. Он создал искусственных людей, способных управлять временем - хрон, и поместил их в собственный лагерь, чтобы они поддерживали Кастру на плаву. Теперь все считают Хроноса местным Богом, а хрон — ангелами. Эдвин «Дзета» — управленец временем первого, самого сильного класса. Он, как и остальные репликаны Лагеря, не имеет чувств и воспоминаний, у него нет семьи и настоящего дома. Эдвин считает, что все так и должно быть. Но однажды, путешествуя во времени, он видит самого себя в прошлом вне Лагеря с подозрительно знакомыми людьми И идеальная, выверенная картина мира, созданная Хроносом, дает трещину.

© Трошина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	57
Глава 8	67
Глава 9	78
Глава 10	86
Глава 11	98
Глава 12	109
Глава 13	118
Глава 14	126
Глава 15	135
Глава 16	144
Глава 17	154
Глава 18	163
Глава 19	173
Глава 20	182

Александра Трошина

Лагерь Хроноса

Глава 1

- Хрон первого класса, код «ЭД006», буква «дзета», имя «Эдвин». Готовы к тесту?
- Готов.
- Ваша контрольная фраза?
- Время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.
- Принято, начнем тест. Боялись ли вы когда-нибудь быть арестованным, время молчать, и время говорить?
- Время молчать, и время говорить.
- Вы задумывались о чувствах к противоположному полу, время любить, и время ненавидеть?
- Время любить, и время ненавидеть.
- Хотелось ли бы вам поддержать на руках собственного ребенка, время войне, и время миру?
- Время войне, и время миру.
- Вы чувствуете упадок сил, время?
- Время.
- Вы боитесь смерти, время?
- Время.
- Повторите три раза слово «время».
- Время, время, время.

Белая массивная камера ухватила каждое движение рта и моргание, каждый вдох и движение кадыка, каждую микро-интонацию голоса. Она пару раз просканировала меня, затем монотонным безучастным голосом произнесла дежурную фразу:

- Контрольная точка пройдена, Эдвин стабилен. Время начинать работу.
- Как скажешь, говорящая камера. До скорого.

Когда я вышел из смертельно-белой комнаты, зажмурился от яркого оранжевого света из окон и сжался от огромных просторов, платформ и колонн лагеря. Это помещение с большим витражным окном посередине, парящими пространствами с красными диванами и массивными колоннами представляло собой некий предбанник. Именно в данную комнату выходили после прохождения «Эмоционального теста» хроны, чтобы в полной тишине и с видом на оранжево-черное небо отсчитать время на карманных часах и отправиться на борьбу с порождениями апокалипсиса.

Перед тем как достать из кармана золотой проводник во временные линии, я посмотрелся в зеркало, висящее напротив тестовой камерки. Пепельные лохматые волосы, узкое лицо, грязноватая кожа, небольшая россыпь веснушек. *Стабильно.*

Затем подошел поближе и высунул язык. На нем с внутренней стороны был черным выведен индивидуальный код. *Стабильно.*

Потом раскрыл двумя пальцами один глаз. Он был серый, с фиолетовыми проблесками и зрачком, в котором отражалась лишь бескрайняя темнота, без тени прошлого и света будущего. *Очень стабильно.* Именно такой взгляд являлся идеалом для камеры и пропуском во временную деятельность. Хроны должны быть безразличны ко всему, что происходит вокруг,

думать лишь о возвращении временных линий... Ибо эмоции, эмпатия и чувства дестабилизируют хрону, а затем уничтожают ее. Так всегда утверждала госпожа Деспайр. Мы до сих пор принимаем это за абсолютную истину, боимся проявить хоть каплю опасных чувств. Проверять сказанное никто не хотел, да и какой смысл был спорить с правой рукой великого Хроноса? Уверен, он знал, кого берет себе на службу.

Самолитно убедившись в признаках стабильности, я наконец взял часы в руки и принялся отсчитывать нужное время. Сегодня в планах было найти ветку Кастры 1924 года. Одно из стандартных заданий, поступающих с вышки лагеря. Нужно просто порыскать среди прошлого всей Вселенной того года и найти нужную линию, затем присоединить к остальным. Легкотня, только если не застигнут врасплох пожиратели времени – Странники. Но и с ними я умел справляться. Обычные неуклюжие бесформенные гиганты, не более.

Отсчитав нужное время, я глубоко вздохнул, затем широко раскрыл глаза, напряг все мышцы тела и начал посылать самому себе сигналы о переносе во времени. Потом исчез...

И в ту же секунду оказался за пределами Кастры, где-то в космосе, в его временных отделах. Здесь повсюду вместе с бескрайней фиолетовой тьмой простирались белые тоннели, а также множество зеленых нитей, которые изредка мигали, издавая голоса и показывая обрывки событий. Это были временные линии – объекты, которыми, кроме Бога, теперь умели управлять и хроны. Интересно, он об этом знал? Хотя неважно... Если Кастра впала в состояние апокалипсиса, то Ему наверняка было все равно. Он лишь создатель Судьбы и наблюдатель.

Взяв нити в руки, я начал их перебирать, таким образом переносясь во времени Вселенной. Она была настолько многогранна, что в каких-то галактиках и мирах даже еще не наступил 1924 год. Отсеяв данные неразвитые линии, я нашел нужные и стал путешествовать уже по ним, раскрывая тонкие ворсинки.

В Человеческом мире в это время рыдали над смертью некого Ленина. Кажется, он был чем-то вроде Хроноса. В Нижнем мире демоны небелой национальности захватили территории столицы. В Механизмусе происходила очередная волна голода Декотрума – на их продовольствие попросту забили. В Аду же умирали демоны от недостатка кислорода – они не хотели дружить с Жизнью и поплатились за это. Интересно, однако все это было не то.

Но затем я нашел линию, в которой узнавались знакомые улочки моего родного города. Одежда людей соответствовала эпохе и уровню развития. Довольный, я взял нить в руку, отбросив остальные, и принялся ее скручивать. Дело сделано, оставалось лишь присоединить к уже найденным линиям Кастры...

Но в самый ответственный момент, когда я сгенерировал дорожку нашего полуразрушенного времени, почувствовал сзади тяжелое подвывающее дыхание и грузные шаги. К сожалению, без драки не обойдется – меня настиг Странник.

Это были бесформенные титаны, полупрозрачные, с огромными когтями и пастями, жаждущими вкусить чужое время. Они были побочным порождением Вселенной, незаконченными проектами, заплутавшими монстрами, нигде не приготившимися, ни в какой сюжетной ветке. Хронос рассказывал, что это ошибки Святого духа, субстанция, которая ему не понравилась и затем была выкинута в космический мусор. Странники любили жрать время, чтобы оставаться наплаву. Особенно они грезил о времени нашей больной Кастры. Хроны не давали этим жалким гигантам поглотить его. Я был в их числе.

Странник, настигнувший меня, громко застонал, растопырил когти и атаковал. Однако щит, который я образовал, не дал ему это сделать. Затем же оттолкнул его щитом, и монстр отлетел на несколько метров. Я, довольный своим мастерством, продолжил заниматься делами, однако, к несчастью, этот Странник оказался сильнее и снова побежал на меня.

Тогда пришлось напрягаться сильнее и создавать большие кулаки, бить Странника, успевать уворачиваться от него. Этот монстр очень хотел заполучить 1924 год Кастры, а я не давал

изо всех сил. Не знаю, сколько длилась схватка, но мы успели разволновать спокойные просторы космоса, я получил несколько ушибов.

Однако драка закончилась моей победой – Странник отступил, и тогда я уже с полным чувством уверенности присоединил свою линию к остальным. Пришло время возвращаться на Кастру.

- Вы когда-нибудь хотели остаться в прошлом, время?

- Время.

- Чувствовали ли вы сочувствие к Странникам, время?

- Время.

- Обходились ли с вами жестоко, время войне, и время миру?

- Время войне, и время миру.

- Повторите слово «время» три раза.

- Время, время, время.

- Контрольная точка пройдена, Эдвин стабилен. Можете пройти за бонусом к автомату поощрения в предбаннике.

- Спасибо, сэр... Мэм. Не знаю, кто ты.

Недослушав мои потуги в общение, говорящая камера отключилась. А я, довольный блестяще выполненным заданием, направился к автомату поощрения.

Данные устройства находились по всей площади так называемого предбанника. В них находились магические улучшения для хрон, с помощью которых они наращивали свою силу и поддерживали способности. Благодаря этим веществам, найденным учеными Кастры, мы могли управлять не только временем, но и также способны были дать отпор Странникам, что я и сделал на миссии.

Всего было четыре вида улучшений: ЗЕВС, отвечавший за силу, ГЕСТИЯ, дающая способность управления огнем, ДЕМЕТРА, обеспечивающая защиту, и ПОСЕЙДОН, с помощью которого хрона могла управлять жидкостями.

Выйдя из тестовой комнаты, я подошел к ближайшему белому овальному автомату с рисунком довольной хроны и выбрал на сенсорном экране желаемое вещество – захотелось взять ДЕМЕТРУ, ибо нарастающая наглость и сила Странников очень напрягала.

«Бонусы» предлагались нам в виде капсул. Раньше это были шприцы, однако не все хроны в лагере умели ими пользоваться, и столичная лаборатория заменила их таблетками. Я умел вводить иглу в вену, однако после появления капсул, признаться, стало жить проще.

Вещество показалось в окошке, я взял его и тут же проглотил. Пока ощущал новый прилив сил, услышал сзади знакомый голос:

- Слышала, ты вступил в схватку со Странником и вышел из нее победителем. Похвально, учитывая, что со временем их мощь возросла.

- И тебе привет, Сора...

Я повернулся и не ошибся в предположении – увидел Сору «Бету», мою подругу и давнюю коллегу, с которой мы с пеленок ходили вместе на миссии. Это была красивая хрона-девушка экспериментального типа – невысокая, но прыткая, с маленьким личиком, припухлыми губами, впалыми щеками и узкими черными глазами. У нее были короткие смольные волосы и приплюснутые, но отлично слышащие уши. Обычные хроны моего типа любили употреблять мясо птицы в пищу, я питал страсть к картошке и макаронам-перьям, а Сора же обожала рыбу, рис и жареные водоросли. Я предпочитал верить в самого Хроноса, а Сора – в его цитадель, окруженную туманом. Она любила кошек и цветы, а я был равнодушен к кошкам, но очень хотел взять какую-нибудь собаку с улицы.

В целом, даже форма Сору отличалась. На мне были брюки и жилетка болотного цвета, белая рубашка и красный галстук, а также карман для часов и золотая вышивка с буквой и

кодом. Женский вариант формы хрон отличался лишь юбкой на замену брюкам, но на Соре вместо рубашки был одет ципао с красными узорами вместо галстука.

Как я уже говорил, мы с Сорой дружили с самого детства, наш дуэт лучше справлялся с временными линиями и был сильнее, чем самый натренированный Маттео «Альфа». Верхушка лагеря любила нас, Временной комитет уважал, люди трепетали, а Хронос подавал большие надежды, что было очень приятно. Да, хронам запрещалось испытывать чувства и эмпатию, однако наши дружеские отношения с Сорой не уничтожили нас, а наоборот сделали сильнее. Конечно, мы оба договорились, что если кто-то умрет на миссии, то нельзя проявлять и капли скорби, иначе это повлечет провальный тест, духовную гибель, разочарование Хроноса и впоследствии смерть Кастры. Так что мы дружили, но аккуратно.

- Как ты? – поинтересовалась она, легонько подняв уголки губ.

- Нормально, — ответил я. – Ушибы почти зажили, но я немного устал. Хочу погулять по городу, пока есть время до отбоя.

- Да, вечерний Дель-Темпо прекрасен с его иллюминацией, — согласилась Сора. – Но, эй, до отбоя еще шесть часов, так что у нас много времени для прогулки.

- Я хочу гулять все шесть часов.

- Ух ты... Что ж, я принимаю вызов.

Кастра – планета, на которой мы жили, уже очень давно находилась в состоянии апокалипсиса. Некогда это был один из обычных миров Вселенной со своей историей и полноценными временными линиями, интересными событиями, дивными технологиями и выдающимися людьми с различными способностями. Здесь был средний климат, красивая архитектура, хорошая государственная политика, много возможностей для жизни, карьеры...

Однако случилась большая беда – Кастра сошла со своего хода времени, линии разорвались и растерялись. Утопия с треском развалилась и заблудилась в галактиках, по сути исчезла с основной временной линии Вселенной. При таком раскладе Кастра должна была самоуничтожиться, не имея хода времени, но вовремя пришел он... Альфред Хронос.

Это великолепный, гениальный, находчивый ученый, умевший управлять временем – путешествовать в прошлое. Он создал Временной комитет – организацию с четырьмя такими же выдающимися людьми и затем с помощью своих клеток разработал хрон – искусственно-выведенных людей-репликантов, способных так же перемещаться во времени, а еще искать потерянные временные линии как прошлого, так и будущего. Хронос построил лагерь – плантацию для хрон, где те росли, развивались и затем работали на благо Кастры, путешествуя во времени и собирая нужные линии. Существовали обычные хроны, которым присваивалось имя и код, и «первый класс» — более сильные и удавшиеся репликанты, которым присваивалась вдобавок буква греческого алфавита.

Так Альфред Хронос спас Кастру от гибели – мы, его творения, стали поддерживать планету наплаву. Конечно, предстояло еще много тяжелой работы, но тем не менее мир остался жить, хоть и в состоянии сбитого времени. Временной комитет стал контролировать города, и среди народа они считались Серафимами, а Альфред, взявший управление над планетой в целом, — Богом.

Сейчас, по данным Временного комитета, на планете Земля шел 2060 год, и мы считали, что на Кастре было точно такое же время, чтобы хоть как-то ориентироваться. Однако в нашем мире все смешалось, эволюционный баланс также оказался утерян. В технологическом плане Кастра была высоко развита – голограммы, искусственный интеллект, летающие автомобили, футуристичная умная архитектура и гаджеты. Однако... что это были за автомобили, что за гаджеты?... Мы застряли в шестидесятых среди летающих фордов-мустангов и старых порше 911, с говорящими дисковыми телефонами и умными джук-боксами. Даже люди здесь ходили с объемными прическами и аксессуарами, в одежде с немыслимыми узорами... Они, находясь

на пике технологического развития, мыслили как народ из той очень далекой эпохи. Да и архитектура, хоть была прочной, стильной и футуристичной, иногда напоминала стиль ар-деко, а он, насколько я знал, тоже появился очень давно.

Лагерь Хроноса вместе с цитаделью находился в столице Кастры – Дель-Темпо. Это был яркий город-представитель всего мною описанного. Несмотря на развалившееся временное состояние, здесь было красиво. Мы с Сорой любили часами наматывать круги по родным улочкам и болтать. Этот дивный день не был исключением...

- Вкус сливочного мороженого – просто нечто, — восхитилась Сора, откусывая частички ванильного мороженого в рожке. — Но зачем его призывают облизывать? Кусать намного вкуснее и удобнее.

- Я слышал, что у людей заходятся зубы, если они кусают холодное, — отозвался я, также наслаждаясь мороженым с орехами.

- Мне их очень жаль, — вздохнула подруга, — но зачем тогда придумали искусственные зубы?

Я тихонько усмехнулся.

— Люди хотят ощущать свои.

Мы сидели на лавочке в небольшой алее рядом с причудливым робо-мороженщиком, одетым в бело-красный пышный фартук и заключенным в четыре стены автомата. С этого угла открывался волшебный вид на большой, бурлящий спутанной временной жизнью город. Также я ощущал странную противоречивость этого места... Спокойная тихая аллея, а напротив искрящиеся небоскребы. Здесь только тихо жужжал робот в автомате, а прямо напротив суетились люди, громко разговаривали, заводили машины, поправляли одежды... Мне нравилось, что Кастра и Дель-Темпо продолжали жить, несмотря на страшную сложившуюся ситуацию, на фактическую оторванность от остальной Вселенной. Народ привыкал к новым условиям и продолжал существовать и спасаться с помощью хобби, работы, любви, семьи...

Говоря о последнем, я зацепился взглядом за молодых родителей с веселой дочерью, которую они оба поднимали за руки и качали. Да, они потеряли счет времени, свой ход развития, жили в условиях развалившейся утопии, однако... Эта семья была счастлива, счастлива, несмотря ни на что. Я много задумывался, почему, и предполагал, что, наверное, их счастье заключалось в том, что они были друг у друга, а большего и не хотели желать. Из этого можно было сделать вывод о том, что... Счастье заключалось в единстве?

- Сора, как думаешь, если бы у нас были семьи, сложилась ли наша жизнь по-другому? — я хотел задать этот вопрос только в мыслях, однако он вырвался наружу.

Очевидно, Сора не ожидала подобного и замерла, перестав есть мороженое. Она сначала оглянулась на меня, а затем обратила внимание на счастливых родителей и дочь.

- Я... Думаю, если бы у нас была семья, то верхушка бы разрешила чувствовать эмоции, — спустя недолгое молчание произнесла Сора.

- А ты испытываешь потребность в том, чтобы чувствовать? — мой взгляд так и не упускал эту семью вдалеке.

- Не знаю, но я хотела бы попробовать жить так, как обычные люди, — сказала подруга, выкидывая остатки рожка в мусорку (она их не любила).

Я глубоко вздохнул, когда родители с дочерью пропали из поля зрения, и опустил голову.

- Иногда я ощущаю, что будто бы что-то забыл.

- Детство в лагере? Маленькие хроны не совсем его запоминают.

- Нет, как будто... Что-то еще, — я прикусил губу почти до крови, — что-то за гранью детства.

Да, в последнее время у меня было острое ощущение того, что я забыл нечто очень важное, словно целый отрезок жизни. Оно преследовало сначала незначительно, скрытно: промелькнувшей мыслью во время обеда, затем во снах, и вот сейчас при виде чужих людей из

настоящего и прошлого. Я не знал, что это было, существовали в голове мысли о болезни, но к врачам я не торопился идти. Хотел доверить свои размышления Соре и посмотреть ее реакцию, прежде чем признаваться в таком кому-то еще, особенно верхушке.

- Я думаю, что рано или поздно ты вспомнишь, — она тепло улыбнулась, немного успокаивая мое сердцебиение. — Обязательно Расскажи, если что-то прояснится. Разберемся со всем вместе.

Я медленно закивал, поднимая взгляд на небо и еле видный куполообразный силуэт Лагеря Хроноса.

- Хорошо.

За полчаса до отбоя мы вернулись в лагерь и разошлись по комнатам. У всех хрон они были одинаковые: маленькая металлическая каморка со столиком, шкафом-стеллажом и капсульной кроватью. Комнату разрешалось украшать, можно было приносить какие-то интересные вещи, книги, растения... Много хрон так и спали в пустом купе, но небольшое число, включая меня, обживало это тусклое и узкое пространство.

В эту ночь я долго не мог уснуть. Постоянно ворочался. Голова пухла от разных мыслей. Эта незнакомая счастливая семья так и маячила перед глазами. К тому же, было странное ощущение, что должно вскоре произойти какое-то переломное событие...

Только к утренним сумеркам мои глаза сомкнулись. Очевидно, начало смены суждено было проспать.

Глава 2

Глава 2. «Временной комитет»

Когда я проснулся, за окном светило грязно-желтое солнце и активно стояли в пробках летучие автомобили. Снаружи комнаты уже было слышно, как маячили хроны и работники лагеря. Ощущалось, что смена была в самом разгаре, наверняка даже время завтрака закончилось. Однако эта шумная активность казалась... не совсем обычной. Чересчур суетно было. Как будто... кто-то собрался навеститься на нашу плантацию.

Не желая более сильно опаздывать, я быстро встал, умылся и оделся. На всякий случай погладил галстук и рубашку – мало ли, что сегодня должно было случиться в лагере.

Не успел выйти и заблокировать комнату ключом-картой, как передо мной возникла Сора, тоже при параде.

- Временной комитет едет сюда, - сказала она спокойно, хотя вокруг суетились и нервничали хроны и впопыхах убирали лишнее работники. – Будет осмотр способностей и небольшая тренировка.

- Я догадывался, - вздохнув, повесил свои часы снаружи – это был парадный вариант, обычно они лежали запутанные внутри кармана. – Такой шум может быть либо от них, либо от Хроноса... Что ж, перетерпим.

- Ты проспал, - подметила очевидное Сора. – На завтраке вожатые забеспокоились. Если бы ты пролежал еще лишний час, был бы выговор. Особенно жесткий в день приезда комитета.

- Я долго не мог заснуть, - в очередной раз тяжело выдохнул и отвел взгляд, - да и кто знал, что комитет захочет навеститься именно сегодня... Полгода с их последнего визита еще не прошло.

Сора сглотнула, облизывая коричневый блеск с губ.

- Ты знаешь, что хроны, подобно часам, пробуждаются в одно и то же время каждый день. Я понимал, к чему она клонит.

- Знаю.

- Будь осторожен. Не давай инородным мыслям захлестнуть тебя и подставить перед всеми, - зрачки Соры задрожали, и она приложила свою холодную ладонь к моей щеке.

- Все будет в порядке, - отмахнулся, но неуверенно, понимая, что со мной явно было что-то не так в последнее время.

- Держись, - напоследок сказала подруга и пошла в сторону холла. Я последовал за ней.

Временной комитет – это приближенные люди Альфреда Хроноса, имеющие особые привилегии и доступ к правлению Кастрой и Лагерем. Как никак, они помогли Хроносу в создании нас и теперь каждые полгода навещали плантацию, чтобы проверить, как там хроны, как их работа и способности. Могли и отстранить кого-то. А это для каждой хроны был большой страх, ибо, если ее выгоняют из лагеря, то она становится бесполезным членом общества Кастры. Жалким скитальцем, похожим на Странников.

Каждый член Временного комитета отвечал за определенную сферу. Выше всех стояла Ферн Деспайр – женщина-ученая, отвечающая за научную деятельность. Она была правой рукой Хроноса, поэтому всячески проверяла хрон биологически и физиологически, контролируя наше состояние и развитие. Она же зачастую и изгоняла «непригодных» хрон с милой улыбкой на лице. Мы ее больше боялись, чем уважали.

Конрад Яген отвечал за оборону и продовольствие Кастры. Он был суровым и строгим по отношению к нам, но в отличие от Деспайр не хотел изгонять хрон с малейшей слабостью.

Конрад предпочитал долгие тренировки для хрон, чтобы мы становились сильнее и превращали слабости в преимущества. Они с Ферн постоянно спорили.

Бабет Холлоу отвечала за психологическое состояние планеты и духовный мир. Это была крайне тихая, спокойная и печальная женщина. Никто не знал, что было у нее на душе, однако она нравилась большинству хрон. Бабет была снисходительной и милостивой. Она часто привозила маленькие подарки для нас. Однако была и темная сторона – мисс Холлоу придумала тот самый «Эмоциональный тест», от которого часто зависела судьба хроны. Его суть заключалась в том, что машина могла задать любые неудобные вопросы, а репликанты должны были повторять лишь конечную фразу, не задумываясь о заданном ранее. Если же хроны начинали отвечать на чувствительный вопрос, то... Ладно, дальше.

И последний член Временного комитета был Айзек Баркли – самая яркая личность не только этого собрания, но и Кастры в целом, я думаю. Он отвечал за культурное развитие, благодаря ему хроны читали книги, могли мыслить и рассуждать о самых разных темах. Он нам не то что симпатизировал – хроны его обожали. Именно Айзек Баркли давал репликантам раскрыться с другой стороны, увидеть что-то кроме временных линий и стен лагеря. Без минусов, конечно, не обходилось – Баркли следил в оба глаза за тем, чтобы никто из хрон не мог превзойти его по талантам и кругозору. Он почему-то ревностно относился к репликантам, у которых наблюдались какие-либо творческие способности, кроме простого, но развитого мышления. Впрочем, хроны все равно любили Айзека. Не вторая Ферн Деспайр, и ладно.

Когда мы дошли до холла, собралось уже достаточно много наряженных хрон. Искусственная молодежь все поправлялась и кусала ногти в ожидании комитета – царило волнение и трепет, слава богу не стояло неприятного запаха, у нас он не вырабатывался. Напряжение разгоняло солнце, светившее сквозь большой купол холла. Кругом были белые стены, различные лавовые лампы с неоновыми жидкостями, а также статуя Хроноса посередине – он изображался благоговейным, смотрящим в светлое будущее Кастры.

Нам с Сорой не суждено было затеряться в толпе сверстников – нас быстро заметили вожатые и, конечно, определили вперед к другим хронам первого класса. Естественно, не хотелось привлекать внимание комитета, да и не со всеми у нас с Сорой были хорошие отношения... Но что поделать – такова судьба удавшегося репликанта, поэтому мы послушно встали с остальными, выпрямляясь по-солдатски.

- Эдвин «Дзета», - над ухом раздался, к сожалению, знакомый надменный хрипловатый голос. – Ты опоздал.

- И тебе привет, Маттео. Рад, что ты пришел вовремя.

Надо мной возвысился «МА001», или Маттео «Альфа». Я его уже как-то раз упоминал. Хотя в первом классе и не было разделения на силы, однако Маттео считался самым мощным хроном, самым удавшимся репликантом, проще – эталоном. Это был высокий и крепкий парень с атлетическим мускулистым телосложением. У него были короткие, выющиеся, почти светящиеся блондинистые волосы и яркие небесно-голубые глаза со стандартным фиолетовым проблеском. Как утверждал Альфред Хронос, внешность «Альфы» была вдохновлена Небесным полководцем... Но я допускаю, что великий ученый смешал воеводу с Дьяволом, ибо характер у Маттео донельзя скверный – он задиристый эгоистичный зазнайка, считающий, что все ему должны. Даже другие хроны элитного отряда. Маттео пользовался своим положением и всеобщим одобрением, постоянно нарушая правила лагеря...

На мой ответ он усмехнулся, зажег сигарету и процедил:

- Такими темпами тебя скоро выгонят, неудачник. Возможно, даже сегодня.

- Следи за собой, - фыркнул я, нехотя вдыхая смрад никотина. – Имей совесть не курить в общественном месте.

- Ты мне не указ, Эдвин, - рыкнул же Маттео, показывая белоснежные зубы. – Если что-то не устраивает – катись к челяди.

Челядью он называл других хрон, которые не принадлежали первому классу, но делали для Кастры ровно столько же, сколько и хваленый «Альфа». Просто у них не было буквы в коде, и это сразу поднимало самомнение Маттео до небес.

- С таким отношением к окружающим тебе потом будет больно падать, - вены потихоньку вздувались на моем лбу. – Челядь – это ты.

Сжавший сигарету в зубах, он наклонился ко мне гневливо.

- Повтори?

- Заткнитесь оба, - вдруг остановила намечавшуюся драку Сора, вставшая между нами. – Временной комитет уже здесь.

И правда. Упиваясь взаимной неприязнью друг к другу, мы с Маттео и не заметили, как все хроны выпрямились по струнке, вожатые вместе с управляющей верхушкой приготовились встречать важных людей, а работники распахнули двери перед этими самыми людьми...

В холл вошли члены Временного комитета вместе с охраной, еще пуще освещая пространство. В этот раз они выглядели особенно величественно, от них прямо-таки веяло божественной аурой.

Впереди, конечно, стояла Ферн Деспайр – среднего роста женщина в зеленом официальном костюме-двойке, с аккуратно уложенными пшенично-светлыми короткими волосами, спрятавшимися под элегантной шляпкой под цвет костюма. На точеном лице как всегда блистала широкая улыбка с оттенком безумия, а желтые хищные глаза прожигали каждую хрону.

Рядом с ней шла Бабет Холлоу. Она, кажется, еще больше похудела с последней нашей встречи, но дистрофическую худобу скрывало длинное черное платье с фонариками и высоким воротником. Лишь впалые скулы и бледный цвет лица, а также потускневшие глаза с густыми ресницами выдавали болезненный вид. Даже черные кудри не могли скрыть ее всепоглощающей неизведанной печали.

По краям от женщин стояли двое мужчин – противоположности друг друга. Конрад Яген представлял собой суровое мужество. Желтые волосы были донельзя короткие, лицо с грубыми чертами, брови нахмурены, губы сомкнуты, а взгляд пронизывающий, глядевший за тысячу ярдов. На нем была мятая рубашка и вельветовые брюки с подтяжками, а также револьвер в кобуре на поясе. Надеюсь, разряженный.

По другую сторону от него весело вихлялся Айзек Баркли – звезда этого мрачного комитета. С накрученными темными усами, яркой улыбкой и широкими глазами. Вид у него был поистине фееричный – блестящие черные брюки и кожаный тренч сверху.

Временной комитет был в сборе. Высокопоставленных личностей поприветствовал управляющий лагеря – Лори Йохансон, неприглядный мужчина средних лет с сединой в светлых волосах и съехавшими очками:

- Временной комитет! Добро пожаловать! Рад, что вы снова навестили Лагерь Хроноса – обитель хранителей и собирателей времени! Хроны также рады вас видеть.

- А мы то как рады, - улыбнулась широко и с долей хитринки Ферн Деспайр. – Как быстро растут наши крошки! И вижу даже новеньких... Рада, что хрон становится все больше! Кто-то из них заменит старых, уже непригодных.

Старых среди хрон никогда не было. Просто для Деспайр срок нашей работы составлял лет 20, дальше – в топку. Ненавидел эту политику.

- Надеюсь, они готовы к нашим проверкам? – строго поинтересовался Конрад Яген, хмурясь. Никогда не видел его расслабленным.

- Конечно, безусловно! – заверил Лори, а хроны поежились. – Они готовы на все.

- Нам также нужен список тех, кто не прошел контрольную точку теста за последние полгода, - тихонько пролепетала Бабет Холлоу. Мы ее почти не слышали, - и постараемся что-то сделать с этим...

- Главное, чтобы настрой у всех был положительный! – как всегда разрядил обстановку Айзек Баркли, и хроны немножко расслабились.

- Навряд ли он может быть положительным, когда Странники становятся все сильнее, - усмехнулся саркастично Маттео, убирая руки за голову фамиллярно. Да, он был противным, однако в этом высказывании я не мог с ним не согласиться.

- Мы оставим только тех, кто сможет справиться со Странниками, - во взгляде Ферн промелькнуло безумие. От него у меня всегда шли мурашки по коже. Что уж говорить об обычных хронах, которых не может спасти буква в коде...

- Что ж, приглашаем Вас в аудитории лагеря, - сказал Лори, и работники расступились перед комитетом, готовые провожать их. – День обещает быть интересным!

Осмотры и проверки начались с госпожи Бабет. Ей предоставили данные хрон по «Эмоциональному тесту» за последние полгода. Каждый репликант заходил к ней в кабинет, и Холлоу проводила короткую психологическую беседу и анализ, а затем отправляла свои наблюдения уже Ферн Деспайр.

Мы с Сорой ждали в коридоре. Бояться было нечего – наши контрольные точки были чистыми, пройденными. Я рассматривал светящиеся и оживленные пейзажи Дель-Темпо за окном, а Сора болтала с другими хронами первого класса. Я слушал одним ухом.

- Элиза, ты нервничаешь. Это из-за мисс Холлоу? – слышался спокойный голос подруги.

- А-ага... Каждые полгода подобны пытке... - заикаясь, ответила Соре «ЭО024» или Элиза «Омега» - милейшая девушка с аккуратными ладошками, фарфоровым личиком и темно-зеленым бантиком за волосами.

- Тебе нечего переживать, у тебя все контрольные точки пройдены, получено много бонусов, - успокоила «Бета» Элизу, глядя по плечу. – Да и к тому же ты первого класса, а наш отряд еще никогда не редел.

- В последнее время мне нездоровится... - сглотнула «Омега», и тут я стал слушать внимательней. – Я проходила тест с натугом. Кое-что мешает мне повторять фразы...

- Кое-что? – уточнила Сора.

Элиза сжала края юбки и опустила голову. Русые выющиеся волосы еле прикрывали красное лицо и бегающие туда-сюда глаза.

- Если я скажу, то ты точно расскажешь мисс Холлоу. Потому что это... ужасно.

- Я не из крыс, для меня в этом нет никакой выгоды, - уверила Сора абсолютно искренне и правдиво. – К тому же, если выскажешься, то с Холлоу будет легче говорить.

Элиза минуты две молчала, перебирая карманные часы в руках. Затем, кусая губы, произнесла:

- В последнее время я испытываю к Маттео странные чувства. Раньше он был мне безразличен, но теперь... Я часто задерживаю на нем взгляд и пытаюсь заговорить, и у меня чего-то в животе щекочет, когда он отвечает... Знаешь, я испытываю тошноту, но приятную. Работницы и вожатые говорили о подобном ощущениях, когда упоминали своих знакомых. Они называли эту болезнь... *Люб...*

Элиза недоговорила, ибо резко открыл дверь Маттео, расслабленно потягиваясь.

- Готово, - ликующе сказал он. – Здоров, как бык, прошедший годы психотерапии. А вы и дальше дрожите, неудачники. Эдвин, я про тебя. Ты следующий.

Я тяжело вздохнул и встал, стараясь держать себя в руках и просто игнорировать задиру. Однако не сдержался и перед тем, как войти в кабинет Бабет, толкнул Маттео плечом. Он уже ничего не успел сказать, а я скрылся за дверью.

После слов Элизы я действительно начал немного переживать. Она тоже, как и я, начала испытывать чувства, запретные для хрон – желание быть с кем-то, иметь семью, ощущать *любовь*. Я не знал, какие были предпосылки для данных чувств, сильно старался игнорировать

иноподные мысли, но с каждым днем это получалось все хуже... Что уж говорить, даже идеально выверенный режим хроны, заложенный Хроносом, дал слабину. Это было ненормально, я это понимал и надеялся, что Бабет Холлоу не доложили ничего обо мне, что она не заметит моего состояния...

Слава Хроносу, так и случилось. Бабет отметила, что мои результаты тестов *стабильно* положительные и провела совсем небольшую беседу с теплой, но усталой улыбкой.

- Ни малейшего отклонения, чистота, - сказала мисс Холлоу, откладывая флеш-накопитель с моими данными, - наверняка тебе и много бонусов дают, правда?

- Да, мэм.

На мой четкий ответ Бабет кивнула и на долю секунды отвела взгляд, будто о чем-то задумываясь.

- Ты подаешь большие надежды, Эдвин, - затем произнесла она каким-то философским тоном. - Ты очень близок к спасению Кастры. Главное не сойди с этого пути...

От ее слов у меня будто внутри что-то перевернулось. Я сглотнул, нащупал зубами код на языке и затем вновь ответил дежурное:

- Да, мэм. Я буду стараться.

Когда я вышел, в кабинет зашла уже дрожащая Элиза. Почему-то внутри возросло напряжение. Я услышал, как мисс Холлоу тяжело вздохнула за дверью.

Далее наш осмотр продолжился у Айзека Баркли. Он обычно проверял развитие нашего духовного мира. Как я уже говорил, хроны должны быть бесстрастными, но не тупыми. В конференц-зале со стенами цвета слоновой кости и зелеными креслами Айзек ходил туда-сюда, заманчиво покручивая усы. Очевидно, он не успел придумать способ проверки. Так было каждый раз - Баркли почему-то не готовился к визиту в лагерь заранее.

Однако время шло, и все равно Айзек что-то придумал.

- Сейчас, дорогие хроны, я покажу вам голограмму моей новой философской постановки. Она повествует о волшебнике из 18 века, который оказался на опасной развилке жизни, и ему предстоит сделать выбор - послушаться демона, который предостерег его от начинаний, или продолжить свой рискованный, но большой научный путь, который мог бы сместить самого Бога. Ваша задача - провести анализ. Итак, тишина! - весело и в то же время загадочно подытожил Баркли и достал карманный прожектор с голограммой.

Следующий час мы смотрели кабаре-спектакль, поставленный Айзеком. Он был отличным режиссером и постоянно придумывал что-то новое, нестандартное. Мне только оставалось догадываться, откуда он брал идеи для своих творений.

Постановка действительно рассказывала о дворянском волшебнике, который хотел спасти мир от смерти и тоталитарного строя Небес. Он начал разрабатывать вещество, похожее на эликсир бессмертия. Параллельно в этом спектакле раскрывалась тема обмана друзей, незаконная любовь с волшебницей с другими силами и остальные сомнительные связи. На этой почве к волшебнику наведлся могущественный демон, который предупредил о том, что вся его затея очень опасна и рискованна. И вот перед мужчиной представал выбор - бросить свои идеи или забить на предостережения демона. На этом голограмма оборвалась, и Айзек стал ждать ответы. Только те, которые были угодны ему и всему строю лагеря.

- Ему нужно было продолжить воплощать свои планы в реальность, - говорил уверенно Маттео, - ибо Небеса - это собрание диктаторов, которым наплевать на всех, кроме себя.

- Интересная мысль! - восхитился Айзек.

- А я считаю, что волшебнику нужно было в целом бросить все и сбежать со своим другом в Италию! - предположила одна из хрон. - Эта волшебница какая-то инфантильная...

- Хороший ход мыслей! - глаза Баркли сияли все ярче от теорий хрон, которые изо всех сил хотели ему угодить и остаться в лагере.

Мы с Сорой сидели и молчали. Если выдавалась возможность запрятаться за ряды и ничего не говорить, мы пользовались ею. Ибо наши взгляды не всегда совпадали с видением Айзека, хотя он утверждал, что принимает любые точки зрения. Однако за одну оговорку нас могли выгнать из лагеря. Сора считала, что волшебнику стоило послушаться демона. Я считал, что ему вообще изначально не стоило все это затевать. Судя по показанной голограмме, я думал, что у этого героя большие психологические проблемы в силу событий эпохи и патологическая жажда внимания. Но кто бы нас послушал...

Следующим этапом была тренировка с Конрадом Ягеном – тоже так себе часть дня. В большом тренировочном зале он устраивал целую изнурительную полосу препятствий – хроны каждый раз отчаянно вздыхали, когда видели новые преграды и трудности. Не каждому удавалось с первого раза справиться, и тогда приходилось вновь и вновь пытаться, чтобы Яген был спокоен насчет наших физических и магических способностей. Да и к тому же мы боялись, что он может достать пистолет, неудовлетворенный результатами каких-то репликантов.

В зале стоял шум – хроны периодически вскрикивали и тяжело дышали. Яростно извивались голограммы Странников, находились в труднодоступных местах муляжи временных линий. У Маттео как всегда все было прекрасно, Элиза тоже хорошо справлялась до момента столкновения со Странником – он чуть не сбил ее с куба, но «Альфа» вовремя подхватил «Омегу» и даже аккуратно посадил в угол. И с тех пор Элиза долго не могла встать, ошарашенная таким жестом от Маттео. Сора старалась ее закрывать, дабы заминки не заметил хмурый и напрягшийся Конрад Яген.

Я же наоборот всячески привлекал его внимание, стараясь очень круто и ловко преодолевать препятствия. Голограммы Странников боялись меня, а временные линии были в руках. В конце концов я дошел до финишной прямой и чуть не врезался в мистера Ягена. Он, выпустив воздух из легких, хрипло сказал:

- Похвально, «Дзета». «Бета» тоже отлично справилась.

- Спасибо, сэр.

- Но что-то не так с «Омегой». Зачем «Бета» ее прикрывает?

У меня ком встал в горле.

- Ну... У нее голова немного закружилась. Сейчас она продолжит.

Конрад прищурился.

- Это из-за «Альфы»?

Я не знал, что отвечать.

- Нет, это...

- Можешь не лгать, – Яген выставил ладонь вперед, останавливая меня. Затем он помолчал, повернул голову в сторону странно и вновь произнес: - Несмотря на политику Ферн, я одобряю то, что вы пытаетесь спасти ее. Дружба – это... весьма хорошо. Но не сейчас.

Я не понял ни слова от его высказывания. Походило на какую-то мимолетную слабость, оттаивание... Меня это снова насторожило.

Но самое страшное было еще впереди – осмотр у Ферн Деспайр.

Госпожа Ферн была, можно сказать, финальным аккордом проверочного дня, причем разным по характеру. Для кого-то это было величественное и светлое завершение какого-нибудь «Па-деде» Чайковского, а для кого-то – последний аккорд «Похоронного марша». Все зависело от предоставленных наблюдений остальных членов комитета и самой Ферн, от ее настроения и безумных планов, известных лишь одному Хроносу. Деспайр ждала каждого хрона в большой лаборатории среди огромных капсул с зародышами репликантов. С помощью сканнера она собирала все данные воедино, рассматривала внутренности и работу мозга. После этой морально страшной процедуры все снова собирались в холле и подводили итоги дня...

Последнего для кого-то в лагере. Радовало только то, что хрон первого класса исключение никогда не касалось.

К сканнеру Ферн Деспайр была живая очередь. Хроны тревожно рассматривали зародышей в неоновом свете, переминаясь с ноги на ногу, слушая редкие утробные смешки ученой. Наверняка у всех проскакивали мысли, что эти маленькие личинки с искусственной пуповиной могли заменить их в будущем...

Подошла очередь Сора. Она, выпрямившись и глядя прямо в глаза Ферн, встала на пьедестал и распрямила руки. Меня иногда поражала ее смелость и непоколебимость.

- Задержи дыхание, дорогая, - попросила Деспайр с толикой нежности.

Сора глубоко вдохнула воздух в легкие и задержала его. Ферн включила сканнер, который просветил всю Сору. Взглянув на компьютер и показанные секретные результаты, Деспайр снова утробно хихикнула.

- Идеальное оружие против Странников. Свободна.

Сора осталась ждать меня в уголке, не обольщенная реакцией Ферн. Следующим на пьедестал встал я. Деспайр хищным взглядом осмотрела меня, странно улыбаясь и ничего не говоря, а затем включила сканнер, как только я задержал дыхание.

Она долго рассматривала полученные результаты в компьютере. Как будто пыталась найти некую брешь. Часто водила туда-сюда пальцем по тачпаду. Глаза бегали по строчкам... Однако в конечном итоге она улыбнулась мне и сказала:

- Хороший мальчик. Свободен.

Я не хотел задумываться над словами ученой. Коротко кивнул и поспешил удалиться из лаборатории. Я был счастлив, что пережил Ферн Деспайр, и сочувствовал другим.

Настало время подведения итогов холле. Все хроны собрались здесь, как утром. Лори Йохансон снова стоял впереди и улыбался, как идиот. Рабочие смирно ждали по углам.

Сначала хроны бурно обсуждали прошедший осмотр у Временного комитета. Кто-то уверенно отзывался о сохранении своего места в лагере, кто-то дрожал подобно осиновому листу. Однако, когда члены комитета появились в холле, все перманентно замолчали. Было слышно, как жужжала муха где-то вдалеке.

Естественно, слово предоставили Ферн Деспайр. Осмотрев серьезных коллег и замерших в ожидании хрон, она заговорила на улыбке, в приподнятом настроении:

- Сегодня нас порадовали все хроны. Вы отлично справились с осмотрами и тренировками.

Репликанты не поверили своим ушам. У большинства подкосились ноги. Ферн же продолжила:

- Прошло почти полгода, и за это время вы только больше взрастили свое мастерство. Сегодня я не исключая никого...

Огромная радость настигла хрон. Все начали пожимать друг другу руки и улыбаться, обниматься... Но, как оказалось, Ферн недоговорила.

- Я не исключая никого, - повторила она еще раз, - кроме одной хроны.

Все снова замерли и замолчали, вновь сконцентрировавшись на облике Деспайр. Она же обратила свой взор на первый ряд – хрон элитного отряда. Затем, спустившись с подмостков, протянула руку Элизе.

- Хрон первого класса, код «ЭО024», буква «омега», имя «Элиза»... Сдавай свои часы, дорогая.

Лагерь Хроноса в этот момент затрясся изнутри. Хроны разом охнули, прижавшись друг к другу. Работники и вожатые чуть не упали. Даже Лори Йохансон в непонимании раскрыл рот. Маттео распахнул глаза от неожиданности, остальные хроны первого класса также шокировались. Сора побледнела, смотря на Элизу. А мое сердце точно встало.

Надо ли было описывать состояние и вид самой Элизы? Ее жутко трясло. Глаза готовы были вылететь из орбит. Зубы стучали друг о друга. Цвет кожи приобрел зеленоватый оттенок.

- М-может, переведете меня в класс обычных х-хрон?... – взмолилась она севшим голосом. – И-или сделаете вожатой... И-или п-просто работником... Я н-не смогу в-выжить вне лагеря... Пожалуйста...

Глубоко вздохнув и закатив глаза, Ферн сама сняла с Элизы часы.

- П-пожалуйста, госпожа Деспайр... Господин Яген, г-госпожа Холлоу, господин Баркли! – слезы безостановочно покатались по фарфоровым щекам, губы Элизы задрожали. – Ради Х-Хроноса... Я в-всегда буду служить е-ему, я буду стараться изо всех с-сил спасти Кастру дальше! Я... я больше н-никогда не буду испытывать чувства и эмоции! Пожалуйста!..

Ферн была непоколебима. Она бросила часы Элизы на пол, а затем наступила на них каблуком, вдребезги разбив. Этот жест поразил весь лагерь.

- Уведите ее, - напоследок сказала Деспайр металлическим тоном

Элиза истерично, горько завопила, умоляя оставить ее. Вожатые, ничего сами не понимающие, взяли «Омегу» под локти и утащили, отчаянно бьющуюся, в неизвестном направлении.

Это был первый раз за все время существования Лагеря Хроноса, когда из него исключили хрону первого класса. Мы потеряли хорошего управленца временем и прекрасную подругу. Наш отряд впервые поредел. И это неистово пугало...

Глава 3

Глава 3. «Моя временная линия»

Исключение Элизы «Омеги» повергло весь Лагерь Хроноса в шок. Обычные, самые уязвимые хроны, для которых всегда был велик шанс изгнания, вовсе не радовались тому, что в этот раз для них все обошлось. Совсем наоборот, среди репликантов начались тихие волнения.

Исключение хроны первого класса стало трагедией и самой настоящей драмой, а также порождением различных теорий. По одним слухам говорилось, что с Кастрой приключится вскоре что-то плохое. Другие теории ведали о коренном изменении состава хрон обоих отрядов, потому что Странники становились все сильнее, а Кастра медленно шла к своему временному восстановлению. Третьи слухи гласили, что среди элитных хрон зародилась загадочная зараза.

Разумеется, данные волнения со скоростью света перешли сначала к работникам, вожатым и верхушке, затем к обычному люду Кастры. Дель-Темпо перестал быть умиротворенным мегаполисом, живущим свою жизнь вне времени. Теперь все косо поглядывали на нас, и вскоре желание выходить на улицу пропало. В целом, я был не против своей уютной каморки и просторных холлов лагеря, однако и работники с вожатыми стали серьезней наблюдать за нами. Теперь нельзя было, чтобы дрогнул лишний мускул на лице или задержался взгляд на какой-то точке без причины. Соответственно, смена хрон стала жестче, а «Эмоциональный тест» усложнили, особенно для первоклассных репликантов.

Конечно, со всеми этими печальными событиями и разрушающейся мирной атмосферой лагеря среди хрон элитного отряда тоже начались волнения. Обстановка накалилась, отношения стали напряженными. С одной стороны, нас всех объединяла потеря товарища, но с другой, отныне каждый видел друг в друге угрозу, которая могла бы пробудить лишние чувства и эмоции. Прекратилась дружба между «Гаммой» и «Эпсилоном», «Кси» и «Пси», «Этой» и «Тетой»... Маттео вообще стал отчужденным и еще более агрессивным – он сильно огрызнулся по любому поводу и злился, когда упоминали Элизу.

Только мы с Сорой всеми силами сохраняли нашу дружбу. Наше доверие было слишком сильно, мы с самого детства держались друг друга и ни в коем случае не хотели допустить, чтобы из-за интриганки Ферн Деспайр все развалилось... Тем более в такие времена.

Однако, к сожалению, мое состояние из-за ухода Элизы ухудшилось. Теперь я думал о сказанных ею словах про любовь, завтракая... Постоянно слышал ее отчаянные крики, засыпая... Эти обещания про отказ от любых чувств и эмоций наводили на различные темные мысли. Я размышлял, почему же хронам совсем запрещалось вести себя как обычным людям? Неужели чувство любви, привязанности, счастья, грусти могло уничтожить нас изнутри? Что в этом было плохого? Почему Временной комитет всегда это пресекал? Почему Хронос не давал никогда этому явлению конкретных комментариев? Я не понимал...

Однако страх пока что был сильнее жажды узнать правду о природе хрон. Мое желание любви и заботы от семьи могло сейчас реально загубить жизнь, - не потому что это плохо, а потому что меня могли выгнать так же, как и Элизу. Я постоянно засматривался на чужих родителей, мне снились странные люди, на которых был похож, какие-то редкие элементы детского восприятия Дель-Темпо. Меня это всерьез пугало. Я стал параноиком. Каждый раз боялся проходить тест и всеми силами выжимал из себя каменное лицо и пустой взгляд. Со временем вопросы камеры становились все сложнее и провокационней, а в космосе линии будто расплывались в руках... И все чаще приходили Странники.

Сора, конечно, заметила мое состояние и с тех пор стала постоянно выходить со мной на миссии, стараясь поддержать. С исключения Элизы прошло несколько недель, и не прошло ни

единого дня, когда бы Сора разлучилась со мною. Только она и помогала справиться с нарастающим отчаянием и безумием.

Сегодняшний день, естественно, не стал другим. Нужно было найти за смену временные линии 2000, 2011 и 2041 год города Дель-Темпо. Большой разброс, но вдвоем мы могли быстро справиться.

Сначала тест прошла Сора, затем я, спокойный от ее присутствия за дверью. Благо, говорящая камера произнесла заветное *«Контрольная точка пройдена, Эдвин стабилен»*, и мы приступили к работе, достав часы из карманов и заведя их.

Космос, несмотря на бдящих Странников, был единственным спокойным местом для хрон. Это было бесконечное темное пространство без резких смен климата, огромных зданий и летающих автомобилей. Здесь также царила вечная тишина: ни заинтересованного народа с их шепотками, ни жестких вожатых с их криками, ни Временного комитета с ехидными смешками Деспайр. Только редкие кометы, затаившиеся гудящие Странники и, конечно, запутанные временные линии. Сейчас общество зеленых нитей и неуклюжих гигантов было нам милее, чем все перечисленное.

Мы с Сорой спокойно искали нужные временные линии, перебирая их и заглядывая в затаенные события прошлого. Сначала подруга и я молчали, лишь всматриваясь в микроворсинки ниток с историями, однако спустя какое-то время «Бета» заговорила:

- Эдвин, что ты думаешь по поводу изгнания Элизы? С тех пор мы вдвоем об этом не говорили, и я хотела узнать, придерживаешься ли ты каких-то общественных теорий. Как раз, может, отвлечемся...

Я и вправду отвлёкся от собственных тревожных мыслей, начиная раздумывать о чужой трагедии.

- Это все неестественно, я считаю. Элитных хрон никогда не выгоняли из лагеря. Думаю, комитет совсем сошел с ума – это решение было несправедливым.

- Думаешь, они могут что-то замышлять, может... Против Кастры или Хроноса? – спросила тихо Сора, продолжая перебирать линии.

Я слотнул.

- Не знаю. Но в любом случае мне всегда казалось, что с Временным комитетом что-то не так. Злые они были какие-то, как не при своей памяти. И сегодняшний день только подтвердил мою собственную теорию.

- М? – подняла голову Сора.

- Мисс Холлоу странно смотрела на меня, когда говорила о моем спасении Кастры, - начал размышлять я, уже не глядя на происходящее во временных линиях. – Ее взгляд будто был умоляющим. И мистер Яген потеплел в лице, говоря о том, что мы пытаемся помочь Элизе... Мне кажется, что, может, они и вправду что-то замышляют, однако не контролируют свои действия.

Сора закивала задумчиво, уже глядя в просторы космоса.

- Все слишком запутано.

- Хах, это да, - усмехнулся я как-то горько. – Все-таки Кастра потерялась во времени, у нас по сути конец света, а комитет играет роль временного правительства, что не очень нормально, так что... Да, все и вправду запутано.

После этих слов я замолчал, а со мной и Сора. Мы опять погрузились в тишину, ища нужные временные линии. 2000 и 2011 годы были найдены и прикреплены к общей дорожке, оставался лишь 2041... Мы долго не могли его найти, поэтому далее тяжело молчали, сосредотачиваясь на поисках.

Но вскоре Сора что-то нашла.

- Эдвин, возьми-ка за эту линию и посмотри, что в ней... Я не могу понять, тот ли это год, что нам нужен...

Отвлекись от других нитей, я сразу без лишней мысли взялся за ту, что держала подруга.

- Я вижу лишь людей, не какие-то конкретные события... - приговаривала она. – Может, ты поймешь?

- Хорошо, сейчас, - только ответил я и тотчас окунулся в предполагаемый 2041 год.

В этом отрезке времени, найденным Сорой, все было странно. Да, это был Дель-Темпо, значительно отличавшийся от предыдущих, похожий на современный, но здесь показывались ни улицы, ни толпы людей, ни, действительно, какие-то большие события... А... дом. Конкретный небольшой домик, похожий на загородный коттедж. Рядом стояла приземлившаяся машина, из нее вышла радостная пара с белым свертком. Заинтересованный, я начал двигать пальцами по линии, одновременно перемещаясь с этими незнакомцами, которых пока видел лишь сзади.

Но когда я оказался вместе с ними в доме, меня почему-то неистово затрясло. Голова закружилась, все вокруг начало расплываться, пот полился с висков, пальцы задрожали и посинели.

Внутри дом казался очень знакомым. Теплого коричневого цвета стены, зеленые ковры, множество рамок с фотографиями, небольшой беспорядок в гостинице... Тут и остановилась пара. Оба человека тоже казались до боли знакомыми, хоть и расплывчатыми. Я конкретно не видел каждой детали в этих людях, однако почему-то сердце неистово забилося при опознании общих черт. Высокий мужчина с круглыми очками стоял по центру, а рядом с ним со свертком села худая светловолосая женщина с серыми глазами.

А в свертке был... ребенок. Маленький пухлый здоровый ребенок. На голове у него проглядывалась парочка реденьких пепельных волосков, глаза были полузакрыты, но они напоминали взгляд матери. Он лениво барахтался в ее руках и, кажется, уже хотел спать. А счастьем родителей не было предела.

- *Какой же он хороший*, - сказал с любовью мужчина. – *Наше сокровище.*

- *Наше богатство, наша удача, наш милый друг!* – прибавила женщина, поглаживая щечки ребенка. Он одобритительно агукнул.

- *Наше спасение*, - посмеявшись, добавил отец и сел рядом с матерью.

- *Уверена, тебя ждет большое будущее и хорошая жизнь, несмотря на ситуацию в мире*, - сказала она ребенку, преисполненная любовью. – *Наш Эдвин...*

Из глаз резко полились слезы. Я начал задыхаться, ощущая поднятие температуры и зверское биение сердца. Линия расплывалась и растворялась, однако произнесенная женщиной фраза продолжала звенеть в ушах. Кажется, я начал терять сознание. Последнее, что услышал, был крик Соры:

- Эдвин!

Я очнулся уже в предбаннике Лагеря Хроноса. Благо, здесь почти никого не было – только Сора, держащая меня за руку и беспокойно оглядывающая. Я сидел на одном из мягких сидений, облокотившись о спинку. Мысленно поблагодарил подругу, что не оставила меня в космосе со Странниками. Драку я бы не пережил...

- Как ты, Эдвин? – спросила обеспокоенно Сора, глядя прямо в душу.

Я тяжело вздохнул, не находя лишнего воздуха. На грудь будто что-то давило. Голова гудела.

- Не очень... - только и смог прокряхтеть. А затем спросил: - Сколько я был в отключке? Меня кто-то видел?

- Минут пять, - начала отвечать Сора. – Да, тебя видели пару вожатых, но я сказала им, что мы дрались со Странниками, - потом она перешла на тревожный шепот: - Что ты видел, Эдвин?

Как только вспомнил все произошедшее и увиденное, вновь затрясся. Мысли начали активным роем мельтешить в голове. Сердцебиение вновь участилось, руки напряглись. Я не верил в то, что видел. Но оно было взаправду.

- Я... видел родителей, - язык заплетался, но я старался говорить внятно изо всех сил, - счастливых, очень знакомых. У меня было явное ощущение того, что я их уже видел. И... у них был ребенок. Они называли его *Эдвин*. Меня не покидает уверенность в том, что этот ребенок – я, а они мои родители.

- То есть, ты хочешь сказать... - тихо произнесла Сора.

Я договорил за нее:

- Я хочу сказать, что могу быть не репликантом, а... *человеком*.

Глаза подруги распахнулись, она побледнела.

- Но... как такое может...

Внезапно из тестовой комнаты вышел хрон. Сора мгновенно замолчала, а я неистово напрягся.

Точно, тест.

- Что бы это все не значило, тебе сейчас нужно пройти тест, - сглотнув, сказала Сора так же напряженно. – Все будет хорошо, Эдвин. Не показывай камере, что с тобой что-то случилось.

Мое сердце продолжало колотиться. Но бежать было некуда.

- Да, хорошо, - взяв себя в руки, я встал и зашел в тестовую комнату.

Внутри сегодня почему-то было особенно неуютно, некомфортно и тесно. Белые стены давили, а прожектор камеры казался похожим на глаз хищника. Однако я постарался спокойно сесть на кресло, не выдавая ни единой эмоции. Камера увидела меня и произнесла:

- Хрон первого класса, код «ЭД006», буква «дзета», имя «Эдвин». Готовы к тесту?

Я сглотнул.

- Готов.

- Ваша контрольная фраза?

- Время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

- Принято, начнем тест.

Именно в этот момент меня будто прошибло током. Внутри начало клочкотать.

- Боялись ли вы когда-нибудь быть арестованным, время молчать, и время говорить?

- Время молчать, и время говорить.

- Вы задумывались о чувствах к противоположному полу, время любить, и время ненавидеть?

- Время любить, и время ненавидеть.

Камера неестественно повторила:

- Время любить, и время ненавидеть.

- Время любить, и время ненавидеть.

- Когда вы не трудитесь, вас держать в клетке, время искать, и время терять?

- Время искать, и время терять.

- Вы чувствуете, что находитесь сейчас в заложниках, время сберегать, и время бросать?

По спине пошел холодок.

- Время сберегать, и время бросать.

- Хотелось ли бы вам иметь семью, время?

Я помолчал. Это была ошибка.

-...Время.

- Хотелось ли бы вам знать, что вы человек, время?

Я еле сдержал дрожь в голосе.

- Время.

- Повторите три раза слово «время».

Наконец-то это закончилось. Я выдохнул и уже более спокойно произнес:

- Время, время, время.

Камера пару секунд помолчала. Я ожидал услышать привычную фразу, но затем все в один момент замерло вокруг от металлического неумолимого голоса:

- *Контрольная точка не пройдена, Эдвин нестабилен.*

Я не прошел «Эмоциональный тест» впервые за свою жизнь. Стал первым хроном элитного класса, чья контрольная точка не была пройдена. Об этом вмиг узнал весь лагерь. Вожаки были осведомлены. Управляющему пришел приказ немедленно направить меня в цитадель Хроноса. Меня и... Сору зачем-то. В целом, я был не против. Одному стало слишком страшно существовать. Стены лагеря начали давить, все здесь сделалось ненавистным и подозрительным. Казалось, что он уже принялся убивать меня.

Спустя полчаса с момента прохождения теста подали черный кадиллак, в который мы с Сорой сели в гробовом молчании. Машина взлетела и понеслась к цитадели.

Лицо «Беты» походило на траурное. Она смотрела лишь вперед. Мой живот стремительно скручивало.

- Теперь ты меня ненавидишь...

- Нет, - ответила твердо подруга, - я думаю, здесь что-то нечисто.

- В смысле? – повернулся в ее сторону.

- Никогда еще хрон, не прошедших тест, не отправляли к Хроносу. Сначала всегда была врачебная экспертиза...

Я замялся.

- Ну, я хрон первого класса, так что...

Сора повернулась ко мне. Взгляд ее был настороженный и проницательный. Она тихо произнесла:

- Что, если ты и вправду настоящий человек, и это может стать проблемой?

Я не знал, что ответить. В горле встал ком. Кадиллак тем временем уже подлетал к высокой стеклянной башне, переливающейся зелеными огнями.

Когда ступили на порог цитадели великого ученого, за спинами встала охрана в черных плащах с лазерными автоматами. Нас через длинные темные коридоры и лаборатории, а также приемные членов Временного комитета провели к кабинету Хроноса.

Один из охранников постучался и спросил холодным голосом:

- Альфред Хронос, «СБ002» и «ЭД006» на месте. Впускать?

За дверью ответил буднично и немножко хрипло:

- Конечно, входите.

Нас провели в очередное темное помещение. Самого Хроноса не было видно, лишь мелькающие экраны камер, какие-то схемы и трубы, наполненные неоновыми жидкостями.

Охранники усадили меня и Сору на серые кресла, а сами вновь встали за спины, придерживая оружия. Кто-то из них снова произнес:

- Они здесь.

Внезапно включился весь свет. Меня несколько ослепило, и я не сразу заметил, как перед нами возник он... Альфред Хронос – создатель всего, что сейчас функционирует в Кастре. Творец хрон... Но меня ли?

Это был худощавый мужчина приличного возраста... Никто не знал, какого. Лицо его было вытянутое, бледное, с морщинами, шелушениями и мешками. Он имел плоские губы, нос

с горбинкой и различные глаза. Один – серо-зеленый, обычный, а другой полностью фиолетовый, напоминающий космическое пространство. Волосы у Хроноса были короткие и белые, руки – костлявые, с длинными пальцами. Он носил деловой коричневый костюм и халат поверх плеч. Альфред также имел карманные часы на груди.

Он тоже сидел на кресле и положил локти на подлокотники, ладони поднес заманчиво к подбородку. Хронос сказал:

- Приветствую вас, хроны первого класса – Сора и Эдвин.

Ученый не выглядел злым или опечаленным, говорил спокойно и даже дружелюбно. Однако что-то в моей груди не давало нормально вздохнуть при его присутствии. Впервые я испытывал такое... Наверное, из-за сложившейся ситуации.

- Мне стало известно, что с тобой, Эдвин, произошли кое-какие неполадки, - продолжил Хронос, глядя на меня. – Ты не прошел тест из-за аномальных сбоев в чувствах и ощущениях.

- Да, сэр... - мертвенно произнес я, - так и произошло.

- Мне очень жаль, что случилась такая ситуация с твоим состоянием, - с неким сочувствием произнес он. Сора все это время смотрела на Хроноса исподлобья. – Насколько мне известно, кое-какая... временная линия вывела тебя из колеи.

Я покрылся мурашками. Никому не было известно, что меня так мучило. Лишь то, что я не прошел тест, только и всего...

Однако вынужден был согласиться.

- Да, сэр... Вы правы.

- В той линии ты якобы увидел людей, напоминающих твоих родителей, и самого себя в младенчестве, - начал раскрывать все карты Хронос. – Это так?

Я тревожно закивал.

- Теперь вы уберете меня так же, как и Элизу? – затем спросил подрагивающим голосом, смотря на склонившегося ученого. – Ради этого вы вызвали меня?

Хронос посмеялся.

- Ха-ха, что ты... Совсем нет. Я вызвал тебя лишь для того, чтобы предупредить о том, что все увиденное – лишь аномалия, порожденная отходами Странников. Сейчас я изучаю это новое явление. Однако можешь быть уверен – ты хрон. Никаких родителей у тебя нет. Продолжай трудиться на благо Кастры и не вспоминай про эту... бракованную линию.

Сора опустила тонкие брови. Я сглотнул.

- Но... я так же нарушил правила лагеря. Почему меня ждало лишь предупреждение, а Элизу... изгнание.

- В этом нарушении нет твоей вины, - ответил буднично Хронос, - а вот... Элиза сама виновата. Хронам запрещено влюбляться в других хрон. Это может... Очень сильно помешать нашей миссии. Да и к тому же... - он мило улыбнулся мне, - какой толк в изгнании сильного репликанта? «ЭО024» не так важна для отряда, ее силы уступают остальным хронам. Мы создадим новую, более сильную «Омегу», поверьте. И вы снова обретете полный состав. Нужно лишь немного времени, - затем Альфред указал на собственные часы.

Его высказывание об Элизе как о каком-нибудь роботе-уборщике возмутило меня. Однако сейчас не время было показывать свои эмоции. Не при Хроносе.

- То есть мне... нужно лишь забыть об увиденном и избегать таких аномальных линий? – спросил я, скрывая недоверие.

Хронос, продолжая тепло улыбаться, кивнул.

- Да, только и всего. И предупреди остальных. Надеюсь, такого больше не повторится.

Один из охранников поднял меня с кресла. Это означало, что я свободен? Но почему тогда со мной притащили Сору?

Потом я снова услышал тягучий голос Альфреда Хроноса. И увидел Временной комитет сзади него.

- Эдвин свободен, а вот Сору... я попрошу остаться на пять минут.

Глава 4

Глава 4. «Против системы»

Альфред Хронос оставил Сору у себя в кабинете, а меня вывели. Поскольку мы должны были вернуться в лагерь вдвоем, меня оставили ждать коллегу в зале ожидания.

Он был такой же приглушенный и загадочный, как и все остальные помещения в цитадели ученого. Но большой, просторный, с колоннами и куполами внутри. От этого зал напоминал бескрайнюю глубину океана – темную и зловещую.

Я был в цитадели Хроноса лишь однажды в детстве. Остальное время мы встречались с ученым в лагере. Поэтому интерьер впечатлял, но... не в позитивном плане. Я совсем забыл и, видимо, не был готов к тому, что вся цитадель представлялась мрачным замком. Но помнил ли вообще?... Или все воспоминания оказались ложными?..

Хронос с уверенностью и отцовской добротой заявил, что увиденное мною – лишь аномалия временного отдела космоса. Так сказать, экскременты Странников. Однако эти слова не внушали доверия. В них для меня не слышалось и капли истины. Я уважал Хроноса, но почему-то сейчас совершенно не верил ему. Все эти мысли про семью, ощущения забывчивости... Все привело в итоге к данной временной линии, где я, возможно, увидел своих родителей и самого себя в детстве.

Если это была настолько неважная вещь, из-за которой не стоило выгонять из лагеря, то почему Хронос решил вызвать меня лично и сказать об этом? Почему он словно пытался загипнотизировать, смотря прямо в душу? Для чего вызвал и затем оставил Сору? Я не понимал.

Теперь, когда увидел *свою* временную линию, я не доверял никому. Ни Хроносу, ни комитету, ни лагерю, ни Дель-Темпо. Отныне преследовало ощущение, что Кастра что-то скрывала от меня. Я хотел узнать о себе больше. Чувствовал, что вся жизнь до этого момента в космосе оказалась ложью. Создавалась высокая вероятность того, что я вовсе не являлся репликантом, а был живым ребенком своих родителей.

Теперь, сидя в кресле, я тревожным взглядом окидывал зал, подсознательно желая еще раз увидеть эту счастливую родную пару хоть где-нибудь. Но, конечно, здесь ничего не было. Только лавовые лампы и множество фотографий с Альфредом Хроносом.

Некоторые были нормальные, а некоторые – сомнительные. Где-то ученый стоял с членами комитета на фоне совместных открытий; где-то он показывал объективу первых хрон. Интересно, где они находились сейчас? Я их никогда не видел. Впрочем, неважно.

Были, как я уже говорил, странные фотографии... На каких-то показывался один и тот же корабль, на других – некая база, на третьих – изображение документов с надписью «МК-ультра». Я не понимал, что это были за фотографии и какой смысл они несли. Однако с центральным фото Хроноса, прожигающим дыру в груди космическим взглядом, это все вкуче смотрелось жутко и тревожно. Почему?... Альфред Хронос ведь... был спасителем.

- Эдвин.

Твердый голос Соры раздался за спиной. Я повернулся и увидел, что она, опустив брови, стояла передо мной с охраной позади. Никогда не видел «Бету» такой мрачной...

- Пойдем, - позвала она, - мы закончили. Нужно возвращаться в лагерь.

- Ам... хорошо, - только и смог вымолвить я. Хотел сказать что-то еще, но взгляд подруги не позволил.

Обратная дорога в кадиллаке прошла в абсолютном гробовом молчании. Сора смотрела в одну точку и казалась очень подозрительной, напряженной, злой... Мне оставалось только догадываться, что такое ей сказал Хронос и комитет, что она в один момент так похолодела.

Мы вернулись в лагерь к вечеру – наставало время ужина. В холле я попытался заговорить с подругой:

- Сора... Что тебе сказал...

Она мгновенно огрызнулась, посмотрев на меня хищным умертвляющим взглядом.

- Поговорим после отбоя. Это разговор не для ужина.

Я сглотнул, к горлу словно начала подступать тошнота. С таким настроением Соры вряд ли смогу нормально поесть...

К сожалению, я не мог тихонько похлебать свой ужин в одиночестве. Нас по обычаю посадили за один стол с другими хронами первого класса. Теперь на меня смотрели абсолютно все. Я чувствовал себя каким-то музейным экспонатом. Еда не лезла совсем.

- Слышал, ты провалился, - снова начал нервировать Маттео, - и был вызван к Хроносу. Папочка сказал тебе пару ласковых?

- Я видел аномалию, это произошло не по моей вине, - попытался ответить спокойно я, благодаря в какой-то момент ученого за его официальную версию произошедшего. – Хронос просил предупредить о них. С таким может столкнуться каждый.

- Даже если я столкнусь, то уж точно не провалю тест говорящей камеры, - съязвил Маттео, - в отличие от тебя. Слабак.

- Ты каждый раз настолько прицепляешься к Эдвину, что это уже кажется подозрительным, - внезапно начал парировать очкастый Гарольд «Эпсилон». – Сначала сделай что-то сам или переживи это, прежде чем хвастаться своей силой перед другими.

«Альфа» цыкнул.

- Я делаю для лагеря больше всех вас вместе взятых.

- Тогда что же ты не спас Элизу от изгнания с помощью своего влияния? – задала справедливый вопрос поникшая Катерина «Гамма». Элиза тоже была ее подругой.

Этот вопрос застал Маттео врасплох. Он сразу позеленел и сжал кулаки, опустив голову.

- Заткнитесь, а.

- Тогда и ты замолчи и ешь свой ужин, - отрезала Сора, палочками хватая кусок рыбы.

Далее ужин прошел в тишине, хоть и напряженной, с оставшимся налетом последних событий.

Когда все разошлись, я направился в свое жилое крыло для хронов-парней. Уже стемнело, и потому коридоры стали темными, освещаемыми лишь красными огоньками дверей. Других хрон не было в полумраке – выдалось свободное время после окончания смены, и, как обычно, репликанты разбежались кто-куда – на улицу, в библиотеки и залы отдыха.

Я уже подходил к двери своей комнаты и хотел доставать ключ-карту, когда услышал прерывистые шаги. Кажется, за мной следовала, подобно ниндзя, Сора. Тогда остановился, и она повторила то же самое.

- Эдвин, нужно поговорить у тебя в комнате, - произнесла тихо «Бета».

Я посмотрел на карманные часы.

- Ты, кажется, хотела поговорить после отбоя, а до него еще есть время.

- Времени мало, - Сора сглотнула. – Я чувствую, что давление на тебя и меня усилилось за последние часы.

- Конечно... Я же нарушитель первого класса, поэтому вожатые теперь так косо смотрят, - вздохнул я устало. Хотелось просто закрыть глаза и забыться. Однако вид и слова Соры все равно создавали внутренне любопытство во мне.

- Эдвин, то, что я хочу сказать тебе, очень важно, - «Бета» подошла ближе, - и тебе это все не понравится.

Я сглотнул, сжимая ладони. Конечно, кому я врал?.. Мне в самом деле хотелось узнать все от подруги даже несмотря на усталость.

- Ну... хорошо.

Не успела Сора сделать еще шаг, как за ее спиной возник опасной тучей Маттео.

- Это, вообще-то, мужское крыло, «СБ002», - скрестив руки на груди, отчеканил «Альфа».

Тогда подруга бесстрастно повернулась к заставшему нас врасплох репликанту и ответила:

- Мне нужно кое-что обсудить с Эдвином.

- После этой провальной миссии вы оба ведете себя крайне подозрительно, - Маттео прищурился, - будто что-то замышляете.

- Ничего мы не замышляем, - вмешался я, вставая между ним и Сорой, - и вообще, тебя это не должно волновать так же, как и то, что Сора в мужском крыле. Это формальное разделение для удобства вожатых.

- Ты... - Маттео чуть ли не рыкнул. - Я буду следить за вами в оба глаза. Это приказ вожатых.

- Для третьего у меня в комнате нет места, - я взял Сору за руку и повел к себе, оглядываясь на надоевшего «эталона». - Так что извини.

Благо, ключ-карта была поблизости. Я приложил ее к сенсору, дверь открылась. Мы с Сорой быстро скрылись из поля зрения Маттео, который теперь стал еще подозрительней и, конечно, агрессивней. Снаружи я услышал грузный вздох и отдаляющиеся шаги. Хорошо, что он жил в самом конце коридора. Да и, может, не следил Маттео вовсе, а только понтовался, как обычно.

Когда мы вошли, Сора тотчас подошла к окну, огляделась и зашторила его. Я же сел на кровать, развязывая давящий под конец дня галстук, а затем и расстегнул жилетку... В моменте стало крайне душно.

«Бета» приземлилась на стул у столика, сомкнула коленки вместе и соединила пальцы в замок. Она выглядела очень нервно, прислушивалась к каждому шороху.

Я попытался разрядить обстановку:

- Если хочешь, можем включить радио...

- Хронос приказал мне уничтожить найденную временную линию, - как гром среди ясного неба, раздался голос Соры. - Ту самую, якобы аномальную, как он тебе сказал.

Я так и осел.

- Что?..

Подруга поглядела глаза в глаза.

- Он сказал мне, что нужно заставить тебя любой ценой забыть об этом, - затем она достала из кармана жилетки маленький шприц с длинной тонкой иглой и темно-синей жидкостью. - Приказал сначала уничтожить нить, а потом вколоть тебе *это* во сне, поскольку ты мне больше всего доверяешь и вступишь в комнату. Вожатым и верхушке он ничего не рассказывал об этом.

Снова большой комок встал где-то в горле. Ноги стали ватными, а глаза потеряли всякий фокус, глядя на неизвестный шприц.

- Это... что?

- ХАОС, - пояснила Сора, - плазмид, заставляющий забыть в прямом смысле. Он подобен сильному наркотику. Хронос объяснил план до мелочей: я напрашиваюсь к тебе в комнату, долго беседую с тобой, заставляя устать, и, когда ты засыпаешь, тут же вкалываю в шею. И, как он сказал, вуаля – Эдвин снова Эдвин. Хрон первого класса, никто более. Его слова. Точь-в-точь.

Я ничего не понимал. Сознание помутнилось.

- И... что ты собираешься сейчас сделать? – облизал пересохшие губы, снова начиная вспоминать родителей и малыша. Поднялась тихая паника внутри. - Сейчас усыпишь меня? Ты уже уничтожила эту линию? Это ж... приказ... ха-ха...

Тогда Сора показательно уронила шприц и с силой наступила, разбивая. Жидкость тут же растворилась, не успев вытечь.

- За кого ты меня принимаешь, Эдвин? – немного обиженно, но серьезно спросила «Бета» сквозь зубы.

Я посмотрел на осколки шприца под ногами подруги, сжал пальцами постель.

- Повторюсь, это ведь приказал Хронос, так что... Я подумал, что ты, конечно же, исполнишь его.

Сора чуть наклонилась ко мне, глядя исподлобья. Ее взгляд походил на сосредоточенный опасливый взор кошки.

- Альфред Хронос что-то скрывает, - сказав это, подруга прочистила горло, - ведет грязную игру. Я начала замечать это и подозревать уже очень давно, однако моим догадкам все не находилось подтверждения... До сегодняшнего дня. Найденная нами линия явно не входила в его планы, твое внезапное озарение стало невыгодно... И он решил как можно скорее уничтожить все это.

- Но зачем? – покрываясь мурашками жуткого осознания, я ответно посмотрел на Сору. – Зачем Хронос хочет, чтобы я все это забыл? Это ведь... никак бы не помешало спасению Кастры.

- Скорее всего, сегодня ты увидел то, что не должен был видеть, - «Бета» выдохнула. – Эта линия, твои мысли, приказы Хроноса... Все намекает на то, что ты человек, не репликант. И это он, очевидно, старался скрыть и сейчас пытается заставить тебя забыть. Это проблема.

- Но почему он скрывает? – перевел взгляд на руки и увидел, как они неистово задрожали. – Почему я нахожусь в лагере, если являюсь человеком? Как тогда управляю временем? И где тогда... мои родители?

- Очень возможно, что у Хроноса другой, совсем не дружелюбный план в отношении Кастры, - ответила Сора, медленно вставая. – Это начинает подтверждаться...

Сам не понимая зачем, я встал вслед за подругой. Куча мыслей роилось в голове, однако я задал единственный беспокоящий вопрос:

- И что мы будем делать? Ты не выполнила приказ великого ученого, а я тотчас попал под прицел как свидетель чего-то секретного. Даже не представляю, что с нами могут сделать...

Сора сжала кулаки и повернулась к окну, пристально рассматривая ночные пейзажи Дель-Темпо. Она довольно долго молчала, а я все это время не находил себе места, переминаясь с ноги на ногу. Ждал, что ответит подруга...

Через несколько мгновений Сора заговорила, и ее ответ поразил меня:

- Оставаться в Лагере Хроноса больше не имеет смысла. Он стал для нас замкнутой ловушкой и полным заточением. Так мы никогда не узнаем истину... Поэтому я предлагаю бежать.

- Что?

- Бежать, Эдвин, - повторила «Бета». – Это единственный выход – убежать куда угодно, лишь бы не быть больше пешками Хроноса. Люди как-то выживают, а мы репликанты, что сильнее и выносливее в несколько раз. Даже ты... Поэтому нужно действовать быстро и сбегать на поиски реальной правды, а не той, которую талдычит Хронос.

Я был в шоке от безумной идеи Соры. Однако внутри понимал, что да – другого выхода реально нет. Либо я ищу истину о себе и Кастре любой ценой, либо... забываю эти теплые знакомые родительские руки навсегда, зато прохожу тест на 100 процентов. Страшно, боязно, тревожно, но выбор был очевиден. Я доверял своей подруге полностью. Особенно после того, как она призналась в том, что сказал ей Хронос.

- А если за нами будет погоня? – спросил уже для формальности.

- Не будет, если мы сбежим после отбоя, - Сора пошла к двери. – Собирай все необходимое, я скоро вернусь – пойду за запасными плазмидами. Нужно действовать быстро.

Не успел ответить, как «Бета» быстро скрылась за дверью. Я снова сел на кровать и вздохнул, складывая руки в замок. Все внутри тряслось и извивалось. Глаза слезились, губы дрожали. Я совсем не ожидал, что сегодня придется... Убежать из Лагеря Хроноса навсегда, в неизведанный мир больной аномальной Кастры. Мне было страшно, однако теперь желание найти родителей и себя оказалось сильнее страха неизвестности. После случившегося я действительно перестал доверять Хроносу и комитету. Сначала они хотели вколоть губительный наркотик, а потом что?... Убить за лишние познания?

Я начал собираться. Особо брать было нечего – в небольшую лагерную сумку сложил запасной комплект повседневной одежды, некоторые накопленные сбережения с выплат хронам, а также набор для починки часов на всякий случай. Хотел еще взять одно из моих комнатных растений, но скрепя сердце отказался от этой идеи. Они были дороги мне, но в условиях бегов не продержались бы долго. Оставил на заботу вожатых...

Совсем скоро наступил отбой. Все репликанты провалились в мертвый сон, вожатые тоже спокойно разошлись по комнатам. Верхушка ушла по домам вместе с Лори Йохансоном. Выключился всякий свет, и лагерь погрузился во тьму ночи. Лишь редкий свет небоскребов и машин пробивался в окно.

Я, конечно, не спал. Ждал Сору. Она пока так и не появилась – наверняка специально создала видимость того, что находится в своей комнате и готовится ко сну.

Похоже, так и было. Спустя некоторое время снаружи тихонько постучали, и я разблокировал дверь ключом-картой. Внутри тут же проскочила худая тень.

Это была Сора. На ее плече висела такая же небольшая темная сумка, в руках подруга держала капсулы улучшений для хрон. Горсть разноцветных таблеток она сунула мне.

- Держи, убери куда-нибудь в карман, - произнесла «Бета» вполголоса.

Я послушно взял капсулы и положил туда, куда указала Сора. Затем спросил:

- Как мы будем уходить?

- Через выход на крышу, - ответила подруга. – Он самый ближний и непримечательный. Оттуда через другие здания скроемся и... все. Дальше пока не продумала. Но нам главное удалиться на достаточное расстояние от лагеря.

- Да, понял, - согласился и потом осмотрел комнату, проверяя, не забыл ли чего.

Сора протяжно вздохнула и вновь повернулась к двери.

- Пойдем, Эдвин. Постарайся не издавать лишних звуков. Дыши тихо. Ходи тоже.

Уже настроившись на побег, я только молча кивнул... И открыл дверь.

Мы вышли в пустой темный коридор. Все двери были заперты, слышалось редкое сопение хрон. Дежурная охрана только спустилась в другое крыло к обычным репликантам. Моя комната находилась вне расположения круглых камер наблюдения. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, мы с Сорой начали мелкими шажками двигаться к выходу на крышу.

На куполообразной вершине дул прохладный ветер. Ее окружали стены небоскребов, безграничные тропы и автомобили, пролетавшие чуть ли не над головами.

У Дель-Темпо словно были глаза. Улицы оказались пустыми, однако мне чудилось, что на нас кто-то смотрел из каждого угла, из каждого панорамного окна, из телефонных автоматов... Город будто только и ждал, что мы прыгнем в его хищные объятия, не защищенные более никем, кроме самих себя. Огни били в глаза, ветер постепенно становился холоднее и пробирал до мурашек, донося редкие крики из далеких питейных заведений.

Сора не стала медлить и любоваться пейзажами ночного мегаполиса. Она призвала:

- Вперед, Эдвин, - и поспешила спрыгнуть с крыши. Подруга приземлилась подобно кошке. Я последовал за ней, правда, оказался на земле не так грациозно, но зато крепко и уверенно. Все благодаря «бонусам» из автоматов.

Сора вздохнула, даже не кидая прощальный взгляд на Лагерь Хроноса. Она выпрямилась и устремилась вдоль домов, таких больших и высоких... Почему-то сейчас они казались мне

особенно громоздкими, хотя я уже не в первый раз видел здания Дель-Темпо, и даже не второй, не пятый... Наверняка подобное чувство создавалось из-за колкого осознания того, что вот – это свободная территория, не окольцованная куполом, не огражденная охраной, не занятая вожатыми и работниками... Полная незнакомых людей, с которыми придется взаимодействовать. Богатая тайнами и загадками, которых раньше мы не замечали, убежденные в истине Альфреда Хроноса...

Теперь, с этого момента, все стало по-другому. Больше не будет прошлой жизни в отстраненном от реального мира лагере. Я все думал об этом, идя за Сорой и оглядывая каждый дом и переулок, пустующий в ночи.

- Возможно, нам придется где-нибудь переодеться, - предлагала различные идеи для выживания «Бета», - чтобы, если что, люди не могли опознать нас.

- Да, согласен, - я же во всем соглашался с подругой, чувствуя себя немного загнанной в угол мышью. Интересно, отчего возникало такое чувство?.. Спустя несколько мгновений начал понимать.

Не успели мы далеко отойти от лагеря, как увидели множество желтых огней повсюду, зажегшихся в одночасье. Не ускользнули от внимания и появившиеся тени по бокам – одна высокая, с развевающимися краями халата, оказалась до ужаса знакомой. К сожалению...

Сора внезапно остановилась, так же, как и я. В унисон, будто читая страшные мысли друг друга, мы медленно обернулись к обладателям теней и источникам огней.

- Куда-то собрались, «СБ002» и «ЭД006»? – раздался скрипучий саркастичный голос Хроноса. – Уже поздно – давно объявлен отбой.

На крыше лагеря возник Альфред Хронос – неестественно выпрямившийся, сложивший руки за спину, с опасно сияющим космическим оком. Он прожигал нас взглядом, давил злобной аурой. Рядом с ним собрались недовольные и презирающие нас, беглецов, вожатые с заряженным лазерным оружием в руках. Совсем близко к ученому находился Маттео, скрепивший руки на груди. Видимо, это он сдал нас, пронюхавший обстановку. Подлец.

- «МА001» передал вожатым, что вы двое собираетесь куда-то... очень далеко и, кажется, навсегда, - подтвердил мои догадки Хронос, прищуриваясь. – Я сразу примчался сюда, чтобы убедить вас в том, что этого не стоит делать. Это глупо и бессмысленно.

Я молчал, лишь часто сглатывая и смотря на ученого в ответ. Подсознательно начал делать маленькие шажки назад.

- Проводимая вами политика противоречит кодексу лагеря, - с уверенностью процедила, - она написана вами же. «Никаких насильственных манипуляций над хрономами» - гласит одна из статей. Или же вы писали кодекс лишь для отвода глаз?

- Я лишь хотел помочь Эдвину забыть страшную аномалию, - начал вкрадчиво разьяснять Хронос. В его голосе, однако, слышалась ложь. – Из-за нее его психика повредилась, а это недопустимо для хроны. Он может умереть...

Я не сдержался и крикнул:

- Где мои родители?! Я же вижу, что вы лжете! Вы были с ними знакомы?! Как я оказался у вас?! Они погибли или же... я был украден?! Скажите, я больше ничего не требую! Это ведь слишком правдоподобная линия, не похожая на аномалию...

Я явно раздражил ученого своими эмоциями. Вожатые вопросительно на него взглянули. Хронос тяжело вздохнул, потеряв переносицу.

- Хватит этих глупых вопросов, - затем промолвил он строго. – Живо возвращайтесь в лагерь. Это ради вашего же блага.

Я сжал руки в кулаки, взбешенный отстраненным поведением Альфреда Хроноса. Теперь не хотелось возвращаться в лагерь от слова совсем.

Сора вновь будто услышала мои мысли. Она тихонько шепнула:

- Бежим. Если не сейчас, то никогда.

- Ну? – ученый мотнул головой. – Мы ждем вас.

- Давай, - коротко бросила подруга.

Ничего не ответив Хроносу, мы с Сорой что есть сил побежали прочь. К сожалению, погони было не избежать. Ученый дал приказ:

- Вожатые и ты в особенности, «МА001», поймайте их любой ценой. Я верю в вас.

Сзади слышались грузные звуки бега и выстрелы из орудий. Дель-Темпо проснулся, люди начали выглядывать из окон. Постепенно нарастала паника.

Мы с Сорой не знали, куда бежали. Двигались как можно запутанней, лишь бы сбить со следа преследователей. Мы бежали переулками, подземными переходами, сложными развилками. К сожалению, свидетелей нашего побега становилось все больше, а огни в геометрической прогрессии размножались, освещая наши фигуры. Но мы продолжали лететь по вполноценному мегаполису, не зная устали.

Совсем скоро вожатые выдохлись, что немного облегчило ситуацию. Однако все еще бодро гнался Маттео – самый выносливый и сильный. И кровожадный, как оказалось. За признание Хроноса он готов был чуть ли не убить нас. Это пугало, но я старался не сбавлять темп.

В один момент Маттео все-таки нагнал меня. Он озверело схватил за плечо и повалил на землю, затем наступил ногой на живот.

- Никогда не пытайся убежать от меня, понял, «ЭД006»? – произнес «Альфа», глядя на меня сверху сверкающими от адреналина глазами. – Ты слабее. Ты хуже.

Я попытался высвободиться из мертвой хватки и убрать ногу с живота. Однако Маттео только надавил сильнее и больнее.

- Лучше не сопротивляйся, пока я не сломал твои *хрупкие человеческие* кости, - рыкнул «Альфа».

Он хотел сделать что-то еще, но меня спасла Сора. Она набросилась на «МА001», повалив уже его.

- Ты! – закричал Маттео яростно. – Вообще не вмешивайся в план Хроноса! Ты только все рушишь! Всегда!

Он схватился за коленку «Беты», попытавшись вывихнуть ее. Тогда подруга сильно заехала этой же ногой по лицу «Альфы». Из его носа мгновенно пошла искусственная кровь, а щека вздулась.

- Надеюсь, вскоре ты одумаешься, - сказала холодно Сора, наблюдая, как откашливался «Альфа». - И не кичись так своей силой. Помни, что у меня она тоже есть.

Сора отошла от Маттео, подняла меня на ноги и быстро повела дальше.

- Скорей, нам нужно бежать дальше.

Мышцы живота резко заболели. Подобное ощущал впервые.

- Кажется, я больше не смогу, - я схватился за живот, жалобно глядя на подругу. – Мне нужно передохнуть. Здесь... болит. Вдыхать больно.

- Черт, Эдвин, только не сейчас, - начала вздыхать подруга, оглядывая небо в поисках машин-ищек Хроноса.

Внезапно слышался незнакомый голос. Он доносился из очередного темного переулка:

- Хроны, давайте сюда.

У меня в глазах начало плыть. Сора же всмотрелась в темноту и спросила:

- Кто вы?

- Это пока неважно, - сказал человек в переулке. Я разглядел очки и коричневую куртку.

– Я помогу вам. Укрою от преследования и перевяжу Эдвина.

Я не понял, откуда этот незнакомец знает мое имя. Но в таком состоянии не мог адекватно соображать. А игнорировать возникшую помощь тем более.

Сора сначала не доверяла силуэту в переулке, все приглядываясь, но как только опять замигали желтые огни, ей не оставалось ничего, кроме как повести меня во мглу неизвестности. Лишь бы скрыться от Хроноса...

Глава 5

Глава 5. «По кусочкам»

Как только мы юркнули в мрачный узкий переулок, незнакомец облегченно выдохнул и сказал:

- Отлично. Теперь следуйте за мной, я укрою нас от слежки щитом, - и достал некий металлический флеш-накопитель с ярко-голубыми линиями по бокам.

В полутьме я едва мог разглядеть человека, неожиданно возникшего и решившего помочь нам. Из-за побега и травмы, нанесенной Маттео, все чувства и ощущения притупились. Я испытывал небольшую тревогу, глядя на мелькающие стекла очков мужчины и накопитель в руке. Надеялся, что он не один из сотрудников Хроноса...

- Если вы задумали какую-то гадость, - начала предостерегать незнакомца Сора, - то я готова драться. В крайнем случае отправить вас в какой-нибудь год Кастры, закрыв выход навсегда. Не стоит нарываться. Просто предупреждение.

- Я понимаю, - спокойно ответил мужчина, - не хочу причинять вам вред. Понимаю, в это сложно поверить, но я готов помочь, ибо знаю всю ситуацию.

Вот как. Что ж, это начинало быть любопытным...

Нажав на кнопку, незнакомец образовал голубой щит, что каким-то образом должен был укрыть нас от машин и солдат Хроноса. Наверное, он был маскировочный, с эффектом невидимки, я слышал о таком. Щит придумал какой-то ученый с северного района...

Когда человек вышел на ночной свет луны и фонарей, я смог разглядеть его полностью. Это был мужчина средних лет, одетый в неприглядные черные брюки с множеством ремней и коричневую куртку. На ремнях были закреплены различные предметы: флешки, флажки, часы, блокнот... В кармане куртки, видно, покоилась ручка для него. У незнакомца были короткие пепельные волосы, небрежная щетина и круглые очки, блестевшие все время на переносице. Взгляд голубых глаз был серьезным, задумчивым. Губы напряженно поджаты. Ведя нас в неизвестном направлении, человек оглядывался то на небо, то на дороги, будто что-то проверяя.

- Куда мы идем? – тихо спросил я, все держась за живот.

- Ко мне домой, - ответил мужчина, - он недалеко.

- Хорошо, только, пожалуйста, чуть помедленней... - попросил я, начиная потихоньку задыхаться. Это было больно.

- Да, конечно, - незнакомец замедлил шаг, - удары «Альфы» достаточно болезненны, особенно, когда он разозлится. Если бы не вы, «Бета», он бы размозжил Эдвина в лепешку.

- Я погляжу, вы много знаете о хронах, - подметила Сора. – Кто вы вообще такой? Бывший сотрудник лагеря?

- Я Джеймс О'Хара, - представился мужчина, мельком глядя на нас. – Хроновед. И нет, я никогда не работал в лагере, лишь в Институте Времени. Затем занялся собственными исследованиями, касающихся ситуации вокруг Кастры. Они, конечно, невыгодны Хроносу, поэтому я скрываюсь, постоянно гуляя под щитом.

- Значит, вы знаете, что на самом деле происходит в нашем мире? – затаив дыхание, поинтересовался я.

- Да, - согласился Джеймс, - и я хочу поведать все вам, как тем, кто выбрался из лап Лагеря Хроноса и готов добраться до истины.

- Вау... - только и смог произнести, слишком уставший и желавший прикрыть глаза хоть на 15 минут.

Сора же тихо хмыкнула, однако в черных глазах проскочило любопытство. Она даже сейчас была сдержанной, с холодным рассудком, как и все хроны. Мы оба еще не привыкли к тому, что можно не таить эмоции и чувства, что... больше не нужно притворяться бездушными воинами против Странников. Погодите, это серьезно теперь было так? Я не мог поверить своим мыслям.

Джеймс О'Хара привел нас в неприметные апартаменты старой постройки, еще, кажется, созданные до апокалипсиса. Внутри, однако ж, был приятный и чистый интерьер. Темно-зеленые стены и кресла, позолота, милые консержи в форме под цвет окружения дома встретили нас на входе. Правда, они не видели меня, Сору и Джеймса. Он отключил щит лишь тогда, когда вошел в свою квартиру.

Меня бинтовали уже в тесной гостевой комнате. Здесь был небольшой беспорядок – на журнальном столике окурки, книжки на стеллажах полураскрыты, все кругом в странных схемах и фотографиях. Пахло затхлостью и одиночеством. О'Хара хотел нас покормить, но обнаружил в холодильнике лишь энергетический напиток в стеклянной бутылке и орехи. Пришлось довольствоваться лишь чаем – заварка на одного человека была распределена между мной и Сорой.

- Извиняюсь за бардак и столь нерадушный прием, - приговаривал Джеймс, обматывая бинты вокруг моего живота. – Я не был готов к тому, что это все случится именно сегодня.

- Нам все равно, - сказала Сора, помешивая сахар в чае ложкой, - главное, что мы нашли укрытие.

- И Маттео потерял нас из виду, - дополнил я, вспоминая то, с какой скоростью он следовал за нами. – Он мог бы еще очень долго бежать за нами...

- Здесь вас не достанет ни Маттео, ни вожатые, ни бригады из цитадели Хроноса, - О'Хара закрепил бинт сзади и выдохнул. Затем спросил, поправив очки: - Как вы решились бежать из лагеря?

Сора напряглась, смотря на отражение в чашке. Поверхность воды содрогнулась от ее дыхания.

- Эдвин увидел в космосе собственную временную линию, - начала она, - а это раньше был нонсенс, потому что у хрон нет своих линий и постоянных воспоминаний. Хронос приказал мне усыпить Эдвина с помощью ХАОСА, но я отказалась, желая сберечь его разум. Мы решились бежать, потому что перестали доверять Хроносу...

- И захотели узнать истину обо мне и Кастре в целом, - продолжил я, глядя на Джеймса. – Судя по тому, что хотел сделать господин Альфред до этого и как начал гнаться за нами сейчас, он что-то скрывает.

- Это действительно так, - согласился О'Хара. – Многие на самом деле подозревают Хроноса в нечистых делах, но никто не говорит об этом вслух. Иначе кто же будет «спасать» Кастру? – он показал кавычки пальцами.

- Значит, он на самом деле не хочет спасти нашу планету? – сглотнул я опасливо.

- Конечно, нет, - Джеймс покачал головой. – Это лишь иллюзия, умело им созданная. А вы, хроны, его пешки. Что ты увидел в своей временной линии, Эдвин?

Я на мгновение замолчал, вспоминая недавно произошедшие события. Подсознательно проверил, живы ли мои воспоминания о родителях. К счастью, я помнил все четко.

- Я видел себя маленького и своих родителей – мужчину в очках, похожих на ваши, и худую женщину с глазами, как у меня. Они качали и звали по имени... Я не думаю, что это совпадение. По крайней мере, надеюсь...

Все то время, что рассказывал об увиденном, Джеймс О'Хара смотрел на меня. Внимательно, изучающе. Какая-то далекая печаль промелькнула в его взгляде. Он отстраненно мял ладони и то сжимал, то разжимал губы. Будто о чем-то размышлял.

- Что ж, я думаю, что у тебя будет возможность понять свою истинную природу, - спустя недолгое молчание ответил исследователь. – Твои временные линии еще точно тебе встретятся в вашем путешествии.

- Путешествии? – Сора вопросительно выгнула тонкую бровь.

Джеймс встал с дивана и подошел к стене, на которой висели различные схемы и фотографии с красными нитями. Среди них были члены Временного комитета, какие-то светящиеся сферы, города Кастры... В итоге все сводилось к фото Хроноса, находящемуся посередине. Иногда поглядывая на нас, ученый заговорил серьезным тоном:

- Я не знаю, кто такой Альфред Хронос, что он за существо, откуда взялся... Но он не спаситель Кастры, не местный Бог, как это принято у нас считать. Он мерзкий злодей, сделавший из нашей планеты один большой безумный эксперимент.

- Эксперимент?.. – я приоткрыл рот в удивлении. – Из Кастры?..

- Я изучал природу возникновения аномалии нашего мира, - говорил, будто разжевывая, О'Хара, - изучал суть временных линий, которые ищите вы, хроны. И пришел к выводу о том,

что это все брешь, ложь. Это все ненастоящее, созданное искусственно Хроносом-иллюзионистом.

Смотря на схемы схождения Кастры с временного континуума Вселенной, Сора уточнила:

- Что брешь? Апокалипсис и нити?

- И то, и другое, - начав показывать руками, отвечал Джеймс. – Проведя собственное исследование еще при Институте, я выяснил, что Кастру сместили ни гравитационные поля, ни Странники, а кто-то вне космоса. То есть, своими руками. Такой возможностью обладает только Альфред Хронос. И потом... Временные линии. Да, они существуют. Да, вы правда видите прошлое нашей планеты. Однако вы на самом деле соединяете их не в том порядке, в котором нужно. Хронос их специально перепутал. То, что вы соедините в конечном итоге все линии, не спасет Кастру. Это лишь... поможет Альфреду создать свой автономный континуум, разрушительный. Способный... уничтожить общее временное строение Вселенной. В этом ему помогут не только несчастные хроны, но и члены Временного комитета, в которых заложены его хронопультаторы.

Мы с Сорой одновременно спросили, ничего непонимающие:

- Хроно что?

Нажав на один из эманаторов, исследователь образовал голограмму в виде некоего металлического устройства в форме небесно-голубой светящейся сферы с серебряными кольцами. Устройство внешне напоминало маленький Сатурн.

- Хронопультаторы – это магические микроустройства, в которых заключена суть Хроноса, его сила, - рассказывал неспешно, обдумывая каждое слово, Джеймс. – Они обладают замедленным действием, накапливают всю мощь этого существа, кем бы они ни был. С помощью хронопультаторов как раз и можно либо спасти Кастру, либо... уничтожить и ее, и весь временной континуум Вселенной. И тогда мы навеки будем существовать вне времени. В одной большой Кастре, в бессмертном Лагере Хроноса.

Голограмма закрутилась вокруг своей оси, показались все детали могущественных устройств маленьких размеров – каждая микровспышка, каждая искорка, каждая магическая линия и сочленение. У меня пошли мурашки от сказанного и в целом от показанного вида хронопультаторов.

- И... где же они хранятся, эти хронопультаторы? – поинтересовался я, разглядывая чуть сутуловатую спину Джеймса. Я тоже иногда так горбился, когда был озадачен.

О'Хара глубоко вздохнул, затем переключил кнопку эманатора. Показался каждый член Временного комитета. В их грудных клетках были заключены уже знакомые металлические сферы.

- Всего их... четыре, как и членов комитета Хроноса. По одному на каждого.

- Как они там оказались? – чай Соры давно остыл, она была полностью поглощена голограммами.

- На протяжении многих лет Альфред искал подходящие сосуды, способные взрастить пульсаторы. Для них нужны были люди, предрасположенные к управлению временем. Он выбрал тех, кто оказался в переломном моменте своей жизни, на грани трагедии, желавших поменять все – себя, других, судьбу и, конечно, то самое время.

Потрясенные собственным уникальным горем, эти четверо несчастных посчитали Хроноса несомненным спасителем, кто подарил им невероятный дар. Однако затем они потеряли самих себя – их память была стерта, а тела начали жить лишь для циркуляции хроноппульсаторов. Поэтому они стали выполнять любую прихоть этого... нечто.

- Как я и предполагал! – не сдержав эмоций, воскликнул я, чуть ли не подпрыгнув. За такой жест организм наказал волной ноющей боли. – Я... я подозревал, что члены Временного комитета совсем не те, за кого себя выдают. Помнишь, Сора, мои наблюдения?..

- Взгляд мисс Холлоу, слова Ягена... Да, это все оказалось весьма любопытным, - «Бета» утвердительно кивнула. – И это, мистер О'Хара, очень важные знания, однако их недостаточно. Что нужно сделать с комитетом и хроноппульсаторами, заключенными в них?

Понятливо покачав головой, Джеймс вновь сменил голограмму на эманаторе. Показался космос, временные линии, а затем отрывки событий прошлого.

- Чтобы спасти Кастру от зла Альфреда Хроноса, нужно изменить прошлое каждого из членов комитета. Сделать все, чтобы исправить их личные трагедии. Тогда они откажутся от пульсаторов, и их заполучите вы, уничтожив вредоносное ядро – частичку Хроноса. И тогда это уже будут совершенно другие сферы, с той магией, которая спасет планету, а не уничтожит. Я дам вам года, в которых с членами Временного комитета произошло непоправимое.

И О'Хара замолчал. Он отключил эманатор, и осталась лишь стена со схемами и фотографиями. Исследователь посмотрел на нас внимательно, почти не моргая, явно ожидая реакции. А мы же хранили ответную тишину.

Сора задумчиво глядела то на Джеймса, то на стену. Я разглядывал лишь исследователя и то и дело кусал себя за щеки. В голове было слишком много мыслей, чтобы озвучить их сразу. Я был в восторге от открытий О'Хары, даже и не представлял, что все настолько запутанно. Мне хотелось помочь раскрыть загадки Временного комитета, спасти Кастру и заставить Хроноса, как опухоль, исчезнуть с нашей планеты. Я уже чувствовал приближение к истине и предвкушение от опасного, но героического путешествия. Внутри резко будто стало больше сил – моральных и физических. Однако были и различные вопросы. Например...

- Вы проделали колоссальную работу, мистер О'Хара, - промолвила Сора внезапно, медленно поднявшись с кресла. – Но у меня вопрос: откуда вы столько знаете? Не представляю, как и где можно добыть столь секретные познания. Это весьма загадочно, знаете ли.

- Повторюсь, я работал в Институте Времени и был наблюдателем всего того, что происходило у Хроноса и недр Кастры, - скрестив руки на груди, спокойно ответил Джеймс. Затем, как-то многозначно окинув нас взглядом, он добавил: - Но ты права, «Бета». Есть вещи, кото-

рые за меня скажет лишь прожитое время, навсегда закрепившееся в просторах космоса. И я думаю, что вы готовы окунуться в сию пучину, ибо сбежали именно ради этого.

Сора взглянула на меня, а я поднял голову на нее. В наших глазах был один и тот же ответ.

- Да, - и уже по самой собой сложившейся привычке мы ответили в унисон.

Джеймс тепло улыбнулся.

- Отлично.

На кухне, в отличие от гостевой комнаты, был большой стол, поэтому мы с исследователем переместились туда. Он достал из закровов большие схематичные плакаты, которые будто ждали своего часа, — или нас. О'Хара сдул слой пыли и уложил все на столе, на котором явно уже давно не происходило никаких трапез.

Я с внутренним смешком подметил, что несмотря на наличие накопителей и эманаторов, Джеймс все равно продолжал пользоваться бумагой и реальными рисунками с фотографиями. Это характеризовало его как настоящего коренного дель-темповца, ещё не определившегося, где он хочет быть — в далеком будущем или родном понятном прошлом.

На схемах были изображены портреты членов Временного комитета, а рядом с ними года, фото городов и различные нарисованные линии, ведущие то к временным нитям, то по воображаемым тропам населенных пунктов. Почему-то я думал, что весь Временный комитет был родом из Дель-Темпо... А оказалось, что отсюда была лишь Ферн Деспайр. Происходящее становилось все интереснее.

Сора внимательно изучала рисунки, а я вглядывался в портреты комитета. Кажется, здесь они были моложе, да и не только... Лица были какие-то другие, более радостные, что ли? Брови Конрада Ягена были высоко подняты, Айзек Баркли улыбался счастливо, а не наигранно, и даже Бабет Холлоу подняла уголки губ, будучи не в похоронном платье, а в сарафане фиалкового цвета. Лишь Ферн Деспайр отличалась ото всех, но тоже не походила на современную себя — в этот раз она не безумно лыбилась, сверкая глазами, а бездушно смотрела в пустоту. Деспайр будто поменялась местами с мисс Холлоу.

— И каков же наш план? — Сора как всегда начала диалог первой.

Поставив банку с растворимым кофе на край плаката, Джеймс начал наглядно показывать все пальцем, водя туда-сюда:

— Сразу говорю, что вы будете копировать стиль Хроноса - пойдете не по хронологии событий, а по нарастающей драме каждого члена комитета.

— Что-то новенькое... — подметил я, следя за указательным пальцем О'Хары.

— Да, это важно, чтобы собрать хронопультаторы в порядке, который нужен именно нам, — пояснил он и тут же продолжил: — год Айзека - 2029, а город, в котором произошла его трагедия — провинция Аллегро. Знаете такой?

— Помню только, что там развито искусство кабаре, — я озадаченно прикусил губу, — и... там родился некогда популярный артист Изекил Тэмплинктон, которого... убили.

— Отлично, это будет вашим ориентиром, — довольный моим ответом, Джеймс перешел к портрету Бабет. — Теперь госпожа Холлоу. Ее глубокая печаль родилась еще в 2018 году, в городе Омбра. Славный городок...

— Был, — Сора задумчиво скрестила руки на груди. — Его уже давно нет сейчас. Там произошла какая-то природная трагедия...

— Почти, — ответил О'Хара и передвинул палец на Конрада. — Вы близко к истине. Следующий на очереди мистер Яген. Год — 2024, деревня Виндо. Здесь он и столкнулся с трудностями жизни... и Хроносом, соответственно.

— О, да эта деревня как отдельное государство, — я почесал затылок, глядя на изображение деревни на фоне лесов и водопада. — Там... какая-то своя автономия и жесткие законы.

— Верно, — Джеймс кивнул и наконец обратил наш взор на пониющую Ферн Деспайр. — И последняя - Ферн. По моему расследованию, у нее не драма, а сплошное отчаяние и пустота. Год - 2010, самый ранний из всех. Город, слава Богу, уже знакомый - Дель-Темпо. Когда-то она тоже была ученой Института Времени, но затем... перешла под власть Хроноса.

— Почему у всех такие большие разбросы по времени, но сейчас Временной комитет выглядит так, будто все их события произошли лет 5 назад, не больше? — задала справедливый вопрос Сора, чуть постукивая по столу. — Я никогда с таким не сталкивалась.

Джеймс понимающе постучал пальцами в ответ. Снова обратившись к изображению хронопультаторов в углу, он сказал:

— Пультаторы замедлили старение этих людей, чтобы их тела оставались здоровыми и могли питаться устройства. Все, как любит Хронос — невозможная путаница со временем.

Я посмотрел на свои карманные часы. Они уже заманчиво тикали, будто желая скорее отправиться по интересным временным линиям. Когда-то они сбивались с ритма, а когда-то наоборот - медлили до невозможности.

Я вытащил их и нажал на кнопку. Крышка открылась, показав часы с нестабильной стрелкой - время близилось к утру.

— Когда мы можем начать миссию? — поинтересовался тогда у О'Хары. Сора же тоже обратила внимание на свои часы.

Исследователь пожал плечами, однако затем нахмурился и поправил очки.

— Если вам нужен сон - пожалуйста. Однако начать стоит как можно скорее, пока Хронос не настиг нас. Раньше мне было легко укрываться, но теперь... риски возрастают.

Сора выпрямилась и кивнула.

— Тогда мы начнем сейчас, — отчеканила она, потом повернулась ко мне: — Эдвин, ты как?

Сна у меня не было ни в одном глазу. Живот чуть-чуть ныл, но это, думал я, не помешало бы начать путешествие во времени. По крайней мере я планировал взять себя в руки.

— Да, нужно начинать сейчас.

Джеймс вновь поправил очки, молча взглянул на нас и потом куда-то ушел. Несколько минут он отсутствовал, слышалось отдаленное копошение в дальнем уголке квартиры.

О'Хара вернулся на тусклую кухню с оружием. В одной руке он держал длинную серебристую катану с зеленой рукоятью, в другой - острый наточенный кинжал с поблескивающими камнями снизу.

— Это на всякий случай, — сказал Джеймс, рассматривая принесенные орудия. — Может, вы умеете управлять временем и некоторыми плазмидами, однако будет лучше, если вы перекачаете свою силу в это оружие. Так вы не будете беззащитны перед трагичным и опасным прошлым и нехорошими людьми. К тому же, с помощью этой катаны и клинка вы сможете менять судьбы.

Затем О'Хара распределил оружие между нами. Соре он дал катану, а мне кинжал. И в конце добавил:

— Я постараюсь помогать вам, держа связь через ваши карманные часы. Да благословит вас Бог...

«Бета» прошла пальцами по острию своей катаны. Чуть нахмутив брови, она разглядывала свое отражение в наполированном клинке. Затем подняла уголки губ и в знак благодарности кивнула Джеймсу. Кажется, подруге понравился дар исследователя. А я боялся и прикоснуться к своему острому кинжалу. Никогда ещё не пользовался настоящим ножом... Но, видимо, не теперь придется.

Мы с Сорой отсчитали время на карманных часах и перенеслись в космос. Временной отдел как всегда был безлюден и пуст - лишь зеленые светящиеся линии и бескрайняя бесконечная тишина. Однако теперь я испытывал совсем иные чувства. Пребывание во временном отделе и поиск нужной линии теперь не казался простой миссией хроны. Я воспринимал это как что-то более важное и сакральное, стоящее на ступень выше того, что мы делали до побега. Отныне на наших с Сорой плечах лежала ответственность не только за спасение Кастры, но и за спасение всей Вселенной!

Теперь мы не работали под руководством Хроноса, мы были отделены от него и старались обезвредить его как... злодея. Аномалия Кастры раскрылась совсем с другой стороны и приобрела совершенно иной масштаб. У меня, по правде, все еще это не укладывалось в голове... Только недавно мы считали Хроноса Богом, а теперь восстали против него. Ещё несколько недель назад мы видели во Временном комитете лишь смутное зло, но отныне должны были спасти и их, изменить судьбу этих людей, вторгнувшись в их прошлое! Раньше мы видели общие события Кастры, сейчас же нам предстояло заглянуть в жизни отдельных персон. Казалось, что мы с Сорой, как хроны, встали на другой уровень. Более высокий.

И да, теперь я ощущал себя совершенно по-другому. Начал чувствовать человеческие качества, преимущества и слабости. Мои эмоции стали выражаться более ярко, тело работало как-то по-другому: сердце быстро билось, отдавалось пульсацией в конечностях, голова немного кружилась и зрение иногда теряло фокус. Раньше я этого не замечал, однако сейчас все обострилось на фоне произошедших событий. Прав был Маттео, у меня оказались *хрупкие человеческие* кости, и если бы он наступил бы на живот сильнее, то точно бы что-то сломал.

Но... откуда «Альфа» знал, что я имею человеческие гены? Это ведь было известно только мне и Соре... И Хроносу, видимо. Как это понял или узнал Маттео? Почему он кричал про какой-то план Альфреда? Неужели он был ближе к «Богу», чем мы все думаем? Это тоже хотелось узнать.

— 2029 год в Аллегро, — вдруг услышал голос Соры. Посмотрел на нее и увидел, как она держала одну из линий в руке. — Кажется, то, что нам нужно.

Я сглотнул, тоже берясь за временную нить.

— Да...

Сора внезапно взяла меня за ладонь и сжала ее. Ее пальцы были изворотливыми и холодными. Почему-то я заметил только сейчас, но меня это не оттолкнуло. Наоборот потянуло ближе.

— Пройдем этот путь вместе, — произнесла она несколько сдавленно. — Будем защищать друг друга.

— Конечно, — ответил я уверенно, — спасем Кастру.

— И тебя, — дополнила подруга. У меня внутри что-то екнуло.

Вдали послышался злобный рев Странников. Кажется, их было много, и они стали намного агрессивнее. Было ли это связано с нашим побегом? Возможно. Теперь я думал, что неуклюжие гиганты тоже находились под управлением Хроноса. Может, это вовсе не был мусор Святого духа, а созданные искусственно монстры? Кто знал, кто знал...

— Скорей в линию, — позвала Сора. — Их слишком много. Не справимся.

— В конце концов надо уже было начать, — усмехнулся я и раздвинул ворсинки временной линии.

Не успели Странники атаковать, как мы упали в прошлое Айзека Баркли.

Глава 6

Глава 6. «Отчаянный кабаре»

Спрятавшись от неестественно разъяренных Странников, мы оказались во временной линии, принадлежавшей Айзеку Баркли. Это путешествие в прошлое ощущалось довольно странно — после рывка из космоса сюда во всем теле чувствовалось покалывание, кожа будто электризовалась. Я ощущал легкое головокружение и Сора, судя по всему, тоже. Когда оказались на земле из прошлого, она слегка пошатнулась и взялась за голову, затем недовольно фыркнула:

— Обычно приземление происходит более гладко.

Я молча согласился с ней и попытался восстановить фокус глаз, часто моргая. Когда сознание более менее восстановилось, а тело перестало ощущать покалывание, я увидел, что пропала форма хроны. Вместо белой рубашки с длинными рукавами на мне было вязаное поло, а болотные шорты заменили строгие брюки молочного цвета. Напоминанием того, что я хрон первого класса, служили лишь карманные часы с выглядывающей золотой цепочкой на груди.

Сора тоже изменилась. Она оказалась одета в черную блузку с пышными рукавами и красивый бежевый сарафан с тонкими лямками. Юбка его была вся в угловых узорах солнца и ветвей сакуры. Некогда небрежные короткие смольные волосы оказались слегка завиты. Лишь знакомые часы так же болтались на нагрудном кармане да была запрятана катана за спиной. «Бета» реально напоминала жительницу того прошлого, в котором жил Айзек Баркли. Видимо, я тоже...

Сора посмотрела на меня, и ее глаза расширились, а губы приоткрылись в недоумении.

— Твоя форма...

— И твоя, — сказал я, указав на ее сарафан.

«Бета» оглядела себя и тихо охнула.

— Я впервые вижу, чтобы при путешествии в прошлое у хрон менялась одежда, — произнесла она в замешательстве, разглаживая полы сарафана. — По крайней мере у меня такого не было.

— У меня тоже это в новинку, — я понимающе кивнул. — Но, возможно, это из-за того, что временные линии комитета особенные?

Сора пожала плечами.

— Не знаю. Скорее всего, ибо то, что одежда поменялась - нехилый знак на важность их прошлого.

Смирившись с новым временным амплуа, я обернулся на город. Мы стояли на небольшом холме, с которого хорошо было видно Аллегро - театральную провинцию, живущую в аномальном бешеном ритме большого мегаполиса. Это был город-феномен, город-противоположность, непостоянство, страсть, маска... Аллегро давали много прозвищ в Дель-Темпо, не знаю, были ли они в 2029 году... Но, судя по видам, открывающимся с холма, как раз-таки они активно зарождались и затем существовали здесь.

Аллегро был шумным, несуразным, слишком открытым и обнаженным. Машины здесь еще ездили по земле, издавали оглушительный моторный рев, выпускали клубы дизельного дыма. На улицах происходил какой-то артхаус: дороги населили музыканты и певцы, поэты и художники. Среди огненных порывов творчества как-то выживали скромные люди с портфелями под мышкой, в больших очках и загруженными лицами. Кажется, они несли фолианты в библиотеки и философские институты, затесавшиеся меж ресторанов, кабаков и больших и малых театров различных жанров. Среди лингвистических клубов обосновались бурлеск-дивы, рядом с астрологическим центром ошивались арлекины и мимы, напротив книжного магазина находилась изысканная рюмочная для педантов, любивших читать и пить одновременно.

И, конечно, Аллегро пестрил кабаре и варьете — своей визитной карточкой. Яркие надписи и фонари, интересные виды изнутри и чистое импровизированное искусство населяло эту контрастную провинцию. Говорили, именно отсюда руководство самого крупного кабаре-театра Кастры «Мулен Блю» брало известнейших кабарестье* и ведут*. А для артистов Аллегро, насколько я знал, попасть в состав труппы «Мулен Блю» было целью жизни чуть ли не с рождения. Поэтому за место под солнцем, за славу и признание здесь шла ожесточенная борьба. Кабаре друг с другом не сотрудничали, артисты готовы были на любые ухищрения, лишь бы сбить конкурентов с карьерной лестницы. Ну, это по слухам.

В общем и целом, Аллегро был странным, но и интересным городком. По нему мы планировали прогуляться в поисках Айзека Баркли. Зацепок по конкретному месту проживания не было, поэтому нам с Сорой оставалось надеяться лишь на зоркий глаз.

— Кажется, нам нужен кофе, — подруга вздохнула удрученно, — ибо нам понадобятся силы, чтобы искать во всей этой каше Баркли.

— Я вижу маленькую кофейню на спуске, — поддержал спонтанное предложение Соры, — можем взять кофе с собой и отправиться на поиски.

«Бета» начала спускаться, доставая из кармана уцелевшей вместе с часами сумки сбережения. Кто ж знал, что они тут же пойдут на кофе.

— Тебе как всегда капучино? — уточнила Сора, пока я спускался за ней, еще изредка придерживая забинтованный живот ладонью.

— Да. А ты как всегда эспresso? — я чуть усмехнулся.

— Конечно.

— Хорошо хоть с сахаром ты пьешь эту горькость, — затем тут же вздрогнул, вспомнив вкус реального кофе без добавок. Но, думаю, он должен был придать сил получше одинокого пакетика чая Джеймса О’Хары.

Кофейня встретила нас приятной атмосферой и четким временем на часах. Здесь люди выглядели подстать своей эпохе, техника уже была развита лучше, чем в это время в Человеческом мире, но не в столь космическом аномальном масштабе. За уютными круглыми деревянными столиками был хороший вид на здоровый город, ещё не захваченный трагедией Кастры. До апокалипсиса оставался год, и никто из жителей Аллегро не подозревал о конце света. Все читали, общались, танцевали и кидали монеты уличным деятелям искусства.

Мы с Сорой взяли кофе и выдвинулись на неспешную прогулку с элементами поиска. Смотреть нужно было в оба, не торопиться, иначе можно было прощелкать появление Айзека Баркли.

Как я понял, сначала бы должны посмотреть то, что случилось с несчастным, затем с помощью часов отмотать время назад и исправить все так, как нужно нам, а не Хроносу. Работенки навалилось много, но всяко лучше, чем уныло перебирать ненастоящие временные линии.

Теперь я ощущал прошлую работу хроны по-другому. Она казалась скучной и выверенной до безумия, не имеющей никаких плодов. Видя интересность начавшегося путешествия, я сочувствовал бедным хронам, заточенным в четырех стенах ловушки-лагеря. Быстро же у меня менялось мнение насчет прежней жизни после побега...

Так в раздумьях, среди шума кабаков и варьете, с ароматом кофе под носом мы прошли несколько улиц. Жизнь в Аллегро кипела настолько, что уже начинала болеть голова, а ноги невольно двигались в сторону затхлых, никому ненужных библиотек. Только там было тихо...

Я загляделся так на одну, пока Сора выкидывала стаканчики в ближайшую урну. Не успел поманить ее отдохнуть, как из здания вывалился парень, в итоге чуть не сбивший подругу. Я вовремя ее остановил и отошел ближе к фонарю, желая слиться с толпой. Что-то подсказывало мне, что упавший вниз лицом юноша был знаком.

За ним вслед выскочила толстая женщина средних лет, в огромных очках и строгом коричневом платье до пола. Это была типичная представительница редкого класса аллегровцев — интеллигентная ханжа, и сейчас она была, кажется, не на шутку разъяренной и озлобившейся. По лицу катился крупными каплями пот, вены на шее вздулись, а зубы скрежетали от гнева. Бешеный стук сердца женщины был слышен чуть ли не за километр. По ощущениям, у нее поднялось давление.

— ЧТО ЗНАЧИТ «ОТЧИСЛИЛСЯ»?! — начала орать, задыхаясь, женщина. — Ты отчислился из самого престижного филологического института Аллегро, чтобы погрузиться в КАБАРЕ?! Айзек, ты в своем уме?! Или опять глупо шутишь?! НЕГОДЯЙ! Отвечай!

Парень, лежавший на асфальте пластом, медленно встал, отряхивая колени. Затем поправил кожаную рубашку, проверил, на месте ли сережки, и только потом утер кровь, шедшую из носа. Темные выющиеся волосы и густые закрученные усы выдали в юноше Айзека Баркли. Кажется, мы его нашли.

— Я не шучу, — он повернулся к женщине и отхаркнул порцию крови. — Я и вправду отчислился. Уже забрал документы. Ты уже не сможешь этому помешать. Что сделано, то сделано, тетушка Лингва.

Тогда женщина взялась за голову и тяжело задышала, чуть ли не начиная рвать волосы.

— У тебя было все для того чтобы построить карьеру профессора в Дель-Темпо! — причитала она. — Мои связи, твой ум, престижное учреждение! Корочки профессионального филолога были так близки! И на половине пути ты решил все бросить ради... ради разврата на сцене! Айзек, ты все испортил!

— Тетушка Лингва, я не хочу быть филологом! — начав размахивать руками, запротестовал Айзек. — Это смерть для меня — гнить на профессорском кресле до ста лет! Мое призвание - это карьера большого артиста в «Мулен Блю». Я уже так близок к этому! Признание в сфере искусства Кастры намного солиднее, чем тухнуть в каком-нибудь колледже Дель-Темпо, согласись!

— Твое кабаре - это разврат на разврате, полная деградация духовного мира, выгодная лишь толстосумам! — парировала Лингва, не смотря на заглядевшихся зевак. — Чтобы попасть в «Мулен Блю», дорогой, ты должен лечь в постель с половиной его руководства. Или ты уже начал это делать? Признавайся!

Айзек вспыхнул от возмущения. Кровь начала активней идти из носа. Он агрессивно шмыгнул и снова утер жидкость рукавом, приговаривая истерично:

— Ничего я не начал! Все дело в моем таланте, моих выступлениях! Мне нравится то, что я делаю, и это нравится другим! Коллективу, зрителям! Руководству «Безумной антилопы» тоже! Они пророчат меня на место артиста труппы «Мулен Блю»...

Женщина забормотала про себя, заходила туда-сюда, сжимая в жилистых руках кожаный переплет книги. Тем временем Баркли сказал уже более спокойно:

— В эту пятницу приезжает администрация «Мулен Блю». Они будут смотреть наши выступления. Кто понравится им больше всего, того они возьмут в труппу. Эту неделю я буду активно репетировать, а затем... Надеюсь, открою себе дорогу на большую сцену в Дель-Темпо. Я приглашаю тебя.

— Будущее Кастры в умах и науке, — тоже выдохшись, отвечала тетушка мрачно. — В кабаре у тебя нет будущего. Лишь бесконечные интриги, сомнительное искусство, а затем смерть от какого-нибудь сифилиса или отравления...

— Ну почему же ты так говоришь? — губы Айзека задрожали. — Разве плохо то, что я умею играть на разных инструментах, петь и танцевать? Разве плохо то, что я завоевываю все внимание публики и радую их? Почему ты считаешь, что я погрязну в грязных интригах? По-моему, я похож на того артиста, который кроме внешних данных ничем не отличается?

— Твои покойные родители хотели, чтобы ты стал достойным человеком, — произнесла женщина с потухшими глазами. — Они завещали мне оберегать тебя от всего дурного. Они

желали, чтобы ты со своим богатым духовным миром стал не певичкой варьете, а уважаемым профессором.

Слова Лингвы надломили Баркли. Из его глаз потекли слезы, он обхватил себя руками и опустил голову. Почти шепотом Айзек промолвил:

— А я хотел, чтобы меня и мои увлечения принимали. Но, похоже, этому не суждено сбыться.

Смешав рукавом и кровь, и слезы, Баркли сорвался с места. Он побежал в сторону темного леса, окружавшего Аллегро.

Именно в этот момент женщина поняла, что совершила ошибку.

— Айзек! Айзек, вернись! — взмолилась она, но было уже поздно. Баркли убежал слишком стремительно и далеко, а у тетушки явно не было сил, чтобы нагнать его. — Господи, ну что за дите...

Зато у нас с Сорой была возможность проследовать за Айзеком. Взглядом я провожал его силуэт.

— Сора, давай через задний двор за ним, — призвал тогда, не упуская парня из виду.

Она молча кивнула, сощурившись, и мы с подругой побежали так же стремительно, как и высокий юноша в кожаной рубашке.

Лес и вправду оказался темным и отчужденным. Айзек не остался горевать на опушке, а побежал в глубину. Мы ориентировались лишь по оставленным следам обуви и крови, а также по резкому шлейфу духов. Нельзя было спугнуть Баркли своим появлением, поэтому я и Сора прятались за деревьями и юркали через кусты, однако старались держаться вместе. Лес сильно отличался от атмосферы Аллегро, он был пропитан чужой горечью, не сбывшемся желанием... А ещё запахом мертвечины и кислятины. На земле простиралась странная зеленая жижа, которую старались обходить стороной.

В конце концов мы услышали одинокие всхлипы Айзека, а затем и его вздрагивающий силуэт. Стараясь не шуршать, в очередной раз спрятались за толстые стволы деревьев, наблюдая за расстроенным парнем. Он безостановочно шмыгал носом, подобрав под себя коленки. Обида выплескивалась из Баркли с лихвой.

Вскоре оказалось, что мы с Сорой были не единственными, кто наблюдал за Айзеком. Вдалеке я увидел силуэт ещё одного юноши. Постепенно он становился отчетливей, медленно выходя из-за ветвей и стволов деревьев, хрустя палками под собой. Это был довольно симпатичный крепкий парень с сизыми волнистыми волосами, раскидавшимися по бокам, суженными черными глазами и бледной, почти вампирской кожей. Нос с обаятельной горбинкой, улыбка маленькая, с еле видными ямочками. Одет он был скромней, чем Айзек — в клетчатые

брюки и свитер. Да и в целом парень был не такой яркий, красивый и харизматичный, как Баркли. Но какая-то странная искринка или даже перчинка присутствовала в нем.

— Эй, кто это тут грустит?

Юноша подошел к отвлекшемуся от плача Айзеку и сел рядом, посмотрев самым что ни на есть добрым взглядом. Кажется, это был друг Баркли, и он мне кого-то смутно напоминал.

Айзек повернулся к нему и, шмыгнув окровавленным носом, промолвил жалобно:

— Изекил?

Как я и думал, загадочный парень являлся Изекилом Тэмплинктоном — надеждой современного кабаре, как его называли в Дель-Темпо совсем давно. Не думал, что увижу его... живым.

— Как ты тут оказался? — спросил Айзек, выпрямившись и отодвинувшись чуть от дерева.

— Честно сказать, я застал на улице ваш с тетушкой Лингвой разговор, — признался Изекил, посмеиваясь неловко. — Точнее ту финальную часть. И тогда последовал за тобой.

— О... — Баркли охнул, сжав траву под собой пальцами. — Неудобно вышло... Наверное, много было зевак, да? Я не заметил.

— Ох, они сочувствовали тебе, а не поддерживали твою дорогую тетушку, поверь, — заверил Изекил, положив бледную, наполненную синими венами ладонь на плечо друга. — Она не права в этой ситуации.

— Она не понимает, что театр и кабаре - это моя жизнь... — Айзек удрученно вздохнул, глядя перед собой. — Я ей сразу говорил, что не хочу в институт, что хочу полностью быть в театре! Но потом я начал терпеть, и в конце концов... Это оказалось плохой идеей.

— Ты поступил как взрослый человек, Айзек, — принялся успокаивать Тэмплинктон. — Выбрал то, что тебе хотелось, а не то, что хотела она и твои покойные родители. Они, к сожалению, уже почили, а тебе ещё жить и цвести. Зачем загонять себя в рамки?

— Да, ты прав... — закивал Баркли медленно. — И... я ведь не погрязну в разврате и интригах, она ведь не права... Я правильно говорю?

— Утопают в разврате и фиктивных сомнительных действиях только бездарности, — Изекил улыбнулся другу чересчур искренней и широкой улыбкой. — А ты - талант. Надежда нашего кабаре. Наплевать на мнение тетки. Лучше подумай об этой пятнице.

Айзек в последний раз шмыгнул, утер уже грязным полукровавым рукавом слезы и потекшую тушь и затем поднялся на ноги. Он окинул неким героическим взором лесную округу, поставил руки в боки и произнёс:

— Да, ты прав. Я пойду в «Безумную антилопу» и застряну до пятницы в репетициях. Пускай тетушка не ищет меня. На кону карьера.

Изекил встал следом за Баркли, отряхнувшись. Он лукаво поинтересовался:

— Позволишь и мне застрять с тобой вместе?

Айзек хохотнул. От прошлых слез не осталось и следа.

— Конечно!

Что ж, теперь мы знали, где в ближайшее время желал обосноваться Баркли, и чувствовали, что нам придется скрытно наблюдать за его репетициями до пятницы. Хроносом ещё не пахло в воздухе, обещанной трагедии не произошло... Пока. Надо было выждать тот самый момент.

«Безумная антилопа» — это название мы уже слышали не раз, и так именовали самый большой и известный кабаре в Аллегро. Кажется, именно отсюда и брало руководство «Мулен Блю» выдающихся кабаре. Тут тоже была своя мафия: чтобы попасть в «Антилопу» в Аллегро, нужно было отвыступать в десятке других мелких варьете, либо обладать невероятным врожденным редким талантом, чтобы обойти вонючие кабачки стороной. Второе случалось нечасто.

Интерьер «Безумной антилопы» был интересен и богат, это кабаре реально заслуживало свой статус популярного театра в Аллегро. Здесь было несколько залов, много столиков и большой простор. Везде преобладала сиреневая и фиолетовая палитра, на стенах нарисованы витиеватые узоры. Сцена в главном зале была размером с настоящую театральную, с малиновыми кулисами и темным подиумом. Здесь столы изображались в форме больших сердец, был солидный бар с серебристой окантовкой и дорогими напитками. Конечно, не обходилось и без закусок — с рыбой, мясом, орехами и фруктовыми и овощными деликатесами.

И действительно, в каждом элементе декора, на каждой картине, в каждом изгибе сцены и узора на стене была изображена антилопа — тоже фиолетовая, с поистине безумными розовыми глазами. Эти маленькие и большие нарисованные и выгравированные мордочки будто наблюдали за нами, сверкали своими очами в нашу сторону. На месте администрации я бы значительно сократил обилие антилоп в кабаре, хоть они и были символом театра. Уж больно жутко становилось от них.

С дальних пустых столиков, из-за углов, из-за кулис мы до пятницы наблюдали за Айзеком, все выжидая, когда же произойдет тот самый переломный жизненный момент. Все это время он репетировал в главном зале на большой сцене свое выступление. Сначала без костюма и ярких девочек-танцовщиц и певиц, оттачивая каждое движение и ноту. Затем уже целиком и полностью в образе, с боевым раскрасом, в сценическом черно-фиолетовом костюме с металлическими вставками и драгоценными камнями.

Айзек был действительно талантлив, он чувствовал себя как рыба в воде, когда речь заходила про кабаре. Он отлично двигался, танцевал сложные композиции, исполнял красивые

песни. Голос у Баркли был бархатным, фигура гибкой, и в целом он был харизматичным и привлекательным для зрителей любого возраста и вкуса.

Вместе с ним репетировали, как я уже говорил, девушки в перьевых откровенных костюмах и парни в похожих образах, только более закрытых, подчеркивающих мышцы и мужскую красоту. Однако Айзек постоянно был впереди, держа сольные партии, а Изекил все находился на задних рядах вместе с другими танцовщиками, играя роль тени друга. Что странно, учитывая его посмертный статус «Надежда кабаре Дель-Темпо».

Все это время мы с Сорой обсуждали Айзека, его личность в этом прошлом и ситуацию, произошедшую с тетужкой Лингвой.

— Не знала, что Айзек, по сути, был сиротой, — рассуждала «Бета», смотря из-за задних кулис, как изгибался красиво Баркли.

— Давай на чистоту, мы не знаем о Временном комитете ровно ничего, — вздохнул я, прислонившись к стене. — Как и о себе...

— Мне жаль и его, и оставшуюся с ним тетужку, — произнесла Сора задумчиво. — Не знала, что бывают такие спорные ситуации. Вроде она права насчет института, но и Айзека можно понять...

— Кажется, это и есть большая жизнь, полная трудных выборов, грехов, несбыточных надежд и желаний, — я немного отодвинул малиновую штору. — Но, по-моему, Баркли доволен своим выбором. Он выглядит счастливо на сцене.

— Однако что-то подсказывает мне, что он не доберется до «Мулен Блю», — Сора с опаской сглотнула, и от ее мысли у меня побежали мурашки по коже.

Вскоре наступила пятница — ответственный день для Айзека Баркли, определяющий его дальнейшую судьбу. Сегодня в него с трудом влезли пару глотков кофе и бутерброд с икрой, заботливо намазанный Изекилом. Он был на взводе, но старался держаться бодрячком, делая дыхательные гимнастики. Удивительно, но коллектив поддерживал Баркли. Танцовщицы искренне восхищались им, его выдержкой и жадой к искусству, а певцы уже сладко пели в уши о карьере в «Мулен Блю». Удивительно, но они делали это без насмешки и сарказма. Только один Изекил, лучший друг Айзека, поддерживающий его все эти дни, теперь просто мазал бутерброды и одевался в перерывах. Он был улыбчив, но молчалив. Какая-то загадка мелькала во взгляде. Мы видели это все благодаря тому, что прикинулись волонтерами, пришедшими помочь работникам сцены и гримерам.

Через час Изекил торжественно объявил:

— Руководство «Мулен Блю» прибыло и уже заказало вино. Была дана команда встать всем на свои позиции.

— О Боже, они и вправду здесь! — закудаhtал Айзек, наводя последние штрихи в причёске.

Тэмплинктон похлопал Баркли по плечу и одновременно надушил его духами.

— Давай, надежда кабаре Дель-Темпо, я в тебя верю, — подбодрил наконец он, но в этой фразе чувствовалась странная усмешка. Она мне не понравилась.

Угукнувший в спешке Айзек встал и скорей побежал за кулисы. Танцовщицы и танцовщики двинулись за ним. Остались лишь мы и Изекил.

— А вы свободны, — вдруг обратился он к нам. — Можете посмотреть спектакль в зале.

Внезапно Сора ответила:

— Нам нужно остаться и помогать девочкам переодеваться.

— Вон, — вдруг отрезал Изекил металлическим тоном. — Они сами могут это сделать.

«Бета» хотела возразить, однако я, заподозрив неладное, взял ее за руку и вывел из гримерки. Часто зашагал, чтобы создать видимость того, что мы ушли насовсем, но оставил дверь приоткрытой и юркнул в одну из кулис.

Сора шепотом сказала:

— Он что-то замышляет.

— Я понял, — так же еле слышно ответил я. — Подождём здесь и понаблюдаем за его действиями. Нельзя сейчас вмешиваться в оригинальный ход событий.

— Мы уже вмешались.

— Неважно.

Пока за сценой царил переполох, мы, зарытые в кулису, смотрели в щелку за Изекилом. Сначала он просто ходил по гримерке, будто решаясь на что-то. Затем Тэмплинктон подошел к столику Айзека и взял сменную обувь под ним. Туфли в синих стразах Баркли должен был надеть во второй части выступления. Изекил достал из кармана своего пальто маленькую коробочку и открыл, параллельно держа обувь, а затем по очереди начал высыпать какие-то мелкие крошки внутрь. Приглядевшись, мы поняли, что это были маленькие, но острые частички стекла. Потом из другого кармана Тэмплинктон вынул баночку с воском и аккуратно намазал подошвы туфель, так, чтобы следы субстанции не было видно. И... поставил обратно под стол, коварно улыбнувшись.

Мы с Сорой юркнули в другую сторону, когда Изекил, довольный, вышел к коллегам. Мы были в шоке от поступка Тэмплинктона. Его деяние было настолько мерзким, что поднималась тошнота. Представляться другом и так ужасно подставить, явно желая заполучить место в «Мулен Блю»... Это отвратительно. Пока ни я, ни Сора не могли изменить судьбу Айзека, и мы понимали, что ждёт бедного артиста. Я не хотел смотреть второй акт выступления в зале, наблюдая за скорым поражением Баркли. Однако нам все ещё нужно было играть роль волонтеров, не причастных к путешествию во времени.

Первую часть спектакля Айзек отыграл великолепно. Руководство «Мулен Блю» довольно попивало вино, с упоением смотря на талантливого и харизматичного кабаре-те. Они переговаривались между собой, уже планируя взять Баркли в известную на всю Кастру труппу. Слава и признание Айзека было так близко... Ничто не предвещало беды.

Но потом после короткого перерыва начался второй акт. Вышли танцовщицы и танцовщики в других костюмах. Изекил тоже переоделся и натянул абсолютно счастливую улыбку. На него было тошно смотреть.

Спустя несколько минут после начала на сцену вышел Айзек. Видно было, как он изменился в лице. Брови дрожали, по лицу стекал пот, вены запульсировали на лбу и шее. Баркли теперь передвигался с трудом, утерял былую прыткость и гибкость, а голос охрип. Харизма и обаяние постепенно ускользало, оставляя лишь хрустящую боль под ногами. Айзек старался не подавать виду, однако с каждым движением ему давалось это все труднее. Даже танцовщицы и певцы заметили изменения Баркли, начав удивленно коситься. Изекил же делал вид, будто ничего не происходило на сцене, но хитро улыбался. Он явно ожидал, когда же Айзек сломается.

И в конце концов, не допев фразу песни, Баркли поскользнулся на собственной подошве и упал. И тогда весь зал замер. Музыка остановилась, как и другие артисты, совершенно неожиданные подобно. Сора шумно выдохнула, принявшись часто моргать, а я захотел в этот момент просто исчезнуть.

— Айзек, что с тобой? — шепотом спросила панически одна из танцовщиц. — Вставай! Нужно доиграть!

— Я... не могу... — часто сглатывая и сжимая пальцы, Айзек оглянулся на ноги. — Что-то мешает мне... острое...

— Что произошло? — поинтересовалась одна женщина из руководства «Мулен Блю».

— Вы можете продолжать шоу? — спросил мужчина, ее коллега, уже покрасневший от вина и не совсем понимающий ситуацию.

Вдруг, перешагнув через обессиленного от боли Баркли, вперед вышел Изекил. Он, невинно пожав плечами, сказал:

— Кажется, Айзек Баркли травмирован. Мы можем отправить его в медпункт, а сольные партии вместо него исполню я.

Айзек на мгновение забыл о боли, подняв голову на некогда лучшего друга. Он со стеклянными глазами и приоткрытым ртом слушал то, что говорил Тэмплинктон, кажется, не веря своим ушам. Было видно, как внутри Баркли рухнул целый мир, а сердце вдребезги разбилось о предательство близкого человека.

От шока Айзек не мог произнести и слова. Остальные артисты так же не поняли, что творил на данный момент Изекил, и просто стояли на местах. Руководству же понравилось предложение Тэмплинктона.

— Да, пожалуй, — сказала та самая женщина.

Изекил кивнул и обернулся к своим коллегам:

— Ну, что встали? Уводите Айзека и затем возвращайтесь на сцену доигрывать.

— Откуда ты знаешь партию Айзека? — прищурившись, спросила одна из певиц.

— Может, лучше закончить спектакль и перенести его на другую дату? — почесал затылок танцор.

На все это Тэмплинктон язвительно произнес:

— Шевелитесь.

Артисты дрогнули, и им не оставалось ничего, кроме как растерянно взять Айзека под руки и увести со сцены. Все это время он не проронил ни слова.

Мы наблюдали за Баркли уже на заднем дворе кабаре. Со смазавшимся гримом, в смявшемся костюме, с забинтованными кровавыми ногами он мрачно курил на лестнице. Взгляд сделался пустым, Айзек не испытывал ни одной эмоции: ни кричал, ни плакал, а только смотрел в темную даль леса.

Все дело закончилось тем, что Изекила взяли в труппу «Мулен Блю». Скрытно учивший партии Айзека и нагло подставивший его, Тэмплинктон воспользовался ситуацией и показал настоящее мастерство, сотканное из крови и чужих разбитых надежд. Теперь в «Безумной антилопе» был шумный праздник по случаю успеха Изекила. Некоторые артисты остались с ним, а некоторые без настроения, с острым чувством подвоха ушли по домам. А Айзек уже битый час выкуривал сигарету за сигаретой, слушая радостные песни и пьяные возгласы.

Однако совсем скоро это прекратилось. С леса подул странный холодный пронзающий ветер. В глубине что-то засветилось темным зеленым и фиолетовым светом. Животные разбежались, а птицы разлетелись. Послышался хруст веток и отдаленное, тревожное тиканье часов. Тик-так, тик-так...

Айзек нахмурился и начал пристально вглядываться в силуэт, выходящий из леса. Мы с Сорой спрятались за мусорные баки, понимая, кто именно шел сюда с таким тиканьем карманных часов. И сердце встало в пятки.

К Баркли подошел никто иной, как сам Альфред Хронос. Однако... он выглядел значительно моложе, словно помолодев на лет 20. Волосы были белыми, но волнистыми и длинными, глаза широкими, оба цветные. На лице не оказалось морщин, оно было холеным и блестящим. Остался лишь халат, золотые часы и мрачная аура, исходящая от Хроноса.

— Обидели тебя, да? — кивнув в сторону ошеломленного Айзека, спросил на улыбке Альфред. — Несправедливость выиграла?

— Кто ты такой? — потушив сигарету, задал ответный вопрос Баркли.

— Я Альфред Хронос, — ученый достал из кармана визитку и вручил Айзеку. — Управленец временем. Единственный в своем роде. Во Вселенной в целом.

Баркли горько усмехнулся.

— Да ты пьян. Иди в «Антилопу» и посмотри на красивые формы девочек. Никто не может управлять временем.

— Тогда как я узнал о твоём провале? — Хронос изогнул бровь.

— Сталкерил меня так же, как и те два странных волонтера из интерната.

Альфред не растерялся.

— Сейчас в «Антилопе» разобьются бокалы, а через пару секунд Изекил крикнет: «На счастье!»

Баркли, хоть и с недоверием прищурился, все же начал вслушиваться. В конечном итоге бокалы и вправду разбились, а Тэмплинктон громко крикнул:

— На счастье!

— За «Мулен Блю», — прибавил Хронос.

— За «Мулен Блю»! — воскликнул следом Изекил.

Айзек покрылся мурашками. Глаза расширились, пальцы задрожали. Он встал, чтобы рассмотреть Альфреда детальней.

— Хочешь расправиться с Изекилом и стать звездой «Мулен Блю», а затем в целом управлять миром? — внезапно спросил ученый.

Айзек вздрогнул.

— Допустим, хочу. Но как же я это сделаю? Я не умею делать так, как ты.

Тогда Альфред Хронос достал из кармана... хронопультатор. Ту самую маленькую голубую сферу с металлическими кольцами. Она светилась, извивалась и искрилась, словно желая поскорее слиться с телом Баркли. Хронос вручил ее кабаре́тье, и Айзек ахнул, начав рассматривать сферу замороженно.

— Я дам тебе возможность управлять временем, а ты будешь служить мне верой и правдой, — сказал спокойно Хронос. — Строить новый временной порядок в Кастре.

Айзек распахнул рот.

— И все-таки, кто ты такой?

— Я могу забрать хронопультатор, и ты пойдешь домой.

— Нет! Я на все готов ради места в «Мулен Блю»...

Альфред довольно улыбнулся.

— Что ж, тогда дерзай.

Хронопультатор, словно почувствовав одобрителный сигнал от хозяина, впился в грудную клетку и растворился в ней. Айзек коротко вскрикнул, но потом принялся осматривать свои руки. Они искрились голубым. Затем прислушался к своему сердцебиению. Вместе с ним начало раздаваться тиканье часов.

И тогда Баркли почувствовал власть над временем.

*кабаретье – артист кабаре, ведущий мужской солист;

*ведута — солистка кабаре

Глава 7

Глава 7. «Преступление и наказание»

Все те мгновения, что с Айзеком происходили временные метаморфозы, Хронос, прищурившись и хитро улыбнувшись, наблюдал за ним. Когда раздалось долгожданное тиканье часов в унисон с биением сердца, Альфред сказал:

- Теперь ты можешь управлять временем. Менять его как угодно.

- Я... это почувствовал, - замороженный обретенным даром, ответил Баркли.

Хронос заинтересованно наклонил голову в бок и игриво убрал руки за спину.

- Теперь ты можешь расправиться с Изекилом как хочешь, в любое время, и заполучить свое место под солнцем. Где начнешь?

Айзек взглянул на Альфреда. Теперь у отчаянного кабаре-тэ были не забытые грустные стеклянные глаза, а вожаденный, хищный, жаждущий крови и мести взор.

- Тетушка Лингва хранит в библиотеке крысиный яд от вредителей, - зловеще прошептал Баркли. – Прикончу с помощью него очередную крысу, которая испортила мне жизнь.

Хроноса такой план порадовал. Он облизнул десны, уже наверняка предвкушающий вступление испорченного Айзека во Временной комитет, и исчез, оставив Баркли одного в обшарпанном затхло дворе кабаре.

Совсем недавно Айзек верил, что не погрязнет в подлых интригах большой сцены и не поддастся ни одному из смертных грехов. Однако теперь, униженный и оскорбленный некогда лучшим другом, потерявший шанс стать звездой он готов был на все, чтобы повернуть время вспять и отомстить Изекилу. Появление Хроноса и вживление хронопульсатора сразу снесло искреннему и доброму Баркли крышу. И это поражало... Какие ужасные вещи совершала с человеком способность управлять временем. У репликантов, конечно, все было по-другому, поэтому я не ожидал, что Айзек в одночасье изменится сам и отметет собственные принципы.

Баркли, коснувшись ладонью груди, словно всегда умел управлять временем, отмотал его назад, ровно на тот момент, когда ругался с тетужкой Лингвой в библиотеке. Нас перенесло вместе с ним. Видимо, хронопульсатор овладел всем телом Айзека, в том числе мышлением и памятью... Иначе я не мог понять, как он так легко изменил ход времени. Хрон этому учили, и учили с детства несколько лет, а тут в один миг... Хотя о чем я думал, это же было изобретение Хроноса, созданное специально для того, чтобы поработить бедный комитет и Вселенную.

Мы с Сорой удачно оказались за широкими деревянными полками, обставленными толстенными монускриптами и фолиантами, поэтому наше одновременное перемещение вместе с Айзеком никто не заметил.

В этот период времени тетужка Лингва уже была на взводе. Она злостно откинула горшок с цветком, как только услышала об отчислении Баркли из института.

- Что значит забрал документы? Ты в своем уме, Айзек?!

На этот раз Баркли был до жути спокоен. Не кричал, доказывая свою позицию, не размахивал руками. Остановив падение еще одного кашпо, он сказал:

- Больно тратить нервы, тетужка Лингва. Я не поменяю свое решение. Я взрослый человек и волен делать то, что хочу – я буду артистом «Мулен Блю». Уже никто мне не указ – ни ты, ни тем более мои покойные родители. Что сделано, то сделано.

Женщина, кажется, не ожидала такого ответа, привыкшая к эмоциональному воспитаннику. Она раскрыла рот в недоумении и едва дрожащими руками приняла горшок обратно.

- Айзек... - только и смогла произнести тетужка.

- Мне нужно вот что, - Баркли подошел к стойке и взял свежий бутылек крысиного яда. Он начал с упоением рассматривать его, крутя пальцами по оси. – Недавно видел в своей комнате одну гадину... Большую такую, серую, с черными прищуренными глазками и наглым предательским носиком. Я использую его и верну, хорошо?

Айзек положил бутылек в карман брюк, прежде чем женщина успела среагировать. Ей осталось лишь промямлить:

- Э... хорошо.

- Супер, - присвистнул он и подмигнул, - до пятницы не жди меня, - а затем удалился, оставив женщину в немых раздумьях.

Мы, конечно, последовали за Баркли. Следующим его продуманным злым шагом был поход в винный магазин. Там он приобрел дорогое игристое – розовое, полусладкое. Видимо, чтобы «отметить» премьеру спектакля с Изекилом их любимым напитком.

После того как совершил покупку, Айзек снова коснулся груди и перемотал три дня активных репетиций. Мы с ним перенесли сразу в день выступления и приезда администрации «Мулен Блю». Я и Сора вновь оказались в гримерке будучи волонтерами. «Бета» появилась на стуле, заплетающей одной артистке косичку, а я помогал танцору одевать парик. Изекил в это время, хитрый и молчаливый, делал своему другу бутерброд с икрой. В кармане костюма болталась злополучная баночка с осколками, которую заметил только сейчас. Однако теперь не он был хищник, а Айзек, поставивший на гримерный стол Тэмплинктона бутылку игристого. В его же костюме была видна верхушка флакона с крысиным ядом.

В моменте я хотел сказать Айзеку: «Не убивай его, просто разоблачи...». Не понимал, как можно было желать отомстить настолько, чтобы... не то что опозорить врага перед всеми, а убить его, избавившись навсегда. Неужели обязательно было проливать кровь? Жестоко... Я думал, что на такое способны лишь больные люди. А, оказывается, еще и обладатели хронопульсатора.

- Предлагаю выпить за сегодняшний показ, - улыбнувшись с незаметной толикой безумия, предложил Айзек, смотря Изекилу прямо в глаза.

- Что, уже хочешь забыться? – ухмыльнулся Тэмплинктон, ничего не подозревающий.

- Для смелости, - оправдался Баркли. – Оно некрепкое, деликатное. Только раскрепостит нас всех.

Остальные артисты, жаловавшие алкоголь, как и все люди, поддержали коллегу одобрительными посвистываниями и вздохами. Изекил же произнес:

- Ладно, бокалы в шкафчике. Мне разлить?

- Нет, не напрягайся, дорогуша, я все сделаю, - Айзек вместе с бутылкой двинулся в подсобное помещение, чтобы совершить месть в укромном месте.

Я сделал вид, что нужно было взять там запасные провода для звукорежиссера. Якобы упорно не замечая то, что делал Баркли с бокалами, копошился в шкафу с техникой. Однако краем глаза видел, что Айзек сначала разлил шампанское, а затем в один из фужеров подлил крысиный яд, достаточно большое количество, чтобы получить желаемое – летальный исход. Сначала он принялся относить нормальные бокалы артистам, а свой и отравленный взял под конец. Собственный оказался в левой руке, а испорченный – в правой. Это был единственный ориентир.

В гримерке Баркли и его коллеги весело чокнулись. Другие артисты принялись в приподнятом настроении смаковать дорогим игристым, а Изекил притворно-мило сказал:

- Дай Бог, чтобы твоя карьера в «Мулен Блю» сложилась, - от этой фразы меня передернуло ни меньше, чем от поступка Айзека. Они, кажется, друг друга стоили.

- Да, действительно, дай Бог, - хмыкнул расслабленно Баркли, попивая шампанское и внимательно следя за пузырьками в бокале Изекила.

Он, довольный своей актерской игрой, добавил:

- За тебя, Айзек Баркли, - и одним глотком опустошил целый фужер с отравленным алкоголем. Глаза Айзека хищно блеснули.

Яд подействовал не сразу. Сначала все допили, накрались и переоделись, еще раз прорепетировали некоторые движения. Скоро Тэмплинктон спокойно объявил, что приехало руководство кабаре Дель-Темпо, и артисты ринулись за кулисы. Айзек последовал их примеру, но лишь на некоторые мгновения. Мы как обычно скрылись за шторой, наблюдая за новым развитием событий.

Все начало происходить тогда, когда Изекил остался один, чтобы подсыпать в обувь Баркли осколки. Не успел он достать баночку, как из носа тонкими струйками потекла кровь. Кожа Тэмплинктона позеленела, а сердцебиение участилось в несколько раз. Сначала Изекил не понял, что стало происходить. Он попытался утереть кровь платком, подумав, видимо, что поранился. Однако кровь продолжила идти с двойной силой, она появилась еще и во рту.

Тэмплинктон, скрючившись, закашлялся. На ботинках Айзека появилась кровь Изекила. Он начал ходить туда-сюда, пытаясь найти взглядом хоть стакан воды, закрывая рот ладонью. Надолго Тэмплинктона не хватило, и его буквально вывернуло наизнанку. Он упал, все тело затряслось, кожа еще пуще побледнела и покрылась набухшими венами, капилляры в глазах лопнули.

В этот момент в гримерку зашел Айзек. Пока Изекил мучился от боли и бился в предсмертных конвульсиях, Баркли смиренно прожигал его холодным безучастным взглядом, просто стоя на месте.

- П-помоги мне, Айзек! – взмолился Тэмплинктон, потянув дрожащую руку к нему. – Кажется, я... отравился! Вызови с-скорую помощь!

Баркли медленно присел рядом с Изекилом и достал из его кармана баночку со стеклом. Поводив ею прямо перед бегающими глазами Тэмплинктона, Айзек металлически промолвил:

- «Кажется, Айзек Баркли травмирован. Мы можем отправить его в медпункт, а сольные партии заместо него исполню я» - это ты хотел сказать, подсыпав мне в туфли осколки. Я знаю весь твой мерзкий предательский план. Ты хотел заполучить место в «Мулен Блю», которое должно было *стать моим*. И в этот раз оно будет *моим*.

Баркли достал из своего кармана полупустой бутылек с крысиным ядом и затем специально показал его Изекилу.

Глаза Тэмплинктона распахнулись в удивлении, кровавый рот широко раскрылся. Он жалобно захмыкал, не веря своим ушам, своему... *провалу*. В этот раз Айзек его обманул быстрее, чем он его. Только... Эта подстава отличалась фатальностью.

- Айзек... - Изекил начал стремительно ослабевать и сравниваться с окровавленным грязным полом гримерки. – Ты... я... пр... прос...

- Замолчи навсегда, - кинул пренебрежительно Баркли и выбросил баночку с осколками.

Еле дергаясь в агонии, Тэмплинктон через несколько минут издал последний вдох и замер. Глаза потухли, оставшись открытыми, а изо рта вытекла последняя тонкая струйка крови, смешанная со слюной. Пульс пропал. Он умер.

Айзек бесчувственно фыркнул, отпихнул труп бывшего друга ногой от своего стола и как ни в чем не бывало ушел на выступление.

Когда обезумевший Баркли удалился, мы юркнули в гримерку и заперли дверь на замок, оставшись наедине со свежим мертвым телом. Несколько минут просто молчали, разглядывая отмучившегося Изекила. На его лице повисла посмертная маска изумления и замешательства. Даже в мертвых стеклянных глазах все еще отражался страх, а заострившиеся руки сжимали панически углы кровавого ковра. Тяжелое наказание для предателя.

Но... заслуживал ли он *такое*? Вопрос для меня был спорный. С одной стороны, для Тэмплинктона не было оправданий. Он поступил поистине жестоко, разломав дружбу с Айзеком на кусочки, ранив его внешне и внутренне, лишив карьеры... Но с другой, мне казалось,

что вопрос можно было решить по-иному, не касаясь бутылка с ядом. Убийство оказалось... слишком радикальной мерой, не имевшей никакого основания. Не думал, что Айзек Баркли окажется способен на такое. Хотя... был ли это прежний Айзек с хронопультатором внутри?

Признаться честно, мне было жалко и Баркли, и Изекила. Их сделал монстрами какой-то дурацкий кабаре-театр. Так нелепо...

И надо было с этим что-то делать.

- Чувствуешь? – спросила внезапно Сора, наконец оторвав взгляд от трупа. – Наши часы остановились.

Я прислушался к тишине, нащупав руками часы. Они и вправду не тикали, да еще и странно пульсировали.

- Да, точно... - я сглотнул, более не желая наблюдать несчастное тело в крови, и отошел чуть поодаль. – Что это может значить?

- С этого момента судьба Айзека Баркли предрешена хронопультатором. Это означает, что именно с этого мига вам нужно начать ее менять.

Я вздрогнул, услышав в кармане до боли знакомый голос. Достав часы и раскрыв их, увидел вместо циферблата голограмму Джеймса О'Хары. Я искренне удивился и в то же время обрадовался тому, что исследователь все-таки вышел с нами на связь. Он мог нам помочь.

- Мистер О'Хара! – вскрикнул я тогда. – Вы здесь!

Сора подошла ко мне, взглянув на часы с изображением Джеймса. Она тоже оказалась приятно изумлена, хотя это выдало в ней чуть дрогнувшее лицо.

- Мистер О'Хара, как нам быть? – сразу перешла к сути подруга, отбросив лишние радости. – Как менять судьбу Айзека? Кажется, его голова отлетела с концами – он убил человека.

- Это должны решать вы сами, здесь я не помощник, - покачал головой силуэт. – Главное – предотвратить трагедию и появление Хроноса в жизни Баркли. Вам нужно дважды отмотать время, чтобы вернуться к начальной локации, когда еще не случилось предательства Изекила и вживления хронопультатора Альфредом. А вот как это сделать... Дело уже вашего вкуса, вкуса хрон.

Сора прикусила губу, видимо, сразу начав думать о наших ходах, а я сказал Джеймсу:

- Спасибо за помощь, мистер О'Хара. Часто вы так с нами будете разговаривать?

- Связь по этим часам довольно трудно удерживать, - вздохнул исследователь, - однако по мере возникновения новых проблем я буду стараться подключаться. Удачи, Эдвин и Сора.

Я почтительно кивнул, и Джеймс отключился. Передо мной снова возник циферблат.

Сора же накрыла тело Изекила завалившейся белой пыльной простыней и принялась ходить по помещению, скрестив руки на груди. В ее голове явно шел активный мыслительный процесс, в то время как я начал еле думать только после того, как вид измученного трупа исчез под простыней. Пока «Бета» молча размышляла, скрипя половицами, я несколько застенчиво промолвил:

- Я думаю, что выступление Айзека должно удачно состояться, а Изекил должен понести наказание... Но остаться живым.

- Само собой, - вдруг согласилась Сора, повернувшись ко мне. – Сделаем так, что рассудок Айзека не пошатнется, а Тэмпингтон не скончается подобно крысе.

- Но перестанет быть посмертной надеждой кабаре... - я горько усмехнулся. – Думаю, этого будет достаточно для него.

Сора достала свои часы. Кажется, после наших рассуждений они снова начали медленно тикать.

- Давай, Эдвин, - позвала она. – Отсчитаем время.

Я подошел к ней и тоже достал часы. Нам обоим нужно было время, где случилась ссора Айзека и Лингвы. Когда пришли к нужному, все вокруг начало разваливаться, искриться зелеными вспышками и исчезать. Нашей задачей было стереть этот ход событий навсегда и придум-

мать свой – иной, хороший и правильный, не предполагающий появления Хроноса в судьбе бедного кабаре.

Мы телепортировались за мусорный бак перед библиотекой тетушки Лингвы. В это время Айзек уже отряхивал кровь из носа, не обращая ни на кого внимания, а женщина продолжала негодовало пытеть.

— В эту пятницу приезжает администрация «Мулен Блю», - услышал знакомые слова из уст Баркли. Мы перенеслись правильно. - Они будут смотреть наши выступления. Кто понравится им больше всего, того они возьмут в труппу. Эту неделю я буду активно репетировать, а затем... Надеюсь, открою себе дорогу на большую сцену в Дель-Темпо.

Тетушка Лингва прочитала проповедь о важности науки и об интригах, ждущих Айзека в кабаре.

— Ну почему же ты так говоришь? — губы Айзека задрожали. — Разве плохо то, что я умею играть на разных инструментах, петь и танцевать? Разве плохо то, что я завоевываю все внимание публики и радую их?.. — я слушал вполуха, потому что уже был уверен в правильно-сти отсчитанного времени.

Пока Баркли собирался сорваться на слезы, Сора шепотом сказала:

- Думаю, нужно поменять его отношения с тетушкой. Помирить их.

- Да, - согласился я, - нужно не дать ему убежать в лес, чтобы он не встретил там Изекила, проповедующего полное бунтарство.

- Если что, мы первокурсники одного из... лингвистических колледжей, - «Бета» выпрямилась, готовая менять ход событий. Мне оставалось лишь одобрительно кивнуть и... Взяв свою сумку в охапку, отошел от библиотеки и сделал вид, что Айзек своим худым, но грузным телом сбил меня.

— Твои покойные родители хотели, чтобы ты стал достойным человеком, — произнесла наконец женщина с потухшими глазами. — Они завещали мне оберегать тебя от всего дурного. Они желали, чтобы ты со своим богатым духовным миром стал не певичкой варьете, а уважаемым профессором.

И тут, как в первый раз, слова Лингвы надломили Баркли. Из его глаз потекли слезы, он обхватил себя руками и опустил голову. Почти шепотом Айзек промолвил:

— А я хотел, чтобы меня и мои увлечения принимали. Но, похоже, этому не суждено сбыться.

Вот оно. Баркли накрыла истерика, и он, не говоря ни слова женщине, сорвался с места. В этот момент я начал идти и делать вид, что не замечаю прямоком бегущего высокого шумного парня. Айзек с пеленой слез меня не заметил вправду, и в конечном итоге мы столкнулись.

- Черт! — воскликнул Баркли, потеряв ушибленный лоб. — Эй, придурок, смотри, куда идешь!

Часы в кармане будто с оттенком поддержки затикали быстрее, словно говоря, что я действовал правильно. Некоторые вещи упали на асфальт, и я, тоже потеряв лоб, начал их собирать.

- Извините... - параллельно мямлил, - просто невзначай загляделся на вашу... ссору.

Айзек шмыгнул недовольно носом и принялся помогать мне. В это время тетушка Лингва пожалела о том, что наговорила, и затем Сора подошла к ней.

- И что глядеть? — фыркнул Баркли, не успев сильно расплакаться. — Вам должно быть наплевать на проблемы других.

- Согласен, - я вздохнул, - извините, что сую нос в не свои дела. Но... кажется, вы оба в чем-то не правы, но и вас обоих можно понять...

Айзек замер.

- В смысле?

- Ну... Правота вашей тетушки заключается в том, что образование важно, а путь большого артиста бывает труден, и она из искренних побуждений старается вас от этого уберечь, - я медленно встал, отряхнувшись. - Вы правы в том, что нужно заниматься тем, что нравится, но вы не показали тетушке, что значит быть артистом и дарить людям счастье, поэтому она и считает ваши увлечения неподобающими.

Баркли тоже встал, однако лицо его было задумчивым. Жизненного опыта у меня было мало, я не мог уверенно рассуждать на сложные темы и давать важные советы... Однако именно уроки Айзека все же кое-что заложили во мне – свое мнение, вкус и мировоззрение. Отчасти он моими устами спасал сам себя.

- И... что же я могу сделать, чтобы она меня признала? – Айзек прикусил озадаченно губу. - Договаривай, раз уж начал.

Я повел глазами.

- Что ж, можно, к примеру... Пригласить ее на репетиции, а затем и на само выступление. Тогда она поймет, что сцена – это такой же большой непрерывный труд, как и наука.

- И, может, она определит меня в культурный институт? – Баркли чуть саркастично усмехнулся, однако было видно, что он задумался над моими словами.

Я улыбнулся.

- Очень возможно.

- Айзек!

Наконец, к Баркли подошла Лингва. Она выглядела смятенной и сожалеющей, хоть все еще напряженной. Женщина отложила книги, которые раньше держала в руках, выдохнула и собралась с мыслями. Видно, после разговора с Сорой она успокоилась и подавила гнев с возмущением. Лингва тоже оказалась настроена на компромисс.

- Айзек... - еще раз произнесла она, - я не хотела тебя обидеть. Я просто... просто переживаю за твое будущее. Вот и все. Делай как хочешь. Я просто думала, что филология тебе понравится... Но чуда не случилось. Я... я хочу посмотреть, чем ты увлекаешься и...

- Я приглашаю тебя и на репетиции, и на показ спектакля, - внезапно сказал Айзек, взяв тетушку за руки. - Ты приятно проведешь время, заодно и... посмотришь, на что я способен. И ты, - он обратился ко мне, - тоже можешь прийти. Все-таки... ты подал хорошую идею.

Сора, довольная исполняющимся планом, улыбнулась уголками губ, а у меня в груди потеплело. Пока мы шли в верном направлении, и нельзя было сбавлять темп ни на минуту. Где-то вдалеке краем глаза увидел и силуэт Изекила, который тоже был в замешательстве. Видимо, он не ожидал, что Айзек благодаря какому-то незнакомцу поумерит свой пыл и попытается исправить ситуацию. Подожди, Изекил, это только начало.

В очередной раз мы окунулись в череду репетиций Айзека и труппы «Безумной антилопы». Вновь наблюдали за харизмой Баркли, Изекилом в тени и странным интерьером кабаре. Однако теперь все ощущалось по-другому, когда появилась тетушка Лингва, и когда стала известна вся ситуация. Все три дня она присутствовала на прогонах, и, кажется, была очарована иным амплуа своего воспитанника. Похоже, женщина впервые видела Айзека не как серого студента-филолога, а как талантливого артиста, умеющего работать с музыкой и зрителем. Как бы она не пыталась скрыть свой восторг, он был виден в ее блестящих глазах. Еще немного, и Лингва могла принять Баркли.

Все это время Изекил был в крайнем замешательстве. Кажется, присутствие тетушки Айзека мешало ему думать о своих кознях, о неподобающих действиях на сцене. Родственная любовь Баркли к Лингве будто пробуждала совесть Тэмплинктона, которая запряталась где-то в закромах его души. Нам это играло на руку, и оставалось лишь... вывести Изекила на чистую воду.

Когда наступил день выступления, я и Сора опять оказались в гримерке. Айзек был весел, с удовольствием съел два бутерброда и выпил кофе с молоком. Теперь еда не лезла в Изекила. Он с подозрением оглядывался на свой карман, а затем на волнующегося, но сияющего Баркли. Через час он понуро объявил:

— Руководство «Мулен Блю» прибыло и уже заказало вино. Была дана команда встать всем на свои позиции.

— О Боже, они и вправду здесь! — закудаhtал Айзек, наводя последние штрихи в причёске.

Тэмплинктон похлопал Баркли по плечу и одновременно надушил его духами.

— Давай, надежда кабаре Дель-Темпо, я в тебя верю, — подбодрил наконец он, но без особого энтузиазма и даже хитрой усмешки.

Айзек кивнул и встал, готовый бежать за кулисы. Но Сора встала перед дверью, тем самым остановив и его, и других артистов, оставшихся в гримерке. Я в предвкушении сглотнул.

- Юная леди, что такое? Спектакль скоро начнется, - Баркли непонимающе захлопал глазами, а Изекил напрягся всем телом.

- Кажется, мистер Тэмплинктон хочет вам кое-что сказать, - процедила «Бета», с прищуром взглянув на Изекила. — Без этого признания начинать выступление опасно.

- Возможно, нужно и показать, - добавил я, скрестив руки на груди.

Айзек в недоумении повернулся к другу. Остальные артисты нахмурились. Изекил вжался в стул.

- Изекил? — позвал хрипло Баркли. — Что случилось?

Тэмплинктон опустил голову и побледнел еще пуще. На лбу выступили вены, дыхание участилось. Мы застали его врасплох — бежать было некуда. Тяжело выдохнув, он сказал:

- Не хочу говорить. Давайте просто начнем спектакль, я правда не сделаю *это*.

- «Это» что? — покосился Баркли. — Теперь мне интересно.

Обойдя Изекила, я достал из его кармана баночку со стеклом и воском. Все ахнули.

- Кажется, мистер Тэмплинктон хотел подсыпать вам в сменную обувь осколки стекла, а подошву намазать воском, чтобы вы опозорились, упав на сцене.

- Не так ли, Изекил? — будто палач, уточнила Сора.

Глаза Айзека вмиг расширились. Он прикрыл рот рукой и отшатнулся. Артисты принялись ошарашенно перешептываться и с презрением глядеть на Тэмплинктона.

От Изекила же повеяло холодом. Видно, он хотел в целом исчезнуть отсюда, оказавшийся в отвратительном облачающем положении. Тэмплинктон сжал пальцами ткань сценических брюк и крайне куцо и сипло произнес:

- Да. Они правы. Я хотел сделать именно это.

- Изекил... - Айзек опустил руки, сжал ладони в кулаки, - как прикажешь на это реагировать? Я считал тебя своим самым близким другом, а сейчас слышу это признание.

- Ты... всегда был лучше меня, - Тэмплинктон задрожал, стараясь сдержать порыв истерики, - во всем... Красивей, талантливей, харизматичней, музыкальней! Я всегда был твоей тенью, следующей по пятам. Все внимание доставалось тебе, а мне лишь остаток! Я тоже хочу быть артистом «Мулен Блю», хочу быть любим публикой! Но конкурировать с тобой глупо — ты всегда будешь на шаг впереди. Поэтому...

- Я не понимаю, - Баркли цыкнул. - В чем твоя проблема? Ну, возьмут меня в этот раз, а тебя в следующий. Они ведь каждый год приезжают! Станешь солистом «Антилопы» вместо меня, и место со мной в «Мулен Блю» в кармане.

- Господи, еще и там быть твоей тенью! - воскликнул на надрыве Изекил. - Не хочу. Я хочу быть единственным.

Айзек нахмурился. Остальные артисты смотрели на Тэмплинктона как на идиота. Сора приставила ладонь ко лбу, а я почувствовал накатывающий испанский стыд.

- Ну, во-первых, так не получится, - начал разъяснять Баркли, - ибо в «Мулен Блю» несколько солистов и как минимум три ведуты. И я там буду не единственной «угрозой». А во-вторых... Что мешало тебе поговорить со мной все это время? Если ты чувствовал дискомфорт и неполноценность, то почему не сказал? Почему решил держать все в себе, а потом и вообще подставить меня? Вообще-то все хорошие друзья говорят о своих проблемах и затем пытаются прийти к какому-то консенсусу, а не сыпят стекла в ботинки.

Видно было, что Изекилу стало стыдно. Он беспощадно раскраснелся и отвел взгляд, напряженно и шумно вдыхая. Казалось, что в голове Тэмплинктон перебирал всевозможные оправдания. Я же думал, что какого-то логического объяснения поступку не находилось, уверен был, что простая человеческая черная зависть поглотила Изекила, и он напрочь забыл об искренней дружбе.

- Я... думал, что мои чувства и жалобы в этом случае бессмысленны, - наконец, Тэмплинктон придумал, что сказать. - И... какая бы реакция у тебя была, если бы я напрямую сказал, что завидую и хочу быть таким, как ты?

- А какую реакцию ты ожидал, подсыпав осколки в обувь? Положительную? - Айзек справедливо фыркнул и закатил глаза. - У тебя совершенно нет логики.

Изекил в замешательстве прикусил губы.

- Ладно, я в самом деле не знаю, почему не захотел говорить с тобой об этом. Я просто решил забрать твое место. Это желание управляло мной. Вот и все.

- Я разочарован в тебе, Изекил, - мрачно подытожил Баркли.

- Я тоже в себе разочаровался, когда начал видеть твои взаимоотношения с тетей и настоящее желание к признанию. Правда, я... Уже раздумал совершать это гнусное действие.

- Но это не оправдывает тебя, ты же понимаешь? - Айзек сглотнул обидчиво. - Я считал тебя тем, кому можно доверить все самое сокровенное. Я был уверен, что ты никогда меня не предашь. И вот случается такая ситуация...

- Прости... - удивительно, но это слово Изекил промолвил искренне. Его губы задрожали, а из глаз потекли слезы. - Мне правда очень жаль. Я противен самому себе. Возможно, мне вообще не место здесь...

- Это точно! - артисты начали неодобрительно свистеть в сторону Изекила и кидать злые колкие фразы. - Лучше убирайся отсюда. Стекольник!

Все это время, пока Тэмплинктона поливали грязью, Айзек стоял и молчал. Он был в смятении и не знал, как нужно поступить в данной ситуации. Кажется, в нем метались разные чувства и Баркли не понимал, какому из них поддаться - гневу, милосердию или отчаянию. По крайней мере, это распознавал по его взгляду и напряженному лицу.

В один момент Изекил встал, взяв свои вещи. Он собирался уходить.

- Надеюсь, когда-нибудь ты сможешь меня простить, - еле шевеля языком от стыдливости и виновности, сказал Тэмплинктон.

- Куда ты? - внезапно глаза Айзека расширились.

- Домой, - бросил Изекил, - думать над своим истинным предназначением, а не над тем, которое я пытался себе навязать под завистью к тебе. От моего отсутствия спектакль сильно не изменится, а вы не будете чувствовать неприятный осадок рядом со мной.

- Изекил... - Баркли сглотнул, не зная, что говорить еще, кроме как его имя. – Изекил... Но тебе ведь нравилось...

- По правде говоря, большую страсть я питал к книгам и языкам, - Тэмплинктон печально усмехнулся. – И только сейчас понял... зачем все это было нужно? Я такой идиот. И, поверь, действительно будет справедливо, если я накажу себя, запершись дома со своими мыслями. И... Когда вся эта ересь сойдет с меня, я думаю, что мы встретимся снова, но уже в новых амплуа. Ты как артист «Мулен Блю», а я... как профессор, может? Они ведь тоже завоевывают внимание какой-то группы людей. И тогда, наверное, мы сможем вновь стать близкими друзьями.

Скрыв слезы раскаяния не шибко большими лапами шляпы, Изекил открыл дверь, чтобы уйти. Но вдруг Баркли неожиданно произнес:

- Изекил... - с его щек тоже потекли хрустальные слезинки, - я тебя прощаю. Авансом.

Изекил остановился, переваривая эти слова. А затем тень улыбки легла на его лицо.

- Спасибо, - и вышел из гримерки.

В конце концов выступление Айзека прошло удачно – без подстав, стекол в ботинках и боли душевной и физической. Администрация «Мулен Блю» осталась довольна и официально взяла Баркли в труппу самого большого кабаре в Кастре, а тетюшка Лингва была в восторге от воспитанника и спектакля. После выступления она крепко обняла его и поцеловала в щеку, признавшись, что он действительно талантлив в своем искусстве и ему нужно двигаться в этом направлении дальше. Она... даже предложила сдать вступительные в один из культурных институтов Дель-Темпо, как я и говорил. Айзек остался счастлив, хоть иногда в лице его мелькала грусть от воспоминаний об Изекиле. Однако он быстро отметал ее, радостный от своих достижений и питающий надежду на светлое будущее, где они с живым Тэмплинктоном снова будут дружить.

Судьба первого члена Временного комитета была изменена. Хронос не появился, и Айзек не получил вредоносный хронопультатор. Мы с Сорой удачно оказались на шаг ближе к спасению Кастры.

Пока все отмечали вступление Айзека на большую сцену, я и «Бета» сидели на заднем дворе, довольные проведенной работой...

Но в один момент в небе что-то засветилось. Сора насторожилась, готовая к побочному появлению Хроноса, а я успокоил ее:

- Сора, мы все исправили, это не может быть Хронос. Кажется, это иной пультатор, о котором говорил Джеймс.

- Я помню, - ответила подруга, - но всегда нужно быть готовым к какой-то подставе, особенно если Хронос творит ее повсюду.

Кусок света постепенно спустился к нам, и это оказалась сфера, напоминающая хронопультатор Альфреда. Однако она была иного цвета – светло-лазурного, и вместо серебристых колец ее огибали дорожки из мелких звезд.

- Поздравляю, вы заполучили первый истинный хронопультатор, - из кармана снова послышался голос Джеймса О'Хары. – Вы изменили судьбу Айзека Баркли, и это вернуло память о самом себе. По моим данным, сейчас он вспомнил, что члится в труппе «Мулен Блю» и не понимает, как оказался на стуле члена Временного комитета. Хронос еще не знает. Вы также предотвратили смерть – Изекил Тэмплинктон сейчас находится в университете гуманитарных наук. Кажется, он и вправду нашел себя в преподавательской деятельности. Молодцы, Эдвин и Сора. Дело начало двигаться.

- Что нам делать с этой сферой? – Сора чуть наклонилась ко мне, пытаясь услышать Джеймса получше.

- Коснитесь ее, и тогда она покажет одну из «внутренностей» Хроноса, - пояснил О'Хара, - а затем уменьшится и попадет к кому-то из вас в сумку. Отключаюсь.

Исследователь вновь замолк, оставив нас один на один с этой сферой. Я прикусил внутреннюю сторону щеки и чуть прижмурился, ослепленный светом сферы.

- Ну, что, касаемся? – спросил с лепетом у Соры.

Она же нахмурилась, взяла всю свою смелость в руки, и произнесла.

- Да.

Глава 8

Глава 8. «Эон Времени»

Я родился на окраине космоса. Вылез из бездонного чрева его изнанки. Первое, что увидел — тьма. Бесконечная, необъятная, проникающая сквозь тело, словно луч солнца, которого я ещё не знал и не видел. Я обнаружил себя во мгле и в слизи, в мелких глазах, росших на всех конечностях. Иногда они просто моргали, прожигая красным холодным взглядом, иногда показывали другие картинки, какие-то происшествия, сопровождаемые тиканьем.

Я долгое время блуждал по тьме, заляпанный слизью и глазами. Никак не мог осознать, кто я, где я, что здесь делал и насколько здесь. Иногда сознание мутнилось, и я начинал видеть картинки, показанные глазами на конечностях. Иногда ощущал странные покалывания, которые позже осознал, как холод. Иногда чувствовал бурление в собственном чреве, которое затем оказалось голодом. Держась за живот, скрюченный, я прошел по неизвестности долгий путь, пока не встретил... Её.

Существо, имевшее женские черты, было большим, закованным в черные гибкие отростки и фиолетовые цепи. Она покачивалась, издавала хриплые звуки, изредка посмеивалась, скрывая улыбку за темно-синими прядями волос. По ее телу тоже разрослись глаза, однако лицо ими не обладало, веки оказались сомкнуты, лишь око на лбу шурилось, разглядывало меня. Глаза, покрывавшие мои руки, ноги и живот, оглянулись на нее и потянули конечности. Я подумал, что вот она — благодетельница этой тьмы. И сперва не ошибся.

Закованная в цепи, женщина тем не менее помогла мне осознать, кто я и зачем здесь. Она скрипуче, но внятно разъяснила абсолютно все, что требовалось мне для поднятия на ноги и обретения сознания:

— Я твоя создательница, Мать... Ты находишься в Типоте, тюрьмой под космосом. Нас сюда сослало крылатое чудовище, оккупировавшее Вселенную снаружи. У тебя есть братья и сестры, которые тоже заточены здесь, в объятиях бесконечной тьмы, и у них тоже есть свои предназначения. Ты, как и они, являешься Эоном, моей эманацией, и дар твой, данный мной — управление Временем. Имя твое Хронос, и ты должен помочь мне выбраться отсюда, создать вместе со мной и братьями наше общее могущественное Царство Хаоса, которое поглотит крылатого монстра. Ты ещё не созрел, но магия твоя и дар твой смогут помочь слугам моим - дисхармонам напитать тебя. Ты и сам сможешь возвращать в себе силу, это лишь вопрос Времени. Как раз по твоей части. Ты меня понял, Хронос?

Я ещё не заглядывал в будущее и, покоренный могуществом и милосердием Матери, тут же поклялся ей в верной службе и безграничном обожании.

— Да, Матерь. Я буду служить тебе верой и правдой, поддерживать твои идеи, чтобы выбраться отсюда.

Существо довольно улыбнулось. Цепи громко зазвякали в знак одобрения.

— Молодец, Хронос. У нас большое будущее.

Будущее действительно оказалось большим. Я полностью отдался идеям Богини Хаоса, несправедливо заточенной в этой тюрьме вечной мглы. Я искренне доверял дисхармонам — вампирам, оставшимся снаружи, чтобы есть материю под названием «гармония» и подавать ее нам в Типоту. Они наполняли Матерь, меня и моих братьев и сестер. Пока я знал и видел лишь Вифоса — Эона Глубины, Харис — Эона Молчания, и Логоса — Эона Смысла. Долгое время мы только безостановочно питались подаваемой гармонией, покоясь рядом с бранным телом Матери, но вскоре начали появляться другие Эоны, и тогда мы постепенно начали обретать и наращивать собственные силы, чтобы помогать дисхармонам и Богине Хаоса.

Прошлого ещё не существовало в том виде, в котором оно есть в наше время, и я, недавно отмывшийся от утробной слизи тьмы, принялся предсказывать будущее и управлять лишь им. Поначалу это ощущалось невероятно: я сидел у Матери под боком и рассказывал то, что видел, держась за правый глаз на лице. Да, я тоже находился в тюрьме, но благодаря своему дару мог видеть и свет, и жизнь, и течение времени там, и, наконец, само крылатое чудовище, обрастающее своими светлыми приспешниками. Матерь, довольная показываемыми силами, медленно разъясняла, что нужно делать, чтобы менять это будущее.

Так я заставил самого старшего дисхармона Софию испортить зародыши сильнейших ангелов Вселенной, затем спровоцировал адские метаморфозы Рая, привел двух людей к страшному дереву с яблоками, испортил ученика Сына крылатого чудовища...

Богиня Хаоса восхищалась мной, братья и сестры уважали, дисхармоны вскоре трепетали предо мной, а я только становился сильнее, наслаждаясь могуществом, сравнимым с волшебством божественного начала. Я тысячу раз благодарил Матерь за подаренные силы, был преисполнен любовью и уважением к ней. А она в свою очередь была признательна мне, ибо из-за дара управлять Временем Матерь осуществляла все свои планы, к тому же менялась и постепенно избавлялась от оков, воссоздавая Царство Хаоса. Я грезил о чистейшем успехе и крахе империи Святого духа. Представлял, как стану размером с несколько черных дыр, буду повелевать временным континуумом и продолжать исполнять волю великой Богини Хаоса...

Однако далее менять время становилось все сложнее. Все испорченные мною линии невероятным образом преобразовались и исправлялись, становились на путь истинный, путь гармонии. Передо мной будто кто-то ставил барьер, мешающий портить ход времени, и я начал подозревать, что это Создатель, Яхве — нечто, что создало крылатого монстра и Матерь. Оказалось, что он тоже мог управлять Временем, да ещё и Судьбой... А Святой дух внимал его сообщениям и был готов к моей порче, идущей из Типоты. Богиня Хаоса же продолжала придумывать новые планы и тщеславно создавать свое пространство, бесплодно мечтая о божественном начале.

Все это время я старался делать вид, что все в порядке, что будущее и прошлое полностью подчинено одной лишь Матери, что ее идеи обязательно исполнятся... Но затем увидел тот отрезок будущего, который изменил мою жизнь и отношение к Демиру навсегда.

Я увидел, что Святой дух непобедим — он умен, хитер и изобретателен. Он горел своей Вселенной так же, как и Матерь, но не любовался сам собой, а делал все, чтобы спасти себя и ее от нашей скверны. Он нашел подход к монстрам из преисподни, и они снова стали его покорными псами, готовыми защитить в любой момент. Сын человека и Бога, наделенный его началом, воскрес и спас погрязшее в грехах человечество от гибели. Накомисс поселил в принцессах и принце дисбаланса частичку своего света, способного побороться с нашей тьмой

Хаоса. Он медленно погибал, но создал костлявую Богиню, чтобы та соединила Вселенную воедино и спасла его на смертном одре. И Создатель припас новое божественное начало взамен старого, уже истекающего гноем Хаоса, а мне окончательно закрыл путь к изменению времени.

В конце концов в один момент увидел, что Святой Дух победил нас и Матерь с помощью поданных этой Вселенной. Богиня Хаоса с позором исчезла навсегда, а дисхармоны и Эоны лишились своих сил, памяти и были разбросаны по всему Космосу. Гибель ждала в том числе и меня.

Я был напуган, ошарашен. Уже более не мог сдерживать свои опасения по поводу планов Матери. Я надеялся, что расскажу ей то, что увидел, и она либо перестанет создавать свое Царство, либо разумно объединится с этим розоволосым злодеем. Однако реальность оказалась хуже...

— Накомисс победит, говоришь? — уточнила Демиру, уже полностью избавившаяся от оков и обретшая полноценный облик. — Да у тебя радары барахлят, Хронос.

— Я сказал то, что видел, — тактично убрав трясущиеся руки за спину, вторил я. — Накомисс победит нас. У него бесконечное количество козырей в рукаве. Нужно либо сворачивать нашу деятельность, либо подчиняться ему.

— «Подчиняться»? — Матерь звонко рассмеялась. — Ну ты и шутник, Хронос. Я создавала вас и все это не ради того, чтобы потом есть с ним клубничный тортик за одним столом и обсуждать то, как они ходили с Дьяволом на милую дружескую прогулку. Простить брата — значит, проиграть. Я убью его и воссоздам свое Царство во что бы то не стало! Это должна быть только моя Вселенная, а не общая!

Я попытался противиться.

— Но, Матерь... открытая борьба — не всегда выход.

— Уйди с глаз моих долой, Хронос, — рывкнула зло Демиру. — И выполняй свою работу. Не то испепелю тебя в один миг.

И тогда я разочаровался в Матери. Понял, что она полная дура, неспособная мыслить, думать наперед. Я убедился, что ей никогда не стать истинным Богом и правителем Вселенной, ибо у нее не было логики, тактичности и целесообразности. Идеи Демиру становились все более безумными, лишенными какого-либо смысла. И, конечно, у нее не существовало каких-то других чувств, кроме ненависти, обиды и жажды мести.

Святой дух выигрывал у Матери в том, что все его идеи имели законченный концепт, он был более ответственен, да и к тому же обладал состраданием, милостью, осознанием своих ошибок. Лишь с помощью чистого сердца и ума он смог преодолеть все преграды, созданные Эонами и дисхармонами.

Я попробовал поделиться своими мыслями и опасениями с братьями и сестрами, однако они высмеяли меня, полностью уверенные в Матери. Оно и не мудрено, ведь другие Эоны не видели того, что произойдет с ними в будущем, которое я более не мог поменять в нашу сторону. Дисхармоны, конечно, тоже отрицали скорый проигрыш и были убеждены, что Нако-

миссу с его гнилым началом не выиграть, а вселенские существа, потерявшие правителя, быстро привыкнут к новому. Одна София, самый мудрый вампир Хаоса, поверила мне, однако лишь смиренно сложила руки.

— Что ж, чему быть - того не миновать, — сказала она спокойно, смотря параллельно на голограмму с счастливой дочерью в Балтовой почте. — Может, конечно, что-то изменится и Хаос все же победит. Однако если нет... Я буду готова принять нашу незавидную судьбу.

— Это все из-за семьи, которую вы обрели на Земле? — спросил я, изогнув бровь. — Вы же понимаете, что это скверна Накомисса, очаровавшая вас?

— Понимаю, — София вздохнула, опустив глаза, — но уже ничего не могу с этим поделать. Да, я за победу Хаоса над Жизнью, однако и существовать без своей дочери и ее отца уже не могу. Возможно, когда-нибудь ты это познаешь и затем поймешь.

Я не готов был мириться с судьбой или отрицать ее бытие в ходе времени. Понимал, что не смогу изменить ее на месте, однако желал подготовиться к своей гибели заранее, чтобы затем воскреснуть, подобно жар-птице. Демиру пала в моих глазах, но и, что греха таить, подчиняться Святому духу тоже не хотел. Я не желал, чтобы мои старания прошли зря, я хотел создать новый временной континуум, новый строй, новый ход судьбы Вселенной. Не обладая божественным началом, я жаждал стать лучше и могущественней своей Матери и ее брата. В конце концов они не умели управлять временем в полной мере, а у меня оно было целиком, в руках. И я не хотел так просто умирать. Я поставил цель овладеть временем сначала в одном из измерений, а затем в целой Вселенной.

Пока Демиру с упоением воображала гнойный труп Накомисса, эоны поддакивали ей во всем, а дисхармоны кошмарили балтовеев, я работал над своим проектом. Рассматривая планеты Вселенной, я присмотрел одну хорошую — она называлась Кастра, и на ней обитали различные талантливые люди, ученые, обладавшие разными способностями и изучающие их. Затем создал хронопультаторы — устройства, что будут хранить и возвращать мою силу в определенных сосудах. Аналога им не придумаешь, поэтому жители Кастры не смогут противиться моему влиянию. Все это заняло, конечно, много времени, но начало было положено — планета для эксперимента найдена, а пультаторы должны сохранить мое первичное сознание...

Однако я не успел продумать концепцию и дальнейший ход работы над новым континуумом — наступил момент истины, момент нашей гибели. Балтовеев якобы утратили баланс, Накомисс ослабел до критичного состояния, а Плерома открылась, выпустив Царство Хаоса и нас, Эонов. А потом началась великая борьба и затем... Смерть крылатого чудовища.

— Лорда Накомисса больше нет! — воскликнула с глубоким отчаянием Леди Айда, та самая костлявая Богиня. Я, разросшийся до размеров целых галактик, наблюдал за скорбным действием событий. Однако понимал, что у врагов не все потеряно.

Вся Вселенная зарыдала вместе со Смертью. Плачущие ангелы и ревушие демоны окружили Айду с телом Накомисса. Иномирные граждане обессиленно упали и закрылись руками в предсмертной скорби. Все живое оплакивало огромную утрату. Существа надеялись, что смогут победить Демиру и спасти Жизнь... Но ничего не вышло. Лорд Накомисс умер, а вместе с ним принялась погибать вся Вселенная.

Это было, однако ж, действительно печальное зрелище. Кажется, поданные Вселенной и вправду искренне любили своего правителя. Они не боялись его, не служили ему подобно рабам, а бесконечно уважали и сейчас беспробудно скорбели. Видимо, это было потому, что Он дал им жизнь, а это в концепции данной Вселенной считалось высшим благом. И мы его отняли у всех, убив Лорда Накомисса.

— Наконец-то он сдох, — с облегчением произнесла эон Гедоне. — Теперь Вселенная наша.

— Как же мерзко на все это смотреть, — скривился Синкразис. — Зло и Добро вместе оплакивают своего палача. Типа любовь, типа сострадание. Фу. Тошнота подкатывает к горлу.

— А он точно не воскреснет? — спросила Макариа настороженно. — Вроде Хронос предупреждал, что он может нас победить...

— Да он умер с концами, — успокоил Энозис. — Видишь, уже бледнеет и распадается на атомы. У Хроноса тогда просто сознание помутнилось.

Я понимал, что то, что видел - правда. Однако продолжал молчать и наблюдать за происходящим. Может, мне удалось бы изменить настоящее сейчас...

— У нас осталось семь минут до конца... - сообщил Леди Айде, содрогаясь, архангел Гавриил.

— Знаю... - прошептала она, все сжимая тело Жизни в объятиях. — Еще семь минут, и все умрут следом за ним. А когда исчезну и я, то... Хаос полностью вступит в свои права.

Семь минут, значит. Что бы я мог сделать, чтобы он умер окончательно? Думай, Хронос...

— И ничего нельзя сделать?.. — просипел шокировано Люцифер, слезным взглядом смиряя Смерть.

Она отрицательно покачала головой, скорбно прижимаясь щекой к лицу Накомисса. И Вселенная заплакала с новой силой.

Три балтовей, обойдя мрачных существ, достигли Леди Айды с телом. Опустошенные и отчаянные, они сели на колени пред Лордом Накомиссом, чья посмертная гримаса выражала лишь смиренную боль и страдания. Всклипнув, Смерть положила тело, чтобы балтовей могли проститься с ним, поцеловав в бледный лоб.

Но внезапно послышался тихий треск. Положив руки на грудную клетку Накомисса, они засверкали у балтовеев. Я понял, что это действительно конец. Но не для него, а для Хаоса.

— Ливси, Прис, ребята, поглядите! — воскликнула одна из балтовеев ужасно громко, содрогаясь от изумления. — Что-то рвется из наших рук прямо в тело Лорда Накомисса! Какая-то магия!

- Ого, и впрямь... - бородатый балтовей чуть не подавился слюной.

- Точно! – а черная комета выпучила широко глаза.

— Что за херня? — Эоны зашептались взволнованно между собой. А я, хоть и должен был умереть вместе с ними, усмехнулся.

— Это то, о чем я говорил, идиоты, — процедил сквозь зубы. — Только вы умрете, а я воскресну. И затем создам новый ход Вселенной. Этой дуре Демиру и не приснится такое в небытие, а сам Лорд Накомисс будет дрожать перед моей мощью.

— Что... — страх, образовавшийся в глазах братьев и сестер, позабавил меня. Я почувствовал предсмертный триумф.

В конце концов вселенские существа принялись создавать новое божественное начало для Лорда Накомисса. Из-под их вертящихся рук начали выходить различные части начала: появились желудочки, клапаны, аорта, вены... Они создали новое сердце, и тотчас к нему приставили руки другие различные существа Вселенной: ангелы и демоны, нечисть, роботы, мир-роры, прагматисы, Смерть. Все они напивались божественное начало своей силой и гармонией, добром и злом, дружбой и любовью... Опускающееся в грудную клетку Жизни сердце заискрилось еще сильнее, от него пошло множество больших лучей. Они дырявили, пронзали и затем убивали материю Царства Хаоса. Что ж, оставалось только лечь оземь и закрыться руками.

Плерома с грохотом развалилась. Дисхармоны упали, начав белеть. Растворялись и мы, и воронки, и хаотичные монстры. Теперь уже рушилось Царство Хаоса, побеждаемое гармонией Вселенной. Моя создательница, моя глупая Мать забила в агонии и возмущении, хватаясь за грудную клетку:

— У меня настоящее божественное начало! У МЕНЯ! ВЫ НЕ СМОЖЕТЕ СОЗДАТЬ АНАЛОГ! НЕ СМОЖЕТЕ ПОБЕДИТЬ МЕНЯ! Я В СТОКРАТ СИЛЬНЕЕ НАКОМИССА! Я! А ВЫ ВСЕ СЛАБЫЕ И НИЧТОЖНЫЕ! ВАМ СЛЕДУЕТ ПОДЧИНЯТЬСЯ МОЕЙ ВОЛЕ! ДАЖЕ НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВОСКРЕСИТЬ НАКОМИССА! ОН НЕ ТО, ОН НЕ БОГ! ОН МЕРТВ, МЕРТВ НАВСЕГДА-А-А-А-А-А!!!!

Последнее, что увидел перед смертью, был непобедимый хитрый Накомисс, разлагающаяся на атомы Демиру и свет. Яркий, пронизывающий до костей, колющий, больной...

А потом ничего. Снова тьма и безграничная пустота. Как и было вначале.

Я утратил почти все свои способности. Уменьшился до размера жалкого, слабого, уязвимо-го человека. Напоминанием о моих невероятных силах осталось лишь сохранившееся сознание и способность предугадывать маленькие отрезки будущего, но без конкретных картинок и действий. Хронопультаторы должны были спасти меня, однако они остались заперты на Кастре, а до нее ещё нужно было добраться.

Вселенная перенесла мое брренное тело на Землю, в некую лабораторию. Здесь были серые стены, жесткие койки, странный зеленый свет и различные звуки, доносящиеся из разных комнат. Ходило много людей в белых халатах - так близко я видел их впервые. В целом, в первый раз я находился вне Типоты и космоса. Каждая стена, каждый угол, каждая дверь и

ручка была в новинку. На мгновение я пожалел, что был так отстранен от земных дел дисхармонов и предпочитал работать над временем лишь в космосе. Чувствовал себя полным идиотом, обезьяной, которую выпустили из зоопарка в дикую среду. По сути, я так и выглядел, когда увидел себя в зеркале: белесый, бледный, маленький и полуголый, в каких-то обрубках сорочки.

Вскоре я узнал, что Вселенная и ее отвратительный Создатель позаботились о том, чтобы засунуть меня как можно дальше в глубины времени. Я оказался бедной человеческой тушкой не в своем году, не в 2030, а где-то в конце семидесятых годов двадцатого столетия. От шепота ученых понял, что нахожусь на некой базе Монтока в так называемой Америке, и здесь проходили исследования и эксперименты над людьми, способными к управлению временем, к путешествиям в нем.

Из досье и вопросов, заданными местным психиатром, понял, что Создатель опустил меня до бывшего пациента психлечебницы, который якобы обладал способностью к предсказаниям. И находился я, бывший благородный и могущественный Эон Времени, среди пьяниц, психов, тюремных заключенных и маленьких, никому ненужных сироток.

Именно в Монтоке я осознал свою хрупкую, утратившую силу природу, понял, что нужно скорее возвращать ее и выбираться из этого дерьма на Кастру. Именно здесь, в этой чертовой лаборатории познал всю ущербность людей, всю их мерзкую, склизкую, жестокую и бесхребетную сущность. Будучи неспособными к изменению Вселенной они желали добыть эту силу, выцепить ее из других, более несчастных взрослых и детей. Эти люди, как и я, желали искривить временной континуум, но способности к изменению будущего у них не было, зато были шприцы, пыточные установки, электрошокеры и прочие дьявольские приспособления, которые бы оценила моя уже покойная Мать.

Я ощутил на себе весь людской ужас этих экспериментов. Мое слабое, худое и утратившее могущество тело перенесло столько боли, сколько не перенесло бы тело ни одного из моих бывших братьев и сестер. Меня пытали электричеством, подвергали испытанию с огнем, проводили различные манипуляции над мозгом. Ударами и пытками меня заставляли использовать телекинез и предсказывать отрезки времени, а когда у меня не получалось, то вновь отправлялся на прием различных психотропных веществ, на шоковую терапию и очередную беседу с психиатром в шлеме.

В таком ритме моя жизнь стремительно бы потеряла смысл, а затем я бы умер, попав в Ад за прошлые грехи... Если бы не так называемое некогда Софией «чудо», встретившееся со мной в столовой.

Среди обезумевших тихих подопытных я ел пустую похлебку, в которой плавало дай бог пару кусочков морковки. Возмущение и гнев росли внутри с каждой секундой, и я готов был разбить тарелку о чью-то голову, если бы не маленький мальчик, севший напротив с такой же похлебкой.

— Привет, а ты чего такой грустный?

Это дитя было самым красивым среди остальных сироток. Он походил на маленького ангела с фресок храмов: белокурые волосы, фарфоровая кожа, пухлые красные губки и пронзительные голубые глаза. Казалось, что среди безумия и смерти этот мальчик был лучиком

света, искоркой жизни, комочком добра. Я не знал на деле, что такое любовь, радость и счастье, слышал об этом только из уст Софии, однако при виде маленького дитя что-то во мне потеплело.

— А чему здесь радоваться? Мы находимся в серой узкой базе с безумными экспериментами над людьми, — я горько усмехнулся, наконец ответив на вопрос мальчика.

— А мне здесь нравится, — гордо произнёс ребенок, — тут есть кровать, крыша и еда. А ещё мне говорят, что я особенный и смогу помочь человечеству начать путешествовать во времени.

— Но кровать жесткая, крыша страшная, а еда невкусная, — парировал я, еще не зная, как это - подыгрывать ребенку в его мыслях.

— На улице нет кровати, крыши и еды, — деловито ответил мальчик, облизнув ложку, — а ещё там холодно и мокро. Здесь тепло и сухо.

Мои глаза расширились от удивления.

— Ты жил на улице?

— Когда папа бил маму, я сбежал из дома и больше не возвращался, — мальчик вздохнул тяжело, подобно взрослому человеку. — Папа и меня обижал, говоря, что я мутант и ничтожество.

— Мутант?

Ребенок зашептал, чуть улыбаясь:

— Я умею управлять временем, но не контролирую это. А ты что умеешь делать?

— Я... — поправил сорочку, вспоминая о прошлом, — тоже умею управлять временем, но не могу контролировать это. Сейчас удастся лишь предсказывать ход событий.

— Мы так похожи! — кажется, мальчик искренне обрадовался, а затем перетянулся через стол и подал свою маленькую пухлую ручку ко мне и представился: — Я Мэттью, а ты?

Ошарашенный, я протянул руку и неуверенно пожал ее, изумленный таким дружелюбием.

— Хронос... — сначала назвал свое настоящее имя, но, увидев, как мальчик в непонимании скривился от странного звучания, добавил совершенно неосознанно: — Альфред Хронос. Альфред - имя, а Хронос - фамилия. Можешь называть меня просто Альфред.

Вспомнив имя одного из главных ученых «Монтока», я начал новую главу своей жизни, перечеркнув старую. Никто более не должен знать, что я Эон Времени, потерявший силы. Тем более это белокурое дитя солнца, сидящее передо мной.

Он же довольно закивал.

— Будем дружить, Альфред!

С тех пор моя гнилая жизнь в «Монтоке» приобрела краски. Мэттью ворвался в нее ярко, уверенно и совершенно искренне, в короткие сроки он успел завоевать мое жестокое сердце потомка Хаоса. Он вдохновил на продолжение моей деятельности, растопил лед боли где-то на подкорке, стал буквально моим маленьким белокурым пухлым смыслом жизни. Детей у меня никогда не было, в целом я их не любил, но, проводя все свое свободное время с Мэттью, начал ощущать себя как София — оказался в тарелке родителя, отца не кровного, но ставшего таким родным сына.

И мне нравилось в данной тарелке. Чувства, некогда бывшие чужими, стали идти со мной рука об руку. Любовь, радость, счастье... Все это казалось мне дурацкой фантастикой крылатого чудовища, но благодаря Мэттью эти чувства и эмоции стали самой настоящей реальностью. Хотя и желавший обрести свое могущество обратно, я бы хотел, чтобы крепкая родительская любовь к Мэттью осталась со мной навсегда. Так странно...

Как я уже говорил, маленький Мэтти вдохновил продолжить собственные исследования. Я подумал, что одними хронопультсаторами эксперимент на Кастре не ограничится, и решил наблюдать за ребенком. Оказалось, что Мэттью и вправду умел управлять временем, что я принял за аномалию. Мне думалось всегда, что управленцем Временем могу быть лишь я и Создатель, однако, видимо, он распространял свои магические редкие частицы и на остальных, и мальчик попал в их число.

В перерывах между экспериментами американцев я проводил над Мэттью собственные. Только не жестоко, без электричества и шлемов с проводами. Используя остатки способностей и сознания, я проверял его силу, закрадываясь аккуратно в мозг и сердце. Выяснилось, что Мэттью мог видеть не просто прошлое и будущее, а временные линии, в которых обычно содержался ход Вселенной. Более того, он имел способность их, как бы это сказать... сортировать. Для меня они были неосязаемы, а вот Мэтти мог свободно их трогать. Это было интересно, походило на зацепку к созданию чего-то ещё более масштабного, чем хронопультсаторы.

Единственным существенным минусом было то, что мальчик действительно не мог контролировать свою силу. Он перемещался во времени хаотично. Иногда у него получалось, иногда нет, и это походило на странные психологические потуги. Мэттью не мог, к примеру, взять и оказаться в 1905 году, он мог об этом подумать, но в итоге прилететь в далекое будущее. И без восстановленных хотя бы на половину способностей я никак не мог помочь ему обрести крепкий контроль. Однако ж подумывал, что могло бы стать проводником между моим Мэтти и путешествием во времени...

В конце концов я и Мэттью привязались друг к другу настолько, что уже не могли существовать в одиночку. Мальчик, видимо, насовсем привык ко мне и стал называть «папой». Странное слово на вкус, имеющее какое-то сладкое и ласковое послевкусие... Но мне нравилось. Я же начинал называть его «сынком», словом из того же приторного разряда, что и «папа».

— Пап, — однажды он обратился ко мне, глядя своими нежными детскими глазами, — а когда эксперименты закончатся, куда мы с тобой пойдём? У тебя есть дом?

Обняв его, я ответил:

— Я отвезу тебя на волшебную планету. Она называется Кастра. Там будет и дом, и мягкая кровать, и вкусная еда. И ты, наконец, разовьешь свои способности до прекрасного результата. Будешь моим самым лучшим и любимым ангелом.

— Вау! — Мэттью весь заискрился, счастливый. Я не мог без улыбки смотреть на это веселое красное личико. — Другая планета! Это круто! Жду не дожусь, когда мы полетим туда! Мы ведь полетим?

— Обязательно полетим, сынок, — с полной уверенностью в своей успехе и нашем совместном счастье заверил я.

Однако вскоре жизнь вонзила нож в спину. Избила, ударила головой о холодный кафель, а затем завязала ноги и утопила в реке скорби. Впервые в своей брэнной человеческой жизни я ощутил смерть, ее отвратительный смрад гниения, ее соленый и вместе с тем горький вкус, костлявые руки, обвившие с головы до ног, взгляд, дырявивший затылок. Впервые я потерял кого-то близкого, маленького и светлого. Вновь увидел тьму, только не созданную в тюрьме Матери, а настоящую, всепоглощающую изнутри, а не снаружи.

В один день на базе случилась катастрофа, в одном из крыльев произошел взрыв. Какая-то неисправность, несчастный случай, халатность ученых и работников лаборатории. Казалось бы, наплевать, так и надо этим поганым душегубам с их экспериментами — пострадало куча важного оборудования и документов. Однако самый страх заключался в том, что в разрушенном крыле находились дети.

Я бежал туда изо всех ног вместе с остальными очевидцами ужасного звука. Надеялся, что никто из детей не пострадал, хотя до этого мне было бы крайне начхать. Я боялся, что среди потерпевших мог оказаться мой Мэттью, но думал, что такого светлого маленького человечка трагедия точно обойдет стороной.

Я ошибся. Среди обломков крыла и разрушенного оборудования с раскиданными бумагами лежали дети. Кто-то ещё дышал, и их можно было спасти. А кто-то уже не издавал и звука, придавленный насмерть. Среди таких оказался и Мэттью. Весь в штукатурке и крови, с явными переломами, уже бледный и плотно сомкнувший глаза. Это был не лучик света, а маленький холодеющий трупик.

Я пытался делать искусственное дыхание и массаж сердца. Старался как-то оживить его с помощью остатков сил. Но ничего не помогло. Кровавое тельце осталось лежать у меня на руках бездыханным. Я осознал, что больше мой сын никогда не назовет «папой». И горькие слезы покатались на труп, разбавляя пятна крови на детских губах.

Меня всего трясло. Сердце бешено колотилось. Руки продолжали обнимать Мэттью и прижимать к груди. Я смотрел на холодный свет мигающей лампочки и безостановочно всхлипывал, не зная, что делать, впервые испытывающий такие чувства. Во мне перемешалась глубокая скорбь и огромный гнев на все: на «Монток», жалких людишек, природу, Бога. В тот момент я думал, что обязательно создам свой временной континуум и смещу крылатых тварей с их закостенелого поста. Теперь должен был сделать это во что бы то не стало.

— Сынок... Мой сын... он...

— 058, передайте тело 001 медикам, — раздался за спиной нервный голос работника.

В тот момент я пообещал себе, что встречу с моим милым Мэттью вновь. Просто воссоздам его. Любой ценой.

Глава 9

Глава 9. «Встреча в Космосе»

Истинный хронопультатор, показав заложенный в нем отрезок прошлого, заискрился на мгновение фиолетовым, а затем уменьшился до маленького мячика и ринулся ко мне в сумку. В одном из карманов он и погас, ждущий своего часа в будущем. Перед нами снова показалось настоящее прошлое – задний двор кабаре «Безумная антилопа», опушка леса с притаившимися воронами и наши с Сорой лица, отражавшиеся в одной из застывающих луж.

Честно, не знал, что и думать. Я всегда считал, что Хронос – лишь человек с суперспособностями и блестящим умом, коих на Кастре было довольно много. В конце концов мудрость и силы являлись характеристикой расы этой планеты. Конечно, иногда у меня закрадывались мысли, что Альфред мог быть больше, чем способный человек, однако я даже и представить не мог, что это, по сути, и вправду божественное существо... Да, Хронос не был богом, но являлся производным от Богини Хаоса – безумной злодейки, свергнутой дважды Святым духом. Меня повергло в шок то, что ученый несколько раз кардинально менял ход вселенской истории, по его вине произошло много глобальных трагических событий... Получается, он был самым сильным и вредоносным Эоном, которого не всегда мог контролировать даже настоящий Бог! В голове это все не укладывалось...

В множество различных мыслей и волнений вгоняла двойственная природа Альфреда Хроноса и наказание, постигнувшее его. С одной стороны, его вклад в печальную судьбу Вселенной был огромен и не терпел помилования, но с другой... В моменте, когда ученый потерял своего единственного друга, успевшего стать родным сыном, мне стало искренне его жаль. Меня потрясло, что Хронос мог испытывать животный страх и нестерпимое глубокое горе. Обычно хроны видели Альфреда непоколебимым величественным загадочным правителем, который говорил и думал лишь о спасении Кастры и исследованиях времени. И другая, более чувственная и искренняя сторона Хроноса изумила, заставила сопереживать. Однако я понимал, что «Монток» и смерть Мэттью, естественно, не сделали Альфреда менее зловещим мстительным, а наоборот прибавили коэффициент данных качеств вдвойне. Иначе мы бы не находились на Кастре, оставшейся без времени вовсе. Вопрос о возникновении этой аномалии все же оставался открытым, и я подозревал, что самая ужасная правда о Хроносе и этой планете ждала нас впереди.

- Что... что думаешь об увиденном? – прожевав в голове собственные мысли, решил спросить мнение Сору, которая молчала все то время, что и я.

«Бета» прикусила губу и встала, начав неспешно расхаживать из стороны в сторону. Она выглядела очень напряженной и, кажется, напуганной. Сора по привычке пыталась это скрыть, старалась придать себе лишь серьезный вид, но дрожь в голосе и бегающие глаза выдали ее:

- Думаю, что Кастра оказалась в еще большей опасности, чем даже я предполагала. Хронос не просто сумасшедший ученый, а могущественное существо, порождение Хаоса, у которого безумно большие аппетиты на нашу планету и Вселенную. Да, он потерял почти все способности, однако восстановление их – лишь вопрос времени. И других хронопультаторов, поселившихся во Временном комитете. Боюсь, что и хроны его пешки, неспособные отказаться от злых деяний своего создателя. Мы, первый класс, тоже.

Сора стала тревожно себя ощупывать, щипая одну часть тела за другой. От ее высказываний и движений мне стало не по себе.

- Слава богу, что мы вовремя сбежали из-под его влияния, - я попытался разрядить обстановку.

- Но охотиться за нами может не только Хронос, - Сора сглотнула, опасливо посмотрев на меня. – Очевидно, что хроны – его глобальный проект, который вполне может помешать нам спасти Кастру. И нам нельзя этого допустить. Понимаешь, кого я имею в виду, говоря про преследование?..

Я яро не хотел представлять, как за нами гонятся бывшие друзья-хроны первого класса. В голове всплыл лишь агрессивный образ Маттео, но я считал, что ни он, ни остальные не выберутся за нами в космос.

- Думаю, что все будет в порядке, - в моменте голос сорвался на хрипотцу, ладони вспотели. Где-то на подкорке все равно грызли сомнения.

- Да, я думаю, что, в случае чего, мы сможем отбиться от хрон, - Сора по наитию рукой проверила наличие катаны за спиной. – Однако нам нужно как можно скорей заполучить другие хронопультаторы, пока я не подверглась манипуляциям этого безумца. Он... он менял ход истории, манипулировал всеми, и что ему в конце концов мешает делать это с нами?...

- Да брось, Сора, этого не произойдет, - я встал и погладил утешительно нервную подругу по плечу. – Даже если у Хроноса есть рычаг давления, я уверен, что он тебя не коснется. Ты сильная девушка со своим стержнем.

- Я... да, - «Бета» опустила голову. – Но после этого отрезка прошлого поняла, что Маттео точно особенный для Хроноса. Не зря он самый сильный, неспроста он так предан ему. И... «Альфа» и «Бета» всегда идут в паре в мире Лагеря, к тому же Хронос так же возлагал на меня большие злодейские надежды, и я боюсь, что в один момент...

Я понял, что ее так тревожило. Холодок прошелся по спине, но я мужественно не подал виду.

- Очень похожий на нынешнего «Альфу» малыш Мэттью был один в «Монтоке», и если Альфред помешался, то только на нем. Тебя это не коснулось, я уверен. Пускай... пускай только Маттео несет это... бремя воскрешенного оружия Хроноса... - и все равно больно прикусил губу, представляя с некой тревожностью то, каково было бы Маттео, узнав он такую страшную правду про себя. «Альфа» не поверил бы, если я сказал, что испытал в один момент к нему сострадание.

- Ты же тоже понял, что Альфред в итоге каким-то образом воссоздал Мэттью?.. – кажется, Сору последние минуты прошлого Хроноса-подопытного весьма впечатлили.

Два белокурых лика – маленький невинный и большой суровый всплыли у меня в голове. Безумие Хроноса имело невероятные масштабы, но я не хотел думать, что в этом каким-то образом замешана Сора и другие хроны первого класса. Хотелось только узнать, как... как ученый захватил Кастру в дальнейшем.

- Думаю, здесь наша работа окончена, - я взял подругу за руку, достав часы, - пора идти в прошлое Бабет Холлоу.

Сора всегда могла быстро откинуть лишние беспокойства и вновь стать каменной глыбой, идущей напролом, поэтому она кивнула и как ни в чем не бывало сказала:

- Ты прав. Пошли, - и тоже достала свои карманные часы.

Оказавшись в космосе, мы оградили временную линию Айзека от натиска Странников, создав отдельную, истинную дорожку континуума Кастры и спрятав тщательно среди других нитей. Затем мы повторно отсчитали время и оказались в отсеке отдела 2018 года нашей планеты. Теперь нужно было найти временную линию Бабет Холлоу, сокрывшуюся среди утерянной истории городка Омбры.

Стоило сказать, что с нашего последнего визита в космос здесь стало совсем неуютно. Обломков различных метеоритов и звездного мусора знатно прибавилось, некоторые линии

оказались спутаны, они покрылись торчащими ворсинками. Создавалось ощущение, что во временном отделе Вселенной на протяжении нескольких дней шли ожесточенные бои... Бои между хронами и Странниками.

Живот скрутился в тугой узел, как только на глаза попались лоскутки знакомой формы – по фиолетовой пустоте жутко плыли красные и грязные галстуки хрон, куски жилеток, разорванные чулки зеленого цвета... Нам встретились и останки Странников, и они имели неестественный модифицированный вид: разорванные конечности бурлили и истекали болотным дымящимся гноем. Обычно при уничтожении неуклюжие монстры просто испарялись, превращаясь в скопление тумана, либо при легком столкновении могли просто удалиться в укромные космические места. Однако необычное разложение я видел в первый раз.

- Нечисто, - озвучила мои мысли Сора, - Странники стали еще агрессивней. И, кажется, эволюционировали.

- Меня пугают и останки Странников, и части формы хрон, - я сглотнул тяжело. – Некоторые из них кровавые. Надеюсь, хроны не стали погибать от столкновений с этими громадными паршивцами.

- Возможно, они тоже связаны с Хроносом и его безумными проектами, - предположила «Бета», обходя большие груды звездного мусора. – Надо выяснить...

Подругу оборвали чужие голоса, доносящиеся издалека:

- Поищите в той стороне. Они должны уже добраться до этого отдела.

- Принято.

- Есть.

Сора вмиг замерла, а у меня внутри все рухнуло. Я сразу распознал в голосах некоторых хрон первого класса – Гарольда «Эпсилон», Харви «Сигму» и, конечно же, само собой, Маттео «Альфу». Он, подобно генералу, отдавал четкие приказы остальным и явно был настроен на повторный удар мне в ребра. Синяки и раны под бинтом тревожно заныли.

- Дело дрянь, - тихо выругалась Сора, дернув меня за руку, - надо скорей бежать в прошлое Холлоу.

Я мысленно с ней согласился и только обернулся, чтобы двинуться наутек, как перед нами возникла Катерина «Гамма», прислонившая палец ко рту.

- Не время, - прошептала русоволосая хрона с дергающимися серыми глазами. – Они быстро вас настигнут. Спрячьтесь.

- Катерина? – Сора даже забыла на мгновение, как дышать. – Ты не за них?..

- Хронос в бешенстве, и Маттео нужно во что бы то ни стало поймать вас, - используя телекинез, она накинула больше звездного мусора, чтобы полностью заслонить нас. – Они задумали что-то неладное, и все это чувствуют. Мы не можем противиться воле Хроноса и странному гнев Маттео, но, думаю, если я «случайно» закрою глаза на ваше обнаружение, то никто ничего не заметит. Просто будьте здесь, пока я не настрою Маттео идти в другую сторону. А потом идите дальше.

Сжав ладони в кулаки, Сора напряженно кивнула, а я сторбился в ожидании чего-то страшного. Сам не понимал, чего. Тревожность окутывала с головой лишь от осознания того, что предсказание Соры насчет преследования сбылось, а аномальная злость Маттео и безоговорочное ему подчинение других вообще вгоняла в животный страх. Все это выглядело крайне странно.

«Гамма» тем временем вышла из нашего укрытия навстречу «Альфе», и у нас выдалась возможность подслушать разговор. Даже... подсмотреть. Благо, груды мусора это позволяли сделать.

- Ну что, «КГ003», как успехи? – заметив хрону, Маттео повернулся к ней и пронзил глубоко изучающим хищным взглядом.

- След «ЭД006» и «СБ002» ведет туда, - Катерина с невозмутимым видом указала куда-то направо, в сторону отдела истории деревни Виндо. - Я нашла волосы Эдвина в той стороне, а отпечатки пальцев на некоторых нитях указывают на Сору.

- Правда? - «Альфа» чуть наклонил голову, в моменте состроив невинный, но заинтересованный вид. Его лицо мне не понравилось. - Не врешь?

- Зачем мне врать? - «Гамма» пожала плечами. - Я просто говорю, что знаю.

Маттео подозрительно улыбнулся, и от его вида у Гарольда и Харви потек пот по вискам. Я разделял с ними нарастающее напряжение.

Внезапно «МА001» сжал своими сильными руками шею Катерины и поднял ее. На лбу его взбухли вены, зрачки сузились, а кожа еле видно покраснела. Другие хроны вздрогнули, а «Гамма» издала жалобный писк, схватившись за его руки и пытаясь высвободиться.

- Я чувствую твой блеф за версту, - процедил Маттео сквозь зубы, все сильнее сжимая шею бедной Катерины. - Ты понимаешь, чем это грозит тебе и Кастре?

- Маттео, отпусти ее, - запротестовал твердо Харви, разозлившись от подобного действия «Альфы». - Ты уже перегибаешь палку, она же девушка.

- Это просто репликант, имеющий имитацию женских клеток для более удобной и гибкой временной деятельности, - оглянувшись на коллег, Маттео ядовито усмехнулся. - Или вы уже забыли, кем являетесь? Может, мне стоит рассказать об испытываемых вами чувствах и восприятии Хроносу? М, «ХС018» и «ГЭ005»?

- Ты с ума сошел по Эдвину и Соре, - Гарольд напряженно поправил очки, - а нынешние действия Хроноса мне вовсе непонятны. Что вы хотите от них? Почему они настолько важны, и почему их действия по времени так волнуют общественность?

- Маленькая серая мышка по имени Эдвин крайне важен для Хроноса, - продолжая удерживать «Гамму», начал разъяснять Маттео. - Он человек, и в нем хранится важный артефакт, имеющий возможность разрушить великие планы Хроноса по спасению Кастры и Вселенной, а потому «Дзета» должен быть подле него. А Сора для Эдвина опасна, в целом... Манипулирует им в угоду своих революционных идей. Ее нужно ликвидировать.

- Ликвидировать? - захрипела Катерина тревожно. - Это значит убить?

Маттео вновь повернулся к «Гамме».

- Именно. Посадить в пиро-камеру и сжечь. Все просто. И вместо этой узкоглазой бунтарки за Эдвином буду присматривать я, чтобы сохранить нашу Кастру. Понимаете?

«Бета», слушая все то, что с поразительно спокойной и уверенной интонацией говорил Маттео, стремительно синела от поднимающегося ужаса и гнева. Глаза стали пустыми, а губы, полностью высохшие, приоткрылись в шоке.

Я же не мог понять, что вообще нес «Альфа». Что во мне был за артефакт, почему он мог разрушить Кастру? Уже не понимал, кто я в целом: человек, репликант или что-то такое же внеземное, как Хронос. А слова про Сору вообще поразили... Что она сделала такого, чтобы ее безжалостно убивать? Поняла злой замысел Хроноса? Отказалась вредить мне и моему сознанию? Спасла меня из клетки этого ученого, прикидывающегося правителем всего и вся? Чем она это заслужила?

И осознанно ли это все проповедовал Маттео? Я всегда знал, что он мерзкий хулиган и зазнайка, кичащийся своим статусом и силой, но чтоб «Альфа» был способен на подобные мысли и убийства... Я чувствовал, что что-то здесь неладно. Мысли Сору о манипуляциях становились все правдивей.

- Бред какой-то, - Харви «Сигма» цыкнул раздраженно. - Поймайте ее и изгоните, как Элизу, okay. Но убивать... Совсем дичь.

Маттео проигнорировал всплеск возмущения коллег и, сжимая Катерину все сильнее, уже до фиолетового оттенка на лице, спросил:

- Где Эдвин и Сора? Говори. У тебя осталось пару минут до потери сознания.

«Гамма» плюнула Маттео в лицо.

- Это не ты, Маттео!.. Кх... Я не скажу...

Словно зверь, недовольный добычей, «Альфа» откинул Катерину в сторону... прямо в кучу звездного мусора, за которым мы скрывались. Мы еле успели отбежать, и, к сожалению, пострадала сама «Гамма» и наша недавняя безопасность.

Увидев нас, Маттео лукаво ухмыльнулся.

- А вот и ты, «ЭД006». Я и Хронос уже успели соскучиться. Ты знал, что от меня не скрыться? Никогда и нигде. И твоя подружка «СБ002» тебя не спасет.

Я рефлекторно попятился.

- Маттео... прекрати это.

- Ты свихнулся, Маттео, - рыкнула Сора, доставая катану из-за спины. – Ты пешка Хроноса, он управляет тобой, и эти мысли тебе могут не принадлежать.

- Это ты свихнулась, - «Альфа» начал подходить ближе, активируя в руке свою силу. – Ты гнусная предательница Лагерь и Хро...

Оглушительный рев Странника сотряс космические просторы. Не успел Маттео ударить огнем в Сору, как перед всеми нами показались знакомые монстры... Их было больше трех. И эти Странники были ужасно не похожи на обычных. От их вида стало безумно жутко, и рефлекторно в руках начала скапливаться сила, полученная плазмидами.

- Черт... - рявкнул Маттео недовольно, - опять они. Всегда все портят.

- Они выглядят не так, как всегда... - словно прочитав мои мысли, прохрипел Харви.

- Нужно уходить, - затрепетал тревожно Гарольд.

Но мы не успели разбежаться – Странники, пронзительно заревев в унисон, кинулись на нас, принявшись разрушать временное пространство космоса вместе с линиями Кастры. И в этот раз сила, накопленная монстрами, действительно поражала и в то же время пугала. Гнев их возрос, движения стали более ловкими, а внешность действительно поменялась почти до неузнаваемости.

Странники начали походить... На людей. Разных и к тому же знакомых. Морды быстро сменялись с одного вида на другой, в месиве из зеленого гноя и черных волдырей вырисовывались лики Богини Хаоса, погибших братьев и сестер Хроноса, самого его то в молодости, то сейчас. И это было невероятно странно, чувство дискомфорта прямо скреблось под ложечкой. Раньше Странники не настолько впечатляли, они являлись просто бесформенной кучей с минимальной силой, но сейчас... Это были реальные монстры с лицом Хроноса, которые стремились уничтожить не только временные линии Кастры, но и нас.

- Вперед, в бой, - приказал Маттео остальным хронам, - мы не должны дать им все здесь разрушить.

И с этого момента все смешалось. Временной отдел космоса превратился в кровавое поле боя с кучей разбросанного мусора и разорванными линиями. Маттео отвлекся от нас, «Эпсилон», «Сигма» и «Гамма» пропали в адской пыли, борющиеся яростно со Странниками. И, конечно, мы тоже в моменте забыли про свою миссию, ибо попали под горячие лапы монстров так же, как и остальные хроны. Странники преградили нам путь к нити Омбры 2018 года, пришлось тоже драться с ними.

- Эдвин, нужно стараться держаться вместе, - говорила Сора, напрягая руки, чтобы перекачать свою силу в катану, - иначе по одиночке Маттео может забрать с собой кого-то из нас.

- Понял, - я твердо кивнул, скапливая магию и в ладони, и в кинжале, данным мистером О'Харой.

Стараясь изо всех сил держаться рядом с подругой и не упускать ее из виду, я принялся отмахиваться от сильных и больших когтистых лап Странников. Оказалось, что кинжал наносил им достаточный урон. С силой из плазмидов, имеющий острое серебряное лезвие, он прорезал монстров насквозь, оставлял глубокие раны и не позволял захватить и разорвать вре-

менные линии. Катана Соры имела такой же эффект, но могла и разрубить большие куски конечностей Странников. «Бета» походила на сильного самурая, о которых рассказывал мистер Баркли – ловкая, боевая и не щадящая ни одного монстра. Она могла защитить и себя, и меня, и линии. Конечно, я старался быть ей под стать и помогал не оказаться в лапах гигантов.

Однако в какой-то момент я засмотрелся на Маттео. Я никогда не видел, как он сражался со Странниками. Следуя моим предпочтениям, вожатые всегда направляли в космос либо в одиночку, либо с Сорой. И тут судьба позволила рассмотреть то, с какой яростью и мощью Маттео буквально отбрасывал в темные чертоги космоса Странников. Ему не нужна была ни катана, ни кинжал, ни огнестрельное оружие, чтобы разрывать монстров в щепки. Его сила и вправду имела колоссальные размеры, и в голову закрадывались мысли, что «Альфа» мог стать могущественным оружием Хроноса против Вселенной в целом... Но вот хотел ли это сам Маттео? Подозревал ли он это? После предположений Соры у меня зарождались сомнения.

Вскоре мои подозрения стали более явными. Внезапно один из Странников с лицом молодого Альфреда пронзительно заревел, и я заметил, как Маттео схватился за голову и весь скрючился. Он зажмурился и стиснул зубы, испуская жалостливый, совсем не надменный стон. В затылке у «Альфы» что-то видно запульсировало. Он еле слышно просипел:

- Где... я... что... происходит...

Я не понимал, что с ним такое резко произошло, к чему Маттео бубнил рассеянные фразы. Странник, воспользовавшийся моментом, расставил лапы в атаке. В моей груди что-то защемило, и я, забыв жажду Маттео к убийствам, ринулся на помощь.

Пока летел, расставив руки, задел пальцами одну из разбросанных временных линий. Она, как назло, запуталась между фаланг, будто сама собой завязалась и уже не желала отвязываться. Я попытался от нее избавиться кинжалом, однако сделал только хуже – среди ворсинок показалась одна из картин прошлого... С безумно знакомыми расплывчатыми силуэтами. И меня туда безвольно затянуло.

В этом прошлом я вновь увидел коттедж, который впервые показался в том злосчастном воспоминании, в моей временной линии. Он выглядел все так же целостно и находился в том же умиротворенном месте, но сейчас погода испортилась: лил дождь и гремел гром где-то над отдаленными небоскребами Дель-Темпо. Домик утерял свой былой уют и счастье и превратился в скорбную обитель.

Все из-за толпы солдат в черном с бластерами, которые одной кучей столпились у двери... И до боли знакомой фигуры в белом халате. Перед ними печально стоял силуэт мужчины в очках с уже подростком. Все тем же, с сизыми волосами, веснушками на носу и глазами своей матери. Он уже мог стоять, ясно видеть и крепко держать отца за руку. В этом малыше я вновь узнал себя.

- *Значит, вот как ты развлекался все это время в тайне от меня,* - произнес ученый в халате с обращением к мужчине, но я не смог услышать имя. – *Я бы мог сказать, что ты предал весь Институт, но в целом... Ты подал мне много идей для дальнейшего исследования и продолжения эксперимента.*

- *Я вам его не отдам,* - отрезал резко отец, - *он просто ребенок. Такой же, как и все на Кастре. Маленький человек, просто живущий свою жизнь.*

- *О нет...* - Альфред Хронос хрипло засмеялся, - *он не просто человек. Не придируйся. Он наполовину репликант, как и его беглая мать. Кстати, куда она пропала? Ее я тоже попрошу вернуться для исследования вместе с сыном.*

- *Она мертва,* - мрачно ответил мужчина, и ребенок рядом с ним захныкал.

Хронос наигранно охнул.

- *Вот ведь незадача... Хотя нет, останки тоже подойдут. Где она похоронена?*

На лбу отца выступили вены, и он покраснел от злости.

- Я не позволю волновать ее душу и могилу так же, как и не разрешу забрать нашего единственного сына для ваших гнусных проделок.

- Это не «проделки», - запротестовал со вздохом ученый, - обидное и незаслуженное прозвище. Это эксперимент, что сможет поменять мир, Вселенную в целом! Не хорошо ли жить в новом временном континууме, у которого нет ограничений в виде прошлого, будущего и настоящего? Неужели вы не хотите уничтожить эти дурацкие оковы, сковывающие умы людей и всех остальных существ?

- Жизнь без времени – не жизнь, а лишь пустая оболочка, в которой мы будем вынуждены владеть свое существование, - мужчина укрыл ребенка в полах плаща, нахмурившись. – Это чистое безумие с применением сомнительных методов и жестокости.

Космический глаз Хроноса засветился, став четче остальной фигуры.

- Ты начал так думать лишь из-за неудачного опыта над Ванессой? Из-за чувств, которые она в тебе пробудила? – он сложил руки в замок, всматриваясь в напряженное туманное лицо отца. – Эх... Все-таки в который раз убеждаюсь, что люди – существа невероятно слабые. Вы слишком подвержены влиянию окружающей среды и зависите от химических процессов, происходящих в вас. Если бы не твоя человеческая природа, то ты бы сейчас так не отзывался о моем проекте и посчитал за дар свыше жертвование Эдвина на это благое дело.

Мужчина кое-как сглотнул.

- Что вы хотите с ним сделать?

- Оу, да ничего особенного, - Хронос пожал плечами. – Я не буду его пытаться и истязать. Лишь закончу то, что хотел сделать ты и Ванесса, но так, как нужно мне. Я возвращу его... - тут не расслышал пару фраз, - в своей силе и мышлении. И он станет одним из моих могущественных орудий, в конце концов его кровь поможет воссоздать еще кое-кого более сильного, чем он! Великолепно, не правда ли?

- Он вырастет и отомстит тебе, не дав твоей силе распространиться в нем, - рыкнул сквозь зубы отец.

- Нет, - Хронос же уверенно покачал головой, подходя ближе к семье, - я сотру его воспоминания о тебе и Ванессе, затем пришью новые. И ничего ему не мешает.

Мужчина в очках ни в какую не хотел отдавать малыша в хищные лапы ученого. Из кармана плаща он достал пистолет, накаченный зеленой жидкостью, отпустил ребенка и сказал:

- Прячься, Эдвин. А я с ними разберусь.

Быстро кивнув, мальчик побежал вглубь дома, ища укрытие. А Хронос недовольно хмыкнул и подтолкнул солдат рукой. Он сказал понуро отцу:

- Что ж, раз ты не хочешь мирно... Значит, придется применить силу.

Послышался выстрел. Затем еще один, и еще. Мужчина начал отстреливаться от наступавших солдат, а те в свою очередь стреляли в ответ, прорываясь в дом. Хронос же спокойно, словно полководец, знающий о своей безоговорочной победе, начал проходить сквозь стрельбу.

Борьба продолжалась еще несколько минут, выстрелы разрывали барабанные перепонки... Однако вскоре все стихло. Не было слышно отца и даже бубнежа солдат. Все вокруг будто замерло, ожидая чего-то...

А затем из дома вышел Хронос. Он держал на руках ребенка, всего в грязи и даже крови. Тот был без сознания и просто повис на ученом. И это был я...

Второе воспоминание, настигнувшее меня в космосе, было более развернутым, но в то же время еще более загадочным. Я узнал, что Хронос забрал меня из семьи насильно, что моя память о семье была перекроена и исправлена на лад Лагеря. Из этой временной линии я

понял, что... моя мама в какой-то момент умерла. И кто-то из них, - либо она, либо отец, - был репликантом, что делало меня необычным человеком. И это сильно интересовало Хроноса.

Однако вопросов прибавилось больше, чем ответов. Что было во мне такого, что могло сделать меня орудием? Как из моей крови мог получиться еще кто-то более могущественный? Что в итоге случилось с отцом, так яростно защищавшим меня?

...И чем это в итоге все закончится?

- Эдвин... - послышался голос Сору, - Эдвин, проснись... ну же...

Я открыл глаза. Передо мной оказалось лицо подруги и хмурое дождливое небо. Но не космос. Получается, я опять потерял сознание?.. И где же находился? Надеюсь, не под куполом Лагеря...

- Где... мы?.. – просипел я не своим голосом.

«Бета» обрадовалась, добившись моего пробуждения.

- Наконец-то, - выдохнула она с облегчением, - хвала небесам.

Я приподнялся на локтях и осмотрел Сору. Она выглядела совсем по-другому. На «Бете» было одето легкое кимоно болотного цвета с рисунками красных ликорисов. Посередине оказался плотный широкий коричневый пояс, завершающий композицию. Катана покоилась за спиной, а знакомые смоляные короткие волосы украшала простая черная заколка. Глаза Сору были подведены темно-красными тенями, а на губах остались остатки помады, которую она, по-видимому, смазала рукой. Красивый образ, выглядевший старше, чем тот, который «Бета» носила во времена Айзека. Значит, мы...

- Мы в Омбре 2018 года, - Сора подтвердила мои догадки. – Пока другие хроны откачивали Маттео, я нашла тебя без сознания и под шумок пролезла туда, куда нам нужно. Как ты?

Ох, мне столько всего нужно было рассказать «Бете»...

- Я... нормально, - чуть замешкавшись, я поднялся и посмотрел на подругу многозначительно. – Увидел новое воспоминание о себе. И... мне нужно тебе о нем расс...

Где-то вдалеке послышался очередной выстрел – вроде взорвался беспилотный дрон. И я понял, что войны, стычки и перестрелки, судя по всему, только начинались в космосе и продолжались уже тут, в Омбре. Покой стал казаться лишь сладким сном.

Глава 10

Глава 10. «Мой милый Эрнст»

Я не успел очухаться от обморока и привыкнуть к новому чуждому окружению. Не смог полностью заглушить в голове эхо выстрелов и даже посмотреть на свой вид. В кармане запульсировали часы и послышался знакомый голос – к нам зывал Джеймс.

- Дети, как вы? – взволнованно обратился исследователь, используя какие-то отцовские фамильярности. – Прием? Вы меня слышите?

С немного кружившейся головой я достал часы и раскрыл их, увидев обеспокоенное бледное лицо О'Хары. Глаза бегали туда-сюда, а губы чуть кровили, явно обкусанные до звонка.

- Мистер О'Хара, мы здесь, - на экране часов мое лицо буквально слилось воедино с голографическим ликом Джеймса.

- Уже в Омбре, - продолжила Сора, точно почувствовав, как заплетался мой язык, - но тут беспокойно.

- Эдвин, ты видел очередное воспоминание из своей временной линии? – проигнорировав мысль «Беты» о тревожной обстановке, исследователь сразу спросил о том, что случилось со мной.

- Я... да, - сначала ответил спокойно, но потом вздрогнул, - откуда вы знаете?

- Я ведь слежу за вами через часы, поэтому в курсе практически всех ваших передвижений, - пояснил Джеймс. – Главное, чтоб Хронос не узнал об этом. Зараза...

- Тогда вы знаете, что и мы, и Маттео «Альфа» с другими хронами первого класса столкнулись со Странниками в космосе, и они изменились, - приблизившись к моим часам, начала говорить Сора. – Они стали намного злее и агрессивнее, а еще приобрели четкие облики реальных личностей. Вы знаете, почему?

Несколько мгновений Джеймс молчал, его глаза выражали задумчивость. Затем он поправил очки и, кашлянув, ответил:

- Полагаю, Странники связаны с состоянием Хроноса и пульсаторами, которые вы добыли. Грубо говоря, хронопультатор ослаб при обнаружении истинного, и настоящая личина Хроноса и его прошлого начала проявляться в Странниках. Что, кстати, вы узрели в найденном пульсаторе? Кратко.

- Хронос оказался Эоном Времени, рожденным от Богини Хаоса, - я начал вспоминать увиденное прошлое ученого. – Он задумывал создать новый временной континуум вне пространства и выбрал в качестве жертвы своего эксперимента, конечно, Кастру. При борьбе со Святым духом и его подданными Жизнь победила, а Хаос окончательно канул в небытие... М... Эоны переродились в разных временах и местах, Хронос потерял почти все свои способности и стал подопытным некоего проекта «Монток». Смерть мальчика...

- Подозрительно похожего на Маттео, - шикнула Сора.

Я же продолжил:

- Ставшего ученому родным сыном, повлекла его на продолжение своих безумств. Дальше мы не видели.

- Угу, угу, - Джеймс серьезно кивал, что-то черкая в своем блокноте. Звуки карандаша были отчетливо слышны. – А ты, Эдвин? Что ты увидел в своем воспоминании?

Сердце больно кольнуло. По спине пробежался холодок, и все внутри скрутилось, а пальцы задрожали. Я оглянулся на Сору, и она напряглась вслед за мной.

- Я видел... - тяжело сглотнул накопившуюся слюну, и это показалось больным, - видел, как Хронос пришел за мной. Отец пытался меня защитить изо всех сил, но пришедшие солдаты оказались сильнее... Была перестрелка, и в итоге Хронос забрал меня, а папу я так и не увидел. Еще узнал, что моя мать умерла...

Глубокая печаль отразилась на лице О'Хары. Он будто пережил это воспоминание со мной, и казалось, будто его пепельные волосы встали дыбом, а на щеках показались мурашки. Тем не менее Джеймс продолжал записывать что-то в блокнот.

Сора же все это время проникновенно смотрела на меня. Ее губы приоткрылись, а брови нахмурились, и кончики ногтей впились в соседние подушечки пальцев. Она явно не ожидала услышать столь горестные воспоминания о моей жизни, собиравшиеся по кусочкам. Наверняка ей было интересно, как моя жизнь развивалась дальше – лучше или все хуже и хуже...

А я был настолько опечален вновь раскрывшимися сердечными ранами, что в голове возникал вопрос, на который мистер О'Хара, наверное, все равно не знал ответ:

- Как думаете, мистер О'Хара... мой отец жив или тоже погиб?

Карандаш прекратил черкать на фоне, страницы блокнота перестали мяться под напором пишущей руки. Джеймс поднял голову и глубоко вздохнул. Кажется, придумывание ответа далось ему тяжело.

- Вы, может, знали его? – прикусив губу, еще больше озадачил его я.

Конечно, я ожидал услышать любой ответ, даже если и неправдивый... Любой, кроме ответа о смерти отца. Осознание того, что из-за Хроноса и его махинаций с телом и памятью я мог потерять обоих родных людей, било по ребрам и оседало неприятным сгустком где-то в глубинах мозга... Естественно, я бы и дальше продолжил докапываться до истины о своей природе и истории моих родителей... Однако знание того, что хотя бы кто-то из родителей остался жив, грело бы мне душу в полной мере.

Джеймс, наконец, ответил:

- Эдвин... твой отец намного ближе, чем ты думаешь. Просто он... пока не готов тебе показаться. Он хочет, чтобы ты полностью узнал свою историю.

Сора прищурилась, глядя на исследователя, а во мне затаился огонек надежды.

- Значит, он жив и вы с ним держите связь, - улыбнувшись, сказал я уже более весело. – Это хорошо. То есть, когда я все узнаю о себе, то встречаюсь с ним?

Прикрыв глаза, Джеймс кивнул.

- Да.

- Хорошо... - дыхание перехватило от радости, и мне уже было немножко наплевать на враждебную атмосферу Омбры. Я лишь добавил с теплом внутри:

- Хотя только начал его вспоминать, передайте, что я его люблю.

Заметил, как на уголках глаз исследователя выступили слезы. Явно стараясь скрыть их, проникнувшийся моими словами, Джеймс совсем натянул очки на переносицу и сказал:

- Да, конечно, передам... - и тут же перевел тему. – Значит, вы находитесь в Омбре 2018 года. Как вы могли заметить, обстановка здесь печальная и совсем не спокойная.

- Что здесь происходит? – спросила ровно Сора.

- Гражданская война между двумя крупными промышленными регионами Кастры, - объяснил О'Хара. – В 2018 году конфликт перешагнул свой экватор, однако потери большие. Военные действия идут чуть ли не в самих городах. Похоронки приходят каждую неделю. Жители живут в страхе и просто молятся, чтобы горе обошло их стороной. Бабет Холлоу одна из них. Она психиатр и сейчас как никогда востребована. Работает в медицинском центре Брокенхейвен – одном из крупнейших в Омбре. Найдите ее и понаблюдайте за ней. Трагедия миссис Холлоу должна быть связана с ее мужем – Эрнстом Холлоу. Отключаюсь.

В экране часов показались помехи, и затем голос Джеймса затих, а лицо пропало. Вновь нарисовался циферблат. Время шло к обеду.

- Что ж, пора начинать поиски, - подытожила спокойно Сора, но в одно мгновение тень тревоги промелькнула на ее лице, и она спросила: - Ты как, Эдвин? Можешь идти?

Голова больше не кружилась, глаза смогли сфокусироваться, а язык не заплетался. После разговора с Джеймсом полностью отошел от обморока и коматозного состояния после стычки со Странниками в космосе.

- Да, конечно, - ответил я уверенно, и только тогда вспомнил о своем внешнем виде. – Как я выгляжу? Под стать эпохе?

В отличие от одежды Соры, мой костюм почти никогда не менялся. В этот раз форма хроны обрела облик брючного костюма болотного цвета с широкими штанами, бордовым галстуком и кепкой с козырьком. Опять же, только золотые карманные часы и сумка на плече напоминали о принадлежности к хронам.

- Я думаю, от здешних жителей не отличить, - Сора подняла уголки губ и показала палец вверх – делала она так нечасто, и это означало полную идеальность образа.

- Отлично, - кивнул я и обернулся в сторону города. Кажется, выстрелы немного поутихли, и это означало, что можно было направиться на поиски Бабет Холлоу, - тогда пошли.

Омбра совсем отличалась от Аллегро, даже размерами. Этот город входил в состав действительного большого региона Кастры и считался больше, чем провинция. Но если Аллегро жил по правилам мегаполиса, то Омбра наоборот напоминала какой-то загадочный, тихий и темный городок на окраине земли за холмами. Не принимая во внимание военную обстановку, я четко видел и чувствовал, что атмосфера здесь была совсем иная, да и люди тоже отличались.

Повсюду в домах преобладала синяя и серая гамма, их иногда окутывал туман, то ли спустившийся с холмов, то ли шедший от разбившихся дронов. Солнца в Омбре практически не было, фонари играли его роль, светя постоянно. Однако здесь пролегалa река, и повсюду плыли лодки и катера. Было много набережных и парков, украшенных арками с лепниной и статуями. Городок соединялся маленькими мостами, ведущими на тихие улочки с напуганными, отчужденными и закутанными в пальто людьми. Питейные заведения отсутствовали, кабаре давно закрылись, дверные ручки этих театров покрылись пылью. В Омбре преобладало количество простых магазинов и маленьких кофеен. Отдаленные звуки выстрелов служили пугающей трелью вместо пения птиц и гула машин.

Прохожие казались большим комком тревоги, они постоянно крались близь домов и были не разговорчивы. Но все же с парочкой горожан нам удалось поговорить, и мы узнали, где же находился медицинский центр Брокенхейвен, а затем ринулись туда немедленно.

Нужная больница находилась на другом конце города среди холмов и проходящей вдоль аллеи. Это было огромное здание из белого кирпича, с обилием окон, коридоров и крыльев. Перед входом шла ровная мощеная дорога из серого камня, и посетителей встречали белые скульптуры различных божественных существ вместе с изысканно подстриженными кустами. Судя по всему, медицинский центр был частным, ибо, к примеру, обычные больницы огромного города Дель-Темпо выглядели попроще. По крайней мере не напоминали поместье какого-нибудь знатного богача.

Внутри все выглядело также утонченно и изысканно: мраморные полы, каменные атланты и безупречно белые стены. Меж двух округлых лестниц находилась регистратура, принимавшая посетителей и пациентов. Нам пришлось прождать своей очереди по меньшей мере полчаса – центр ломился от различных больных.

Но в конце концов нам удалось увидеть усталое лицо женщины в очках, смотревшей на меня и Сору снизу вверх.

- Нам нужна доктор Холлоу, - «Бета» облокотилась о стойку регистрации, - Бабет Холлоу.

- А вы, собственно, кто? – спросил слегка нагловатый голос женщины. – Сейчас доктор Холлоу принимает только пациентов или посетителей повышенной важности. Вы кто-то из них?

Сора прикусила губу и опустила голову, стараясь скрыть замешательство. Я же, недолго думая и не щадя себя, подошел ближе к стойке м, сняв кепку, сказал:

- Я жалуюсь на голоса в голове и визуальные галлюцинации. Думаю, что во всей Омбре мне поможет только доктор Холлоу...

Сора чуть приоткрыла глаза, еле видно опешив, а женщину, видимо, ответ устроил.

- Тогда я дам вам талон на три часа, - регистраторша облизнула палец, ища среди бумажек и талонов нужный нам. В этой эпохе все еще преобладали бумажные носители. – Но, скорее всего, придется еще подождать.

А нам уже было и не важно, сколько еще придется просидеть в очереди. Законный пропуск к БабетХоллоу был у меня в руке.

И действительно, хоть талон и указывал на время приема в три часа, в заветный кабинет попали мы с Сорой ближе к четырем. Пациентов и впрямь было много, и всех беспокоили душевные недуги. Благо, больные приняли меня за своего и не косились с подозрением, норовя задать лишние вопросы. Оказывается, серый понурый вид и затуманенный взгляд являлись моим преимуществом.

В приемном кабинете миссис Бабет Холлоу, в отличие от коридоров медицинского центра, преобладали теплые цвета. Коричневая мебель, небесно-голубые обои и различные плакаты, призывающие к душевному спокойствию. Однако в воздухе витала слегка тревожная атмосфера, запах болезни и переживаний окутал буквально каждый уголок. Большую часть кабинета занимал огромный шкаф с досье пациентов, и разделены они были на «стабильных», «опасных» и «особо опасных». Жутко.

Знакомая женская фигура сидела за столом с накинутым на плечи халатом поверх красивой шелковой фиолетовой рубашки. Черные волосы были длиннее и очерчивали умиротворенное румяное лицо с маленькой улыбочкой. БабетХоллоу, попивая кофе, что-то записывала в блокнот в окружении пары медсестер.

Я продолжал играть роль больного, и Сора, поддерживая игру, невозмутимо помогла мне сесть за пациентское кресло. Затем «Бета» кашлянула, и Бабет отвлеклась от заметок.

- Добрый день, - голос Холлоу отливал не глубокой скорбью, а уютным врачебным спокойствием. – Извиняюсь за свою невовлеченность, дописывала курс лечения для одного пациента. Теперь перейдем к вам. Ваше имя?

- Эдвин, - устроившись поудобнее в кресле, чуть ли не промычал я. Сора же села рядом, сложив руки на коленях.

- Эдвин... замечательно, - Бабет открыла новую страницу блокнота и, судя по всему, вписала мое имя. Потом спросила буднично: - На что жалуетесь?

- Слышу голоса прошлого в голове... - прикусив губу, начал перечислять я симптомы с большой искренностью, - иногда вижу галлюцинации... Иногда не могу контролировать свои

эмоции... - на этой жалобе решил остановиться, вспоминая полугодовые осмотры у Бабет Холлоу как члена Временного комитета. Странная ностальгия окутала тело.

Все это время Бабет увлеченно черкала что-то в блокноте, видимо, фиксируя мои симптомы. Сора слегка напряженно поглядывала на нее, а я лишь потирал вспотевшие ладони. В конце концов разговор как-то нужно было увести в сторону мужа миссис Холлоу.

- Значит, говорите, не можете удержать эмоции в узде... - Бабет чуть прикусила кончик ручки, смотря на меня с не скрываемым любопытством. – Знаете, вам очень повезло. Чтобы проверить ваше эмоциональное состояние и в то же время потихоньку начать курс лечения, я проведу небольшой тест... Я недавно разработала его и получила поощрение от докторского состава. Суть теста в том, что я буду задавать вам различные вопросы, а вы должны будете независимо от содержания вопроса повторять одну и ту же фразу, которую придумаете. Готовы?

Град мурашек прошелся по спине, сердце заколотилось с бешеной скоростью от столь знакомого теста. Сора тоже вздрогнула, а я мельком взглянул на нее, прочитав в глазах мысль: «Это зарождение «Эмоционального теста»». Да... Кажется, я попал на первое испытание легендарного страшного теста для хрон, который, как выяснилось, изначально и не был создан для нас вовсе... Однако ж, как бывалый хрон первого класса, я был на все готов.

- Да, конечно.

- Отлично. Ваша контрольная фраза?

Я решил по классике.

- Время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

- Принято, начнем... - Холлоу снова перелистнула страницы, найдя список вопросов. Кажется, она сама немного волновалась, впервые пробуя проводить «Эмоциональный тест». Затем, наконец, начала: - Вы когда-нибудь чувствовали себя одиноко, время искать, и время терять?

- Время искать, и время терять, - невозмутимо принялся отвечать я, вспоминая хищный прожектор машины и белые стены тестовой комнаты.

- Вам бы хотелось подержать на руках собственного ребенка, время сберегать, и время бросать?

- Время сберегать, и время бросать, - я смотрел прямо в глаза Бабет Холлоу, тая в себе мысль о том, что беседовать с живым человеком было приятней, чем с машиной.

- Вы хотели бы избить вашего обидчика, время раздирать, и время сшивать?

- Время раздирать, и время сшивать.

Миссис Холлоу спросила еще несколько вопросов, на которые моя реакция оказалась успешной. Все закончилось тем же, чем и в Лагере Хроноса:

- Повторите, пожалуйста, три раза слово время в одной и той же интонации.

- Время, время, время, - спокойно проговорил я и затем выдохнул.

Бабет выдохнула вслед за мной, убедившись в правильности своих исследований. Она подытожила:

- Что ж, ваши показатели стабильны. Есть отклонения в виде частого дыхания и дергания некоторых лицевых мышц, но это может быть следствием стресса, а не болезни, как и голоса с галлюцинациями. Все зависит от вашего эмоционального состояния и, конечно, обстановки за окном.

Поняв, что разговор клонится к завершению, я решил задать наводящий вопрос:

- А как вам удастся быть настолько спокойной в столь напряженное время?

Бабет вновь издала глубокий вздох и с особым трепетом взглянула на рамку с фотографией. На ней была изображена сама женщина и темноволосый усатый мужчина в очках. Они держались за руки и нежно смотрели друг на друга, а два обручальных кольца на пальцах только дополняли идиллию фотографии. Кажется, это и был муж Бабет.

- Так завещал мой муж перед тем, как... уйти на эту войну, - миссис Холлоу сглотнула. – Его зовут Эрнст, и он был заведующим хирургическим отделением в этом медицинском центре. Он ушел добровольцем в качестве врача и по сей день спасает жизни многих солдат. Его добрый характер, его жажда помогать людям, его подвиг заставляет меня проживать каждый день с надеждой на лучшее. Уверена, за старания милого Эрнста Бог спасет его жизнь от пуль. И, к тому же... Он должен скоро вернуться на непродолжительный отпуск. Я очень жду этого момента.

Медсестры, слушая Бабет, покрывались мурашками и старались скрыть слезы. Всем было тяжело, и Холлоу в том числе, но она продолжала проживать каждый день, ждать и безмерно любить своего мужа. Меня это тронуло.

Рассматривая фотографию, Сора поинтересовалась:

- А как вы познакомились?

- Ох, это долгая история, - миссис Холлоухихикнула, убирая блокнот.

- Вкратце, - умолила Сора, - все равно пациентов сегодня больше не будет. Я и мой партнер последние.

В этот раз Бабет не смогла удержаться от пребывания в воспоминаниях. Взяв рамку в руки, она сказала:

- Ну... все довольно обычно, но для меня это особенная история. Мы познакомились с медицинском университете, когда нас объединили для совместной курсовой работы по теме проблемы старения человека. Он смотрел на все это, само собой, с хирургической точки зрения, а я с душевной. Мы много спорили, и в течение этих споров мы начали узнавать друг друга лучше. Дискуссии переросли в милые беседы, а локация его комнаты в общежитии сменилась

парками и кафе. Так как-то... И завертелось. С успешной сдачей работы мы приобрели друг друга. Я очень дорожу Эрнстом. Он добрый, смелый, горит своим делом. На его столе не умер еще ни один пациент!.. Ах, как же я по нему скучаю...

Закончив рассказ, миссис Холлоу прижала рамку к груди и пару раз сморгнула подступившие слезы. Сора затаила дыхание, а я прикусил внутреннюю сторону щеки, чувствуя сентиментальность момента.

Затем Бабет отвлеклась от тоски и наконец произнесла:

- Приходите через пару недель, - она обращалась ко мне, уже протягивая бланк с рецептом лекарств. – Попейте данные препараты и понаблюдайте за своим состоянием, а потом вновь приходите ко мне. Если жалобы не прекратятся, то будем с этим что-то придумывать... А пока...

Холлоу прервала регистраторша, вбежавшая в кабинет вся напуганная и вспотевшая. Она запыхалась и почти не могла говорить, а ноги почти не держали. Облокотившись о дверной косяк, женщина загробным тоном промолвила:

- Миссис Холлоу... Почта...

Сглотнув, Бабет встала. Медсестры тут же тихо заохали и заахали. В воздухе повисло удушающее напряжение и... приближающийся запах смерти и трагедии. Придвинувшись ко мне, Сора шепотом произнесла:

- Кажется, сейчас снова начнет созреть почва для Хроноса.

- Ее муж... - одними губами сказал я, - похоже, он... Ох, мне жаль.

Миссис Холлоу уже не слышала вздохов и наших шепотков. Бросив все, она быстрым шагом направилась в сторону регистратуры. Мы же последовали за ней.

На первом этаже скопились взволнованные врачи. Кто-то уже держал печальные письма и всхлипывал, а кто-то мрачно наблюдал за оставшейся стопкой свежих горестных вестей.

Когда Бабет спустилась в холл, один из коллег смирил ее скорбным взглядом.

- Мы потеряли мисс Бернадет и мистера Спенсера, - огласил он имена погибших. – Кроме того, среди писем есть одно на ваше имя.

Руки Холлоу задрожали, а к глазам прилипли слезы, которые пока она еще не решалась выплакать. Бабет подошла к столу и начала искать среди писем нужное, написанное на ее имя. В конце концов оно нашлось, и Холлоу вынула его из конверта.

Написанный там текст был коротким. Это оказалось извещение, в котором говорилось о гибели Эрнста Холлоу. Причина и дата. Все.

Бабет не разрыдалась от горя, как я сначала подумал. Прижав письмо к себе, она спустилась по стенке на пол и принялась смотреть в пустоту. Все ее тело в один миг побелело и иссохло. Глаза потухли, уголки губ опустились. Эта миссис Холлоу стала напоминать ту Хол-

лоу, которая жила в нашей реальности. Умершая внутри от горя, покрытая с ног до головы глубокой скорбью, молчаливая и поникшая.

Врачи молчали и смотрели то на Бабет, то друг на друга. Смертельная тоска окутала стены больницы и каждого сотрудника. Тишина давила на виски, даже всхлипов уже не было слышно. Все просто безмолвно скорбели о больших утратах. Я снял кепку, а Сора опустила голову.

Оставалось лишь дожидаться появления Хроноса.

Через пару дней несколько тел было доставлено в Омбру. Все это время мы скрытно наблюдали за Бабет, не проронившей и слезинки. В конечном итоге среди погибших она опознала своего мужа. Тело все было закрыто черной плотной простыней, и только лицо могли видеть мы и сама Холлоу. Оно было белым, но спокойным, даже умиротворенным. Разложение еще не испортило Эрнста, и поэтому он выглядел так, словно просто заснул и вскоре должен был проснуться. Однако чуда, конечно же, не произошло.

В короткие сроки миссис Холлоу организовала похороны мужа. Она потратила все его накопленные сбережения и часть своих денег.

Без сомнений, Бабет сделала все достойно. Церемония прощания проходила в большом зале, Эрнст покоился в дорогом гробу, и попрощаться с ним пришлось много людей – врачи и бывшие пациенты. Все было так... грустно и мрачно, но при этом трогательно. Смотря на прощание с мистером Холлоу, я невольно задумывался о матери, силуэт которой видел лишь в воспоминаниях.

Интересно, какая она была? Пылкая и яркая или же спокойная и тихая? Чем она жила и кем работала? Как познакомилась с моим отцом? И...

Отчего умерла? Ее смерть была быстрой или медленной?... Я... плакал, узнав о ее кончине? Наверное, да... Это же мама... Самое дорогое, что есть у обычного человека. И что... когда-то было у меня, но я забыл. Становилось больно от этого внутри, и комок слез подбирался к горлу все стремительней.

Мы с Сорой прошли вместе с Бабет путь аж до кладбища. Когда гроб начали опускать в землю, миссис Холлоу уже не смогла сдержаться. Она села на колени, закрыла лицо руками... и горько заплакала. Шумно, навзрыд, невероятно искренне и пронзительно. Плач Бабет разрывал изнутри, пробуждал все самые сокровенные и запрятанные глубоко чувства. От ее рыданий тело дрожало и словно распадалось на тысячи осколков, мелких и вымученных.

Многие тоже поддались скорбному порыву Холлоу и так же расплакались. Мой комок грусти начал пробиваться наружу, и из глаз потекли тонкими струйками слезы. Я ни искривлялся, ни бился в горестной агонии, а только стоял со скрещенными руками на груди и давал скупым слезам скатиться на могильную землю кладбища, насквозь пропитанную солеными каплями.

Сора же старалась не смотреть на убитую горем Бабет и глядела по сторонам, сжимая мою руку то ли в знак опаски, то ли в знак поддержки. Иногда подруга была для меня загадкой, ее эмоции казались многозначительными и в то же время будто не выражали ничего. Она точно не понимала, как выразить свои чувства, однако я был уверен, что сказать ей хотелось много всего, и просто смиренно ждал, когда же «Бета» произнесет несколько словечек, напол-

ненных смыслом и эмоциональной составляющей. Но в любом случае ее молчание и теплая рука с длинными пальцами помогали сейчас справиться с собой и темными мыслями, лезущими из глубин мозга. За это я и любил Сору. За томную загадочность, ценные слова и важное молчание.

Вскоре гроб с телом Эрнста Холлоу исчез в земле, и люди начали потихоньку расходиться. Кто-то просто спешил домой, кто-то пожелал остаться на поминки и двинулся в сторону автомобилей. Бабет прекратила плакать и поднялась с колен. Лицо ее было красным и распухшим от слез, и в то же время оно потеряло все жизненные краски. Изредка шмыгая, Холлоу смотрела на расходящихся гробовщиков с лопатами, уже буднично закуривших. Для них это была просто работа, а для Бабет, по сути, конец счастливой жизни... Вместе с Эрнстом в могилу ушла вся жизненная энергия миссис Холлоу, вся ее надежда и вера в лучшее. Все распалось и утонуло в небытие.

В один момент к замершей на месте Бабет подошел мужчина зрелого возраста, одетый во все черное. Даже зонтик у него был под цвет тьмы и скорби, и он возвысил его над Холлоу. Стали видны детали лица - белые волосы, очки, за которыми проглядывалось фиолетовое свечение второго глаза... И, конечно, с небольшим запозданием в нагрудном кармане раздалось тиканье часов, затем отдавшееся эхом в ушах. Это был, несомненно, Альфред Хронос, явившийся Бабет уже в зрелом возрасте.

Холлоу внезапно отмерла, а все кругом остановилось. Дождь замедлился, ветер прекратил дуть, деревья более не шевелились, а дым, исходящий от гробовщиков, застыл в воздухе. Бабет не поняла, что произошло и кто тот таинственный незнакомец, укрывший ее от дождя, и подняла голову в изумлении.

— Простудитесь же под дождем, мадам, — произнес бархатным голосом Хронос. — Хотите за своим мужем уйти?

— Простите, вы кто? — охрипшим от рыданий голосом поинтересовалась Холлоу.

Чуть улыбнувшись, ученый ответил:

— Я Альфред Хронос. Управленец временем. Единственный в своем роде, — затем уже по обыкновению достал визитку и легонько просунул между пальцами Холлоу.

Сора тихо хмыкнула.

— Интересно, что в этот раз он предложит.

— Не знаю... — я сглотнул, с тревогой оглядывая силуэт Бабет.

В отличие от Айзека, она не запротестовала и не расценила представление Альфреда с явным подозрением. Полностью поглощенная горем и от того утратившая холодный рассудок, она с интересом принялась рассматривать прямоугольную визитку в черным и зеленых тонах с нарисованным силуэтом Хроноса и часами.

— Я так понимаю, умер ваш муж, — продолжая держать зонтик над Холлоу, Альфред неспешно закурил. — Это печально. Соболезную вашей утрате.

— Я... да... — замороженная информацией на визитке, закивала Бабет.

— Однако ж я могу помочь вам вернуть эту утрату, — Хронос тихо усмехнулся, и я увидел, как холодные бледные ладони Холлоу задрожали.

— Вернуть... Как?... — ее влажные глаза расширились, а капли дождя, стекающие медленно с зонта, начали настойчиво капать на напряженные костяшки пальцев.

Хронос был терпелив и обходителен.

— Вы ведь видите информацию на визитке. Она гласит о том, что я могу помочь вам повернуть время вспять, не дав вашему мужу умереть. Точнее... я только посредник, а вы сама можете управлять временем благодаря возможности, которой я могу вас одарить за небольшую... услугу.

Бабет была ошарашена, но совершенно не сопротивлялась шепоту Альфреда. Она только кусала губу и мяла промокшую визитку, видно, пребывая в глубоких думах.

— Что я должна сделать?

Хронос выдохнул серый дым.

— Прошу вас стать моей помощницей в создании нового временного континуума. Будете помогать мне в психологической части исследования. Взамен я дам вам устройство, которое вживится в ваше тело, и вы сможете вернуть мужа.

Бабет охнула.

— Только это?... А деньги? Они вам нужны?

— Деньги не смогут окупить ваш вклад в создание нового континуума, — заверил Хронос и достал светящуюся небесно-голубым сферу. Это был хронопультатор. — Вы поможете мне, миссис Холлоу?

Увидев сферу, Бабет потеряла дар речи. Она, кажется, не верила тому, что шанс вернуть Эрнста оказался так близко. И всего лишь за небольшую услугу в виде помощи в невинном исследовании, как ей наверняка чудилось. Выбор для Холлоу был очевиден. Она не собиралась мириться со смертью мужа, когда явился человек, способный изменить ее и его судьбу.

— Я... Хорошо, я согласна, — Бабет вздохнула и протянула руку к хронопультатору, такому манящему и искрящемуся, обладающему большой силой управления временем.

Лицо Хроноса украсила лукавая самодовольная ухмылка, полная ликования. Он потушил сигарету и прислонил сферу к груди Холлоу.

— Это очень хорошо, — сказал Хронос и начал медленно вживлять пультатор в грузную клетку Бабет, — я рад, что вы сделали правильный выбор, миссис Холлоу.

Иголка боли уколола ее, и Бабет зажмурилась и попятилась, сжимая ладони в кулаки. Сфера начала яро пульсировать в теле Холлоу, глубоко и бесследно закрепляясь внутри. Она тихо хмыкала, а Хронос с упоением наблюдал за вторым хронопультатором, который будет возвращать в Бабет его разрушительную силу.

В конце концов хронопультатор исчез в теле Холлоу, и она слегка потрясла головой, отходя от боли. Дождь прекратил лить, Хронос убрал зонт, опустил его на землю и довольно произнёс:

— Что ж, миссис Холлоу, теперь вы вольны делать все, что угодно.

Глава 11

Глава 11. «Только бы остался жив...»

Бабет в моменте поменялась. Скорбь еще оседала в ее глазах, но женщина стала несколько нервной и резкой. На лице отразилось что-то вроде надежды... Опасной и рискованной слепой надежды. Холлоу покусала губы, пару раз встряхнула головой и переспросила, смотря на Хроноса:

- Все, что угодно?

Альфред развел руками.

- Абсолютно все. Время теперь в вашей власти.

Жизнь вернулась на круги своя, все отошло от неестественного замедления. Вновь полетели птицы и заходили хмурые люди, а Эрнст уже упокоился в земле. Но атмосфера скорых временных изменений царил в воздухе, смешавшись с запахом сигарет и чужого тихого горя. Бабет, очевидно, не собиралась оставлять его там. Получив хронопультатор, она в корне поменялась, как и Айзек в своем прошлом. Только Баркли стал агрессивным и мерзким, а Холлоу утратила спокойствие и мудрость. Она что-то задумала, и это было видно.

- Я... хорошо, - вновь промямлила Бабет и даже мило улыбнулась Хроносу. – Спасибо вам, господин Хронос.

- Встретимся во Временном комитете, миссис Холлоу, - Альфред с ухмылкой победителя кивнул и исчез.

Бабет тут же ринулась куда-то за памятники, и мы скрытно последовали за ней. В отдаленном уголке Холлоу, так же как и Айзек, на уровне изменившегося подсознания начала отсчитывать время на тот момент, когда Эрнст, предположительно, был еще жив. Ее силуэт через несколько мгновений испарился в голубой дымке. Я и Сора без разговоров отсчитали такое же время на часах и последовали в прошлую неделю, туда, где нас еще даже не было в Омбре.

Спустя пару секунд мы приземлились... явно не в медицинском центре. В здании не было голубых стен и кашляющих пациентов в белых сорочках, да и за окном представлялся совершенно другой вид, в котором не было ни аллеи, ни белых статуй. Помещение, окружающее нас, походило по своему интерьеру на кабинет Бабет в больнице, однако тут было намного уютней, да и присутствовало обилие фотографий Холлоу с ее мужем. Все это говорило о том, что...

- Это ее дом, - прошептала Сора, выходя из-за дивана, за которым мы удачно оказались.

- Судя по всему, гостиная, - попыток я так же тихо.

- Угу, - Сора шла мелкими шажками и прислушивалась буквально к каждому шороху, - но Холлоу тут нет. Где она?..

На втором этаже послышалась возня и приглушенные знакомые вздохи. Кажется, Бабет была в своей комнате наверху и, видимо, воротила какие-то бумаги и книги.

Сора повернулась ко мне и приставила палец к губам.

- Будь тише. Она не должна знать, что мы чудесным образом оказались в ее доме.

- Само собой, - я кивнул и посеменил вслед за крадущейся «Бетой».

Остерегаясь предательских скрипов, мы поднялись на второй этаж и стали тихонько выглядывать местоположение Бабет, ориентируясь на звуки рвущихся бумажек и... мела с зажиганием свечей?.. Я ничего не понимал.

В конце концов мы нашли рабочую комнату Холлоу, в которой она и находилась. Я и Сора ступали, придвинувшись к удачно открывшейся щелке. Через нее очень хорошо было видно, какие странности творила нервная и истеричная Бабет.

Она сгребла все с большого стола и оставила на нем пустоту с рисунком белой пентаграммы посередине. Постепенно Холлоу раскладывала карты со странными магическими изображениями и зажигала восковые свечи, полегоньку ставя по разным краям начерченной пентаграммы. Листая одновременно несколько книжек и просматривая пугающие картинки с вытянутыми силуэтами, Бабет бубнила несвойственные ей безумства:

- Я никак не могу спасти тебя своими силами, мой милый Эрнст... Меня просто не пустят в зону военных действий... Однако ж я всегда знала, что мое увлечение спиритизмом когда-нибудь пригодится. Что ж, этот момент наступил! И все ради тебя, любимый... Я рискую всем ради тебя! Надеюсь, ты это понимаешь.

Я вообще не догонял, что хотела сделать откровенно сошедшая с ума Бабет. О ее увлечении спиритизмом никто и никогда не знал, всем было известно лишь о ее психологических исследованиях и загадочном непроходящем состоянии скорби. Обычно у Холлоу на все была рациональная и медицинская точка зрения. Да, она была глубоко чувственной и понимающей, проницательной... Бабет практиковала и различные духовные терапии, но это и казалось логичным – она ведь психиатр... Но чтобы сейчас всерьез рисовать пентаграммы и искать заклинания в старых пыльных книгах... Это было что-то новенькое. С колдовством ни я, ни Сора никогда не сталкивались.

Небо за окном снова сгущалось, ходили почти черные грозовые облака. Вдалеке сверкали молнии, а ливень вновь стремился начаться с новой, более яростной силой. К этому моменту Бабет полностью закончила свою ведьмовскую композицию: разложила все карты и зажгла каждую имевшуюся свечу. В центр пентаграммы Холлоу поставила зачем-то микроскоп. Я предположил, что это была любимая вещь Эрнста, которая, наверное, могла помочь в ритуале... Совсем не разбирался в этом, что уж говорить... В отличие от Бабет.

Поставив микроскоп, Холлоу взяла одну из старых книг, в которой дряхлой закладкой была отмечена одна интересная страница... На ней изображались духи, какие-то сферы и маленькие часики, а на соседней страничке был уже написан текст, имевший стихотворную форму. Судя по всему, это представляло собой некое заклинание. Взяв одну из свеч в руки, Бабет бросила короткий взгляд на окно... Там удачно промелькнула очередная молния, а затем послышался далекий, но угрожающий гром. Это будто послужило знаком для Холлоу, и она уткнулась в книгу, начав что-то бормотать... Сначала тихо, даже робко, а потом все настойчивей и пронзительней:

*- В мраке ночи, в тени стихий,
Я вызываю духов и тёмные силы,
Пусть эти силы, злоеущий поток,
Пронзят судьбу, разрушат врагов!*

Пока Бабет читала заклинание и выполняла ритуал, погода стремительно менялась. Назревал не то что ливень – сильнейший шторм накатывал с холмов, словно грозился разрушить город. Деревья бились в своеобразной агонии, чуть ли не ломаясь, а капли дождя точно проделывали дыры в крышах. Начали появляться странные фиолетовые воронки, из которых виднелись темные силуэты. Мне это совсем не нравилось.

*- Объединяю я тьму и духов,
Ключом и силой в моих руках,
Верни мне того, кого смерть уносит,
Пусть он вернется, убивая страх!*

Мелкое полыхание свечей превратилось в самое настоящее пламя. У огня сменился цвет – он стал темно-синим, почти черным. Свеча в руке Бабет тоже поменяла цвет, и она... подожгла микроскоп. Он тут же загорелся, язычки пламени напоминали страдальческие лица и злобные морды. А за окном действительно разыгрался не на шутку самый настоящий ураган. Из фиолетовых воронок повыводили темные фигуры в туманных мантиях. Послыша-

лись крики, смешавшиеся с гулом ветра. Началась паника, нарастающая с падением деревьев и домов. Поднялся яростный шум, разрывающий барабанные перепонки. В Омбре словно начался конец света...

Но Бабет, явно не понимающая последствий своих поспешных решений, смотрела на происходящее с нескрываемым интересом и даже светлой надеждой, несмотря на весь хаос. Она будто ждала чуда, готовившегося вот-вот спуститься с небес... Однако небесами в Омбре уже и не пахло. Город начинал рушиться.

- Какого черта она натворила... - прошептала Сора перед тем, как раздался громкий хлопающий звук и Омбра погрузилась во тьму.

Мы точно потеряли сознание на пару секунд, ибо эти мгновения царила абсолютная мгла кругом, не было слышно уже ни звука... Все как будто бы исчезло, перезагрузилось и появилось вновь. Только в совсем другом свете...

Открыв глаза и проморгавшись, я увидел, что дверь в кабинет Бабет была открыта, он оказался пуст. Свечи потухли, пентаграмма смазалась, но микроскоп спокойно стоял на месте, будто и не горел вовсе. Теперь копошение и вздохи доносились снизу.

Тоже отошедшая от мелкого помутнения сознания, Сора встала и отряхнулась.

- Чертовщина какая-то, - произнесла сквозь зубы она, доставая катану. – Эдвин, нужно выяснить, что произошло. Я не понимаю действий этой Холлоу.

- Кажется, она совершила какой-то магический ритуал, и он явно недобрый, - я потер затылок и потянулся, пытаясь взглянуть в окно в коридоре. Там была пустота и гора дорожной поднявшейся пыли.

- Очевидно, если в ней хронопультатор, - Сора вновь принялась идти крадущейся походкой на первый этаж.

Когда спустились, то тут же спрятались за шкаф. В прихожей была маячащая туда-сюда Бабет. Она без конца смотрела в окна и одновременно натягивала пальто и сапоги. Холлоу явно хотела выйти на улицу и посмотреть результаты своей темной, противоречащей всякой науке и здравому смыслу работы. Но было ли снаружи безопасно? Этого никто из нас не знал, однако Бабет не останавливала опасность. Она думала лишь о встрече с мужем, которого спасла от гибели с помощью темных сил. Спасла ли?.. Так много вопросов от деяний некогда спокойного психиатра...

Пока Холлоу одевалась, за окном начали слышаться странные звуки: мычание, рычание, утробное улюлюканье и жалобные стоны, а также отдаленный хруст ломающихся костей. Принялись маячить подозрительные скривленные силуэты, напоминавшие очень плохо ходящих больных врачей и солдат. Обычных горожан больше не было видно вовсе. Жуткая атмосфера создавалась снаружи, однако Бабет это не остановило. Она собралась, завязала пальто и вышла на улицу. Нам не оставалось ничего больше, кроме как последовать за ней.

Зрелище, представшее перед глазами, было крайне мрачным, ужасным и печальным. Кажется, даже осмелевшая Бабет такого не ожидала, судя по стиснутым зубам и бегающим глазам. Омбра оказалась... разрушена. По ней будто ударили ядерной ракетой. Ничего не осталось от прошлого тихого, но оживленного городка – лишь удручающая разруха, высохшие деревья и копоть, застелившая весь асфальт. Все кругом казалось давно заброшенным, сгоревшим и поломанным. Были разбиты статуи, завалены переулки и аллеи. Жизни не осталось в этом городе, и только смутные туманные фигуры, будто призраки, разгуливали по уничтоженным улицам. Кажется, это они и были – уродливые, безглазые и все кривые, покрытые давно засохшей кровью. Монстры не атаквали, но угрюмо и опасно слонялись по Омбре. Я думал, что одно лишнее движение запросто могло их разозлить.

Бабет не верила своим глазам. Она приоткрыла рот и медленно, маленькими шажками шла по разрушенной пыльной улице, заваленной обломками и перевернутыми машинами. Постепенно легкое ошеломление сменялось настоящим шоком, и у Холлоу начинали трястись

руки, а лицо стремительно бледнело и покрывалось потом. Видно, Бабет немного отошла от безумия, нагнанного хронопультатором, и теперь не могла свыкнуться с тем, что вмиг разрушила Омбру ради возвращения Эрнста, которого еще, впрочем, и не было на горизонте. И не понадобилась никакая война... Достаточно было лишь одной скорбевшей измученной женщины.

- Не понимаю, - вдруг произнесла Сора, скрестив руки на груди и выдыхая, - разве не этого она хотела, совершая столь странный ритуал? В целом обращаясь за помощью к темным духам, как она их назвала?

Я прикусил губу, пребывая в таком же замешательстве, как и Сора.

- Думаю, она в целом не понимала смысла написанного, - попытался оправдать Холлоу. – Бабет, наверное, хотела, чтобы духи просто вернули ей мужа обратно. Без всяких разрушений.

Сора нахмурилась.

- Даже в заклинании было сказано про разрушение. Чего она ожидала?.. Господи, и как обычным кастровцам удалось подчинить себе магические способности? Без конкретных ампул они, кажется, вообще никакого смысла в силах не понимают.

- Сора, тут еще бери в расчет влияние хронопультатора, - я продолжал наблюдать за маячившей ошарашенной Бабет. – Он сделал ее просто безрассудной...

- Эй, смотри, там кто-то идет вдалеке.

Сора указала на один конкретный темный силуэт, шедший издалека по сгоревшей аллее. Он слегка прихрамывал, был одет в смоляные и белые грязные одежды, глаза его изредка заманчиво сверкали. Но это был не призрак, фигура явно обладала плотью, хоть и странной, в кое-каких местах и вовсе прозрачной. Холлоу будто услышала «Бету» и тоже обратила внимание на силуэт, движущийся прямо к ней. В конце концов Бабет задрожала всем телом, из очей полились слезы, а щеки быстро приобрели пунцовый цвет. Кусая губы и всхлипывая, Холлоу вдруг прокричала:

- Эрнст! – и бросилась к фигуре.

Вскоре силуэт вышел из дымки, и мы оторопели – это действительно был недавно погибший на фронте муж Бабет – Эрнст Холлоу. Он словно сошел с ее фотографий в рамках: чернявый, с густыми усами, в треснутых очках, за которыми скрывались большие мудрые глаза. Однако... с ним все же было что-то не то, и я пока не мог понять, что именно.

Бабет накинулась на Эрнста с объятиями, сжимая его настолько крепко, что аж на его шее надулись вены. Трогая мужа и за ребра, и за затылок, и за щеки, Холлоу плакала и посмеивалась от счастья, глядя Эрнсту прямо в глаза.

- Эрнсти... - чуть ли не шептала она сорвавшимся голосом, - ты вернулся... Я смогла тебя вернуть! Да, Омбра разрушена... я такого не ожидала, но... Мне все неважно, когда ты здесь, живой и передо мной!

- Да... - медленно проговорил Холлоу, - Омбра стала симпатичней...

Подойдя ближе к паре, я понял, что же все-таки было не так с Эрнстом. Он казался мертвецки бледным, кожа была стянута и покрыта маленькими волдырями. Мудрые глаза привиделись мне, в самом деле они были давно потухшими, с лопнувшими капиллярами и собравшимся в уголках гноем. Во рту проглядывались заостренные зубы, а на руках внезапно выросли когти и еще какие-то темно-фиолетовые наросты. Сердце упало в пятки, как до меня дошло осознание, что это, скорее всего, не был Эрнст Холлоу вовсе.

Бабет же отстранилась от мужа и слегка нахмурилась.

- Нет, дорогой, даже не пытайся меня оправдать... Я, конечно, совершила нечто ужасное...

- Но теперь мы можем остаться здесь вдвоем, *навек*. И никто нам не мешает. Никто-никто-никто. Правда прекрасно?

Голос Эрнста неестественно понизился, и уже Бабет поняла, что здесь было что-то не то. Она подняла глаза на мужа и принялась всматриваться... А затем охнула и отшатнулась в страхе.

- Ты... ты не Эрнст... - просипела Холлоу, - нет... ты кто-то другой.

Муж ее улыбнулся во все острые зубы.

- Что ты, дорогая... - он принялся, качаясь, идти в сторону Бабет. Тело Эрнста начало чернеть и покрываться вьющимися корнями и волдырями, рот широко раскрылся, становясь похожим на пасть, а руки превратились в большие лапы. – Я – это я. Просто ты захотела видеть меня таким... Обратилась к темным силам и взмолилась к разрушению... Духи лишь исполнили то, что ты хотела. Плевать на этот облик, зато я жив... Правда хорошо? Хорошохорошо-хорошо?

Напуганная до смерти, Бабет ринулась бежать, но Эрнст не дал ей этого сделать. Он заключил Холлоу в объятия мертвой хваткой и начал тереться склизким лицом о ее щеку.

- Наконец-то мы вместе, дорогая. Вместевместевместе.

Бабет точно сковали оковы, совершенно новые, не те, которые образовались при потере мужа. Это были цепи, навеки сковавшие Холлоу с монстром, лишь напоминавшим Эрнста. И именно это и стало непосильной ношей Бабет, связавшейся с темной магией и Хроносом.

Мы поняли, что на этом моменте трагичная линия Холлоу оборвалась и началась новая, сотканная уже хронопультатором. Вновь время замедлилось и затем вообще остановилось. Бабет так и замерла в хватке Эрнста, который так же остановился с монструозным озабоченным лицом. Живыми в этом временном отрезке остались только я и Сора. Нужно было думать о том, что делать дальше. Точнее раньше...

Наши часы опять перестали тикать, и в моем кармане вместо знакомого звука вновь зазвучал приглушенный голос Джеймса.

- Эдвин, Сора, прием. Вы уже закончили с линией миссис Холлоу?

Я достал часы и открыл крышку, наблюдая голлографический лик мистера О'Хары. Он выглядел сосредоточенно и желал как можно скорее узнать о нынешнем положении дел.

Сора подошла ко мне вплотную, заглядывая в часы.

- Да, мы закончили, - констатировала она. – Все... весьма печально. Хронопультатор превратил Бабет из мудрого психиатра в сумасшедшую ведьму, которая теперь связана с мутировавшим от магии мужем навеки.

- Понятно, - кивнул Джеймс, записывая данные в блокнот. Затем он спросил: - Есть идеи, как поменять ее судьбу?

Я прикусил губу, замешкавшись.

- Честно... я понятия не имею. Ситуация сложная и закрученная.

- С этим согласен, - Джеймс снял очки и потер переносицу, - как бы следующие судьбы других членов Комитета не оказались более запутанными...

Сора пару минут помолчала, хмурясь. Она осматривала развалины Омбры и две фигуры испорченных влюбленных, замерших в этих обломках прежней жизни. Потом подруга отошла с опущенной головой и запрятыми за спину руками. У меня для изменения судьбы Бабет совсем не было идей, а вот «Бета» старалась что-то придумать.

В конечном итоге подруга выдала такую мысль, что у меня ноги подкосились и по спине побежал рой мурашек.

- Я предлагаю отмотать время назад, узнать у Холлоу о месте службы Эрнста и направиться туда, предотвратив его смерть на поле боя или в тылу. Судя по положению в гробе, он был ранен куда-то ниже лица и груди. Значит, пулевое ранение или осколочное. Мы должны не дать этому случиться.

Джеймс резко вдохнул воздуха в легкие, не ожидавший такого плана. В моей груди же сразу затрепетал страх.

- Сора, это опасно... - голос слегка дрожал, - мы можем погибнуть...

- А что ты предлагаешь? – «Бета», к моему сожалению, была настроена решительно и серьезно. – Отмотать время и вызвать уже других духов? Это глупости. Мы хроны, мы можем предугадать атаку техники или выстрелы. Более того, если собрать всю свою мощь в кулак, мы можем замедлить время так же, как и Хронос. Да и к тому же мы имеем возможность отбиться – у нас есть силы, поглощенные из плазмидов. Другого варианта спасти Бабет и ее мужа я не вижу.

Внутри я понимал, что Сора была права. Мы могли делать все ею перечисленное, чтобы оставаться в живых в любых условиях и временных линиях. Однако тревожность все еще клочкотала под ложечкой, ибо мы с ней никогда не были в условиях войны, любой. Мы видели все это лишь издалека. Да, боролись сами уже со Странниками не раз, но это и не снаряды с дронами... Оказаться в такой гуще событий... Слыша отдаленные выстрелы, которые теперь напоминали мне схватку отца и Хроноса... Страшно. Но, похоже, стоило преодолеть себя и взглянуть страха в глаза.

- Я... ладно, давай попробуем, - в итоге промямлил я, вытирая вспотевшую ладонь о штаны. – А вы что скажете, мистер О'Хара?

Джеймс по привычке в который раз потер переносицу, показывая свою озадаченность. Однако ж, видимо, он не мог препятствовать.

- Другого выхода я тоже не вижу, - сказал О'Хара чуть осипшим голосом, - придется рисковать. Только не забывайте использовать свои силы, и тогда, думаю, все пройдет быстро и хорошо.

- Само собой, - кивнула Сора.

Мне оставалось только согласиться.

Мы отмотали время назад, но не на тот момент, когда мы недавно оказались в Омбре и начали искать Бабет, а на день раньше, чтобы успеть добраться до боевой линии и спасти Эрнста.

Оказавшись в медицинском центре «Брокенхейвен» вновь, я еще раз притворился больным пациентом с голосами в голове, а Сора моей спутницей. Нам снова выдали талон, и мы отправились на прием к пока еще спокойному и настоящему доктору Холлоу. Только в этот раз я допридумал нам с «Бетой» новые роли – мы притворились волонтерами, которые везут гуманитарную помощь в те участки, о которых просят граждане. Хороший ход, не правда ли? Мне всегда нравилось представлять кем бы я был, если не хроной, поэтому воображение в этом плане было богатым.

Прием прошел так же, как и в первый раз – Бабет провела «Эмоциональный тест» и задала пару вопросов, а затем успокоила по поводу голосов и выписала рецепт на лекарства. На этом моменте нужно было действовать.

- Ваш муж... - принимая бланк с рецептом, я с интересом указал на фотографию в рамке, - он сейчас задействован в этом конфликте?

- Ох, как вы узнали? – охнула удивленно Бабет. Она еще ничего не рассказывала об Эрнсте, однако мы знали все наперед.

- На фотографии у вас обручальные кольца, - пожала невозмутимо плечами Сора, констатируя очевидное.

- И... вы выглядите подавленно, как все жены, чьи мужья ушли на фронт, - добавил я аккурратно.

Как в первой линии, медсестры поникли, а Бабет начала прижимать рамку к груди.

- Да... сейчас он на войне, - промолвила с трепетом она и вновь рассказала историю о мистере Холлоу. Мы с Сорой молча и внимательно ее выслушали, делая вид, что узнали об этом в первый раз.

Потом я серьезно сказал, кладя свою руку рядом с ладонью Бабет:

- Миссис Холлоу, хочу сказать, что я и моя подруга – волонтеры, и мы возим все необходимое для мобилизованных и добровольцев – еду, одежду, лекарства... Мы могли бы навещать вашего мужа и передать ему то, что вы считаете нужным. Как вам такое предложение?

Глаза Бабет расширились и слегка заслезились. Маленькая улыбка украсила ее порумянившееся лицо. Холлоу явно обрадовалась нашей помощи и тут же замельтешила:

- Я... Ох, это прекрасно! Я была бы очень рада, если бы вы передали Эрнсту некоторые вещи... Сколько вы за это попросите???

- Нисколько, мэм, - расслабленно, с легким чувством некоего патриотизма ответила Сора. – Мы делаем это абсолютно бесплатно. Все ради того, чтобы приблизить окончание войны.

Бабет часто задышала. Восторг и надежда пленили ее разум.

- Нам лишь нужно узнать, где он сейчас, - мягко проговорил я. – Скажете?

Холлоу охотно рассказала о местонахождении Эрнста и даже написала на бумаге.

- Приходите завтра, я выдам вам все необходимое для моего мужа, - подытожила Бабет, полная радости. Мы лишь благодарно кивнули и удалились.

План пока шел хорошо.

Мы переночевали на вокзале – это оказалось самым безопасным и охраняемым местом. Спать на креслах было не впервой, так что я не жаловался.

Утром мы вновь посетили медицинский центр, где Бабет передала нам сумку с базовыми вещами – консервами, копченостями, бельем и бритвами, а также лекарствами и витаминами. Она несколько раз поблагодарила нас за помощь, и мы отправились на восток – под деревеньку между Омброй и Витрой – так назывался регион, который был братским, и с которым сражалась Омбра.

Под этой деревней-посредником обосновался батальон №1467, у которых, конечно же, имелось несколько врачей, в том числе и Эрнст. По словам Бабет, там он проводил некоторые хирургические операции и оказывал первую помощь. Пока мы предполагали, что мистера Холлоу могло что-то смертельно ранить именно тогда, когда он пытался помочь одному или даже нескольким солдатам. Что ж, это, пожалуй, было очевидно, однако большей ясности должно было придать наше предзнаменование хрон – выявление того момента, когда случится роковой поворот судьбы.

Я и Сора остановились прямо перед деревней. Дроны и боевые машины уже успели потрепать ее, и дороги черной копоти и пыли были повсюду, осевшие в следах автомобилей. Присутствовало несколько фронтовых казарм и самодельный медпункт в форме большой палатки с зеленым кривоватым крестом. Повсюду ходили уставшие солдаты и капитаны, иногда из пункта выглядывали врачи, чтобы перекурить. Кажется, они были заняты целыми днями, пытаясь спасти раненных. В воздухе пахло напряженно: порохом, кровью и похлебкой на куриной кости. Я чувствовал, как приближалась смерть к этой деревеньке.

- Нужно сконцентрироваться и понять, когда и как наступит трагический момент для Эрнста, - Сора сглотнула, сжимая в ладони свои часы, - потом уже отправимся на его поиски... Скорее всего он в медпункте.

Я молча кивнул и достал часы, смотря то на окровавленные и побитые войной виды, то на циферблат.

У хрон было много возможностей – мы могли не только управлять временем с помощью линий и менять его, заглядывая в события через тонкие невесомые ворсинки, но и видеть прошлое прямо через часы, не выходя в космос. Это называлось «мгновенным виденьем», в котором мы не управляли временем в полной мере, как в космическом пространстве, но

сразу могли видеть ключевые происшествия упомянутого отрезка прошлого. Данное умение помогало нам распознать целые эпохи и года Кастры, а также ее ключевых фигур.

Однако... часто мы не использовали «мгновенное виденье», потому что оно требовало достаточно много сил и концентрации. Те хроны, кто часто не получал «бонусы» в виде плазмидов, и вовсе не могли пользоваться этой возможностью. «Мгновенное виденье» поглощало слишком много энергии репликантов, поэтому сейчас мы с Сорой старались соединить свои силы, чтобы сразу увидеть прошлое с минимальными энергетическими потерями.

Я прикрыл глаза вслед за «Бетой» и напрягся, в уме отсчитывая время до смерти Эрнста и представляя в голове призрачный циферблат. Несколько минут перед глазами была лишь темнота, но в какой-то момент яркие картинки пронзили мозг.

Стрельба, дроны, Эрнст ползет с раненым по ручью... Затем беспилотное устройство падает и отнимает ему обе ноги... И случится это в 14:48 завтра, во время работы Бабет.

- У нас достаточно времени, - словно прочитав мои мысли, сказала Сора, резко отошедшая от временного транса.

Я тоже открыл глаза и выдохнул, расслабляясь.

- Да... но нужно действовать прямо сейчас, условия обстрелов могут задержать нас на ночь или даже на завтрашний день...

Сора согласилась.

- Ты прав. Нельзя терять времени. Пойдем.

В самодельный фронтальной медпункт был строгий пропускной контроль. Нас пропустили не сразу. Не смягчила досмотр даже фраза о том, что мы волонтеры и принесли вещи нуждающимся. Пришлось выложить из своих сумок абсолютно все, холодное оружие временно конфисковали. Ради Бабет нам даже пришлось умолять солдат оставить в сумке для Эрнста бритвы, так как они периодически выдавались. В конце концов целыми и невредимыми остались только вещи для мистера Холлоу, наши часы и истинный хронопультатор, спряятанный под сменной одеждой. Слава богу, в конечном итоге нас все же пропустили.

В этом медпункте была... достаточно печальная и гнетущая атмосфера. Отовсюду доносились приглушенные стоны боли, следы крови давно испачкали белую палатку. Звук пищущего пульсометра звенел в ушах, а от запаха лекарств и химических растворов гудела голова. В некоторых комнатах мы видели забинтованных солдат, чудом спасшихся... И мимо нас проезжали носилки с теми, кого уже не удалось вытащить с того света.

Мне было жутко. Честно, я еще никогда такого не видел. В Лагере Хроноса никто из нас не знал настоящей боли и смерти, никто никогда не слышал выстрелов и отчаянных криков. Мы жили в комфортных условиях вакуума, среди просторных залов лагеря и спальных комнат-капсул, с постоянным подобием заботы и внимания. В целом, у нас никогда не было настоящих забот. Работа с временными линиями казалось чем-то обыденным, даже пришествие Временного комитета раз в полгода не так волновало, как то, что я видел сейчас... Да, тестовая машина с приглушенным роботизированным голосом Бабет казалась убийцей, а изгнание из лагеря было подобно смерти. Однако ж сейчас я бы выбрал остаться на улице, чем... действительно умереть в муках от ранений и потери крови. Наше с Сорой путешествие по временным линиям членов комитета уже открывало мне глаза на многие вещи, на которые будучи в Лагере Хроноса я не обращал никакого внимания...

Внезапно из одной импровизированной палаты вышел мужчина. В отличие от всех остальных, выглядел он на удивление бодро и точно имел боевой настрой. У него были глубокие мудрые глаза, очки и усы. Это был Эрнст Холлоу.

- Он... - прошептала Сора, - это он...

Мистер Холлоу остановился у мусорного ведра, выкинул окровавленные перчатки, а затем буднично закурил. Следом из его палаты вывезли удачно прооперированного солдата, который уже успел очнуться от наркоза. Кажется, сегодня день у врача прошел успешно, и пока никто не умер на его операционном столе. Он и не знал, не предполагал, что умрет сам...

Мы с Сорой вместе бодрым шагом дошли до Эрнста, чтобы не упустить его. Пока продолжали притворяться волонтерами...

- Мистер Холлоу, - поприветствовал я врача скомканно, поднимая кепку, - здравствуйте. Меня зовут Эдвин, а это моя напарница – Сора. Мы волонтеры и разносим гуманитарную помощь и вещи, переданные от родственников.

Эрнст тихо охнул и тут же потушил сигарету. Поправив очки, он неспешно заговорил бархатным голосом:

- Добрый день, ребята. Вы очень смелые, раз добрались в это кровавое месиво. Для меня есть что-нибудь?

- Конечно, - сказала Сора, доставая сумку с вещами для него. – Только к вам мы и пришли. Это от миссис Бабет Холлоу.

Услышав имя супруги, Холлоу сразу потеплел и порозовел. Маленькая, полная любви улыбка заискрилась на его лице. Он словно тут же забыл о всех невзгодах и потерях и принялся думать лишь о жене.

- Ах, мурена души моей, - шутливо и мягко называя Бабет, Эрнст принял из рук Соры сумку и стал разглядывать ее содержимое. – Как хорошо, что она обо мне помнит... Она не писала мне уже целые сутки! Я, знаете ли, успел соскучиться. А тут целый набор вещей, собранный ее руками! Спасибо за то, что доставили в это гиблое место.

- Ваша жена очень любит и ждет вас, - приглушенно произнесла Сора.

- Я знаю, - кивнул мило Эрнст, - я тоже ее очень люблю.

- Она может сойти с ума без вас, если с вами вдруг что-то случится, - я прикусил губу, начиная подходить к сути нашего визита. – Не планируете ли вы приехать к ней?

- Скоро у меня отпуск, и я приеду к ней, - ответил Эрнст спокойно, - а там того гляди и конфликт закончится. Слышали, что намечаются переговоры? Наконец-то все поняли, что эта война не приносит никакой выгоды, а только разруху.

- Мистер Холлоу, дело в том, что вам нужно уехать в отпуск сейчас, - еще ближе начала подползать «Бета»

Холлоу изогнул бровь.

- Почему это?

- Мистер Холлоу, дело в том, что завтра вы умрете, - наконец отрезал я, слегка шурясь, стараясь не жмуриться от волнения.

Эрнст опешил.

- Что?.. Как это? Откуда вам это известно?

Сора решила говорить прямо, подобно Хроносу.

- Мы управленцы временем, прибыли из будущего. Нам стало известно, что завтра вы умрете, а ваша жена, пытаясь вернуть вас, сойдет с ума и разрушит Омбру с помощью темной магии. Вы должны уйти с нами в город, чтобы предотвратить свою смерть.

Мистер Холлоу покачал головой ошарашенно.

- Это... Бабет так сильно хочет меня видеть, что заставила вас все это сказать? – он несильно поверил в наши слова.

Сора посмотрела на него исподлобья и воспользовалась преимуществом хрон.

- Сейчас охранник позади меня чихнет, а затем почешет ухо.

Так и случилось. Благодаря «мгновенному видению» мы знали наперед целый день до и после смерти Эрнста.

Я решил поддержать «Бету».

- После этого медсестра уронит стакан со шприцами, споткнувшись.

Послышался грохот. Медсестра действительно уронила шприцы.

Эрнст сглотнул, в его глазах начал отражаться страх. В этот раз он полностью поверил нам и теперь боялся собственной скорой смерти. Холлоу уже не выглядел таким бодрым и веселым. Он посмотрел на нас напряженно:

- И что вы предлагаете? Отсюда меня просто так не выпустят без веской причины.

- Побег, - кратко произнесла Сора.

- Это нарушение закона.

- Скорее всего нас будут преследовать вражеские дроны. Мы сделаем так, чтобы вы выжили, но немного якобы поранились. Этого будет достаточно для того, чтобы вас больше не призвали сюда. Короче, мы все подстроим. Лучше рана, чем смерть, правда?

Эрнст сглотнул. Он понимал, что у него не было другого выбора. Жизнь была для него ценней всего, как и для любого существа.

- Хорошо, я согласен.

Мы решили полностью подстроить исчезновение Эрнста, сделать так, чтобы все казалось случайностью, а не намеренным действием. Все-таки заставить мистера Холлоу платить большой штраф или вообще садить в тюрьму не хотелось, поэтому пришлось фантазировать до конца.

К вечеру начались обходы и дежурство, и Эрнст был одним из тех, кто проявил желание пожертвовать своим сном ради слежения за обстановкой. Конечно, Холлоу сделал это намеренно, чтобы можно было сразу убежать с опасного места. В целом, он даже не взял никаких вещей, полностью имитируя повседневность и обычный обход. Когда суeta на улице поутихла, а самые грозные охранники и солдаты ушли на отбой, Эрнст вышел наружу и буднично закурил, а мы стояли около него, общаясь о Бабет. Дожидались полного спокойствия и тишины. В конечном итоге она наступила, и мы потихоньку начали уходить.

Пока шли, молчали. Вслушивались в каждый звук: как шуршала трава под ногами, как пели сверчки вдалеке, как доносились издали взрывы. Мы внимательно смотрели по сторонам: всматривались между деревьев, разглядывали ночные облака и отдаленные дома Омбры. В животе, правда, неприятно тянуло – это была тревога. В «мгновенном виденье» я и Сора видели, что побег не пройдет так легко.

Вскоре послышалось жужжание, напоминающее звук газонокосилки. Сначала оно было далеким, ненавязчивым, но постепенно приближалось, и холодок начал бежать по спине. Я сразу все понял и приготовился использовать свою силу по полной.

Сора посмотрела на Эрнста и сказала:

- Это дроны, как я и говорила. Нужно бежать.

Жужжание становилось множественным и будто уже было прямо над головой. Мистер Холлоу деликатно прошептал:

- Судя по всему, их очень много, - и мгновенно ускорился.

На свою беду, я ради любопытства решил обернуться. Земля тут же ушла из-под ног, а сердце заколотилось как бешеное. За нами летела действительно группа дронов. Красными лазерами они целились прямо в Эрнста. Понял, что он был для них лакомым куском. Нельзя было допустить, чтобы с ним что-то случилось.

Я взял волю в кулак и принялся бежать вместе с мистером Холлоу и Сорой. Параллельно начал использовать магию и сжигать электрических врагов. «Бета» тоже активно отбивалась от них с помощью водяных и огненных сил, не боясь красных лазеров и противного жужжания. Эрнст же старался не паниковать и просто бежал, не оборачиваясь и не делая лишних движений.

В таком темпе, сопровождаемые хищной техникой, мы почти добежали до самой Омбры. Дронов почти не осталось, однако парочка все же еще летела за нами, управляемая явно более

подготовленными врагами. Один из беспилотников все целился в ноги Эрнста, и Сора решила воспользоваться моментом. Она выпустила огненный шар в дрон уже тогда, когда он выстрелил. В конечном итоге удар сбился, и устройство настигло уничтожение, однако ж случилось попадание Холлоу в лодыжку. Он громко вскрикнул и упал. В это время я ликвидировал последний дрон. И перед глазами уже была Омбра, вмиг оживившаяся от поднятого нами и беспилотниками шума. В любом случае наш план удался.

- Как ты, любимый?

- Жить буду. Это главное. Остальное не так важно.

После этого побега Эрнст уже остался в Омбре. Его положили в больницу, где обработали рану и наложили гипс. Теперь мистеру Холлоу придется походить с костылями пару месяцев, но затем он восстановится и будет как огурчик. Слава богу, его комиссовали и больше не возьмут на войну, даже если она затянется. Жизнь Эрнста была спасена, Бабет осталась счастлива и теперь не отходила от мужа в палате, все глядя и обнимая его. Такая миссис Холлоу нравилась нам больше.

- Спасибо вам, - поблагодарила она, тепло, совсем по-матерински смотря на нас, - за то, что спасли моего мужа. Я бы не выжила без него...

Бабет была абсолютно права.

- Не за что, - я улыбнулся искренне, радостный за то, что судьба миссис Холлоу поменялась в лучшую сторону. Теперь в настоящем она не будет такой скорбной и поникшей, а наоборот счастливой и довольной рядом с живым Эрнстом.

Вскоре мы покинули супругов и вышли в больничный коридор. Он был светлым и пустым. Дневные лучи солнца, шедшие из окон, согревали и расслабляли. Я на минуту выкинул все мысли и переживания из головы, однако Сора вдруг сказала:

- Смотри, это второй истинный хронопультатор. Фиолетовый, как прошлый.

Когда я обратил внимание на сферу, возникшую из неоткуда, «Бета» уже взяла ее в руки и вмиг погрузилась в воспоминания, которые источал этот светящийся шар. Мне пришлось последовать ее примеру.

Глава 12

Глава 12. «Институт Времени»

Смерть дорогого, ставшего таким родным Мэттью поразила меня до глубины души. Она попросту испепелила ее остатки, и затем из них вышло черствое, уже раненное и обозленное на весь мир нутро. Гибель моего сына стала катализатором к действию, отправной точкой к восстановлению былой мощи и могущества. Я понял, что люди по сути своей являлись гнилыми глупыми пешками, которых можно было двигать как угодно ради своей выгоды. С помощью них можно было достигнуть рождения нового временного континуума.

Смерть Мэтти также навела меня на новые мысли и идеи, которые могли бы перерасти во что-то исключительное и великое. Теперь я намеревался как можно скорее отправиться на Кастру и воссоздать моего сына, а затем напитать его моей энергией. И он мог бы... сам потихоньку создавать новый ход времени Кастры, пока бы я собирал силу с остальных хронопультаторов. В целом, я понял, что таких особенных людей, как Мэттью, могло быть много. И они бы все помогали ему и мне создавать новую Вселенную. И в конце концов мы бы воссоединились навеки с сыном, которого в новом континууме никогда не достиг несчастный случай и смерть. Этот план я намеревался воплотить в жизнь во что бы то ни стало.

Отныне я перестал противиться экспериментам ученых «Монтока» и начал впитывать, как губка, всю их пользу. Я заметил, что нечеловеческие манипуляции и игры со временем и управлением им не губили меня, а наоборот помогали по мелким крупичкам восстанавливать силу. Мозг приобретал некогда утраченные способности особенного магического мышления, мышцы вспоминали, как дергать за ниточки судеб, и даже на языке появлялся привкус прошлого и будущего.

Я будто учился заново ходить и держать ложку в руке. Восстановление сил Эона чувствовалось необычно в каждом движении, в каждой мысли. Я снова начинал шупать каждую секунду времени, его быстротечность до щекотливых ощущений струилась по пальцам, словно тягучая масса, похожая на сгущенное молоко. Вновь мысли учились проходить сквозь временные отрезки, шастать по прошлому и недалекому будущему. Это ощущалось тяжело и напоминало повторное изучение алфавита. Я будто по слогам растягивал каждый кусок времени и старался запомнить, как оно выглядит, слышится и произносится. Различные приспособления ученых казались конструктором, который я должен был раз за разом собирать, чтобы вновь развить способность управлять прошлым, настоящим и будущим, оживить мелкую моторику рук, перебирающих линии судьбы.

В конце концов эти мучения не прошли даром. Благодаря экспериментам самонадеянных американцев я смог восстановить хоть какую-то часть своих способностей и уже уверенно мог контролировать собственные действия. Да, этого было все еще ничтожно мало для того, чтобы создать новый континуум, но много для того, чтобы попасть на Кастру. Я вернул себе типичную когда-то для порождений Хаоса способность открывать порталы в другие миры, и это помогло убежать из обители безумия и смерти навеки.

Когда я попал на Кастру, то был поражен, напуган, крайне восхищен и вдохновлен одновременно. Сделал вывод, что не ошибся в выборе планеты для своего масштабного эксперимента.

Это был красивый и броский мир, похожий на уже понятную мне Землю, но весомо отличавшийся от нее. Небо здесь было блекло-зеленым с проблесками голубого, с серебристым шаром звезды, напоминавшей Солнце. Воздух ощущался не так, как в мире людей, он был

терпким и тягучим. Растительность здесь обладала особенно глубокой зеленью, и почва под ногами струилась магическими артериями. Это была не обычная планета, а обитель различных даров Вселенной, которые изучали и использовали в качестве источников жизни здешние существа.

И эти обитатели на Кастре были не обычными. Да, по строению своему физическому они напоминали их, но обладали большими возможностями. Способность быстро передвигаться или иметь сверхточное зрение являлось для кастровцев частью жизни, как пенициллин для людей. И они не останавливались на этом, продолжали изучать, смотреть и двигаться к чему-то большему. Кастровцы опережали людишек даже в технологическом развитии и уже имели сенсорные сооружения, которые я ранее видел только в Механизмусе.

Я был рад тому, что оказался на Кастре, однако и немного напуган. Чувствовал себя уже подростком, которого в первый раз отправили на учебу в большой город. Меня ждал и сканировал насквозь своими невидимыми большими глазами Дель-Темпо – мегаполис, который был столицей Кастры. Именно здесь и начинался мой большой путь к преобразованию Вселенной. Но я не знал, с чего стоило начать.

Первое время только ходил по окрестностям Дель-Темпо и присматривался к здешним людям, их ритму жизни, привычкам, устоям. Я ночевал на улице и питался объедками из различных кафе. Жажда и голод все еще терзали ослабевшего меня, и потому поначалу чувствовал себя униженно, понимая, что скатился до жалкого подобия человека. Но все эти скитания не прошли даром, ибо я наблюдал за жизнью Дель-Темпо, наблюдал и думал, как же начать создавать нового себя здесь. Я больше не был подопытным 058, и это давало мне возможность стать Альфредом Хроносом – великим ученым, на которого вскоре будет молиться вся Кастра. Но шел я к этому аккуратно, маленькими шажками, терпя все унижения своей личности и слабости души из плоти и крови.

Жизнь начала приобретать новые развилки, когда я получил свою первую работу – клерк в офисе. Да, эта деятельность еще была далека от той, о которой я мечтал, однако она уже была лучше, чем бесконечные прогулки в поисках корки хлеба. Работу клерка я получил по случайности, ибо в «Комитете благополучия Дель-Темпо» была острая нехватка кадров, и начальство принимало людей с улицы, без опыта. Данный фактор сыграл мне на руку.

Моя работа оказалась незамысловатой – пока что не нужно было менять ход мировой истории, а всего лишь обрабатывать жалобы горожан и заносить всякие данные в отчетные таблицы. Эта деятельность, хоть и представляла собой отточенные и скучноватые механические действия, принесла мне плоды. По заявкам дель-темповцев я понимал уровень состояния Кастры: начал фиксировать то, чего им не хватало, то, что являлось их слабостями, то, чего хотелось абсолютно всем.

Спустя пару месяцев я стал осознавать все тонкости этого мира, его изнанку, недостатки и изъяны. Для себя выделил то, что время на Кастре было гибким, но нестабильным. Людям то хватало его с головой, то было катастрофически мало. Здесь не было четкого распределения суток, как в Человеческом мире, и от того ход жизни в Дель-Темпо и других городах шел хаотично. Горожане жаловались на ненормированный график транспорта, на рабочие часы, недостоверные инструкции о принятии магических ампул, которые затем вызывали различные побочные эффекты... Впрочем, эти жалобы в очередной раз доказали, что почва для поломки времени на Кастре была действительно изумительной.

И я понял, каким образом могу втереться в доверие Дель-Темпо, как заработать свой авторитет и начать проводить эксперимент. Здесь было много различных научных центров и институтов, изучающих все явления Кастры. Вода, растения, животный мир, инфраструктура, физика, новые магические способности. Однако ж никто не задумался о создании Института Времени. Я готов был взять это открытие на себя.

Скоро у меня начали появляться первые деньги, и это помогло уверенно встать на ноги. Я приоделся, смог покупать готовую еду и снял небольшую жилплощадь рядом с местом работы.

Эффективность на моем месте росла, я из кожи вон лез, чтобы понравиться другим рабочим и начальству. Благодаря своим познаниям во времени и его строении я закрывал большинство жалоб от горожан, и это и вправду поражало всех в «КБДТ». У меня появились приятели и премии, начальство начало уважать. Вскоре это повлекло за собой образование связей с другими организациями и предприятиями. Постепенно я становился более влиятельной и значимой персоной, дающей Кастре важные знания о хронологии. Я уже не был простым клерком без имени и предназначения, а заместителем начальника нашего отделения, а затем и им самим. И все забыли, что у меня нет ни образования, ни гроша за душой.

Но на этой должности я пробыл немного. В конечном итоге меня заметило Научное сообщество Дель-Темпо – большая корпорация, образующая те самые изучающие центры по городу и другим регионам. Очень удачно я был приглашен к сотрудничеству, и это еще на несколько больших шагов приблизило к созданию Института Времени. Тогда из «КБДТ» смог благополучно и с удовольствием уволиться, начав новый этап жизни на Кастре.

Само собой, как только встал на должность члена Научного сообщества Дель-Темпо, я не сразу осуществил свою задумку. Сначала участвовал как один из рядовых ученых в различных исследованиях, связанных с течением жизни и смерти, ее продолжением. Иногда работенка представлялась грязной и несветской, я изучал даже различные неопознанные артефакты, жидкости и составы, привезенные с других миров. Частенько... трупы. Я еще не на все сто процентов был занят деятельностью по времени, однако и из своих повседневных начальных научных задач извлекал всякую выгоду, способную помочь в создании нового континуума в будущем.

Однажды в исследовательский Институт Жизни и Смерти, в котором я и работал поначалу, привезли интересный свежайший объект для изучения. Нужно было сделать необходимые анализы и обозначить природу данного изобретения, – таков был приказ руководства свыше, а ему же дали поручение с Небес. Объект имел довольно необычное и странное название – «мертвесила».

Сначала я отнесся к данному изобретению несколько пренебрежительно и несерьезно, ибо в состоянии покоя это была просто склизкая и вязкая жижа светящегося зеленого цвета. Я даже подумал, что руководство пошутило над нами, ибо это действительно была просто... жидкость в опечатанной пробирке. Казалось, она не представляла никакой угрозы, о которой говорилось перед тем, как послать ее нам в крепком черном флаконе. Но, начав изучение, я был несколько шокирован способностями этого яда и затем оценил его по достоинству. Даже что-то припомнил о том времени, когда он был создан.

– Это вещество именуется мертвесилой, и оно было доставлено сюда прямиком с места, где чуть не случился апокалипсис – с города Броквена, который находится на Земле, – рассказывал заумный коллега Сэмюэл Эшкрофт, который был одним из моих кандидатов на должность ученого Института Времени. – Его создал английский химик-обладатель дара Жизни Эрнесс Вайталши аж в 1730 году. Безумно древняя хрень, да? И с помощью нее он чуть не стер Землю с лица Вселенной.

– Зачем он создал данную субстанцию? – спрашивал я, надевая перчатки и маску. Нужно было испытать яд в действии и затем описать результаты исследования и примерной опасности для Вселенной.

Мистер Эшкрофт положил передо мной фотографию хмурого грязного нечто, изображенного прямо и сбоку. Это, кажется, и был Эрнесс Вайталши, которого помотала небесная кара и, соответственно, великая тюрьма для вселенских преступников в Анаватане. Под фото было написано полное досье, составленное крылатыми тварями.

- Мистер Вайталши хотел, чтобы души умерших оставались на Земле и их не забирали в загробный мир, чтобы люди могли их видеть, - пересказывал коллега, грызя кончик ручки. – По сути... он хотел отменить смерть. Смело, ага?

Тема смерти и воскрешения являлась для меня актуальной темой. Трупик бедного Мэттью преследовал во снах, и я как можно скорее хотел найти способ восстановить его жизнь.

- Да, смело... - пробормотал я, беря все необходимые инструменты для работы с мертвесицей. – Теоретически, эта субстанция оживляет мертвых... Сейчас посмотрим.

- Ага, от этого зависит, в какой из тайных ящиков ангелы положат это дерьмо, - приснул Сэмюэл и тоже надел перчатки с маской.

Чтобы задокументировать действие препарата, я надел очки, которые позволяли на некоторое время видеть духов. Мистер Вайталши положил на это всю жизнь до и после смерти, а на Кастре уже все придумали. Это в очередной раз доказывало отсталость и небрежность того мира. Впрочем, тогда это было неважно. Я заиклился на проведении опыта.

Для данного исследования мы взяли труп крысы, чья мелкая душа уже маячила перед глазами. Сначала взял некоторое количество вещества, чтобы посмотреть, оживет ли сам труп от него. Яд мгновенно разложил тушку до костей. А вот когда я брызнул мертвесицу на душонку, та сразу начала модифицировать и мутировать.

Мы с коллегой сняли очки и увидели, что призрак крысы действительно стал виден обычному глазу. Это был отныне маленький монстрик с синим телом и зелеными пятнами, странными наростами и острыми зубами. Он вел себя агрессивно, и потому пришлось заключить призрак в особенную клетку, чтобы продолжить анализ.

Я выявил, что эффект видимости создали скрещенные компоненты ДНК Жизни и Смерти. Благодаря им существу было безразлично все то, что страшно или невозможно для человека. Потусторонний мир, космос, взаимодействие с вселенскими объектами... Это вещество навело меня на определенные мысли по поводу воссоздания Мэттью и ему подобных.

Я понял, что нужно вывести подобный тип ДНК в здешних кастровцах, а затем дать им мою силу, чтобы они могли создавать новый континуум на этой планете. Сложный, но вполне возможный план действий... Это будет даже могущественней, чем обычные хронопультаторы. Они станут лишь посредниками к возвращению моего величия Эона...

В скором времени я начал получать степени одну за другой, и в конечном итоге стал доктором наук Кастры. Я заслужил доверие Научного сообщества Дель-Темпо и всего мира, забыв о своем прошлом брошенного подопытного номер 058. Я наконец-то стал Альфредом Хроносом – ученым, от которого зависело будущее Кастры.

Это позволило в конце концов открыть Институт Времени – научный центр Дель-Темпо, единственный на планете, специализирующийся на изучении хронологии и течении времени в различных материях. Само собой, это стало лишь весомым прикрытием для моей настоящей деятельности.

Из всей дюжины ученых я набрал, на мой взгляд, самую целеустремленную и готовую к любым экспериментам элиту Научного сообщества. Это были знающие, молодые специалисты, конечно, американцам из «Монтока» до них было далеко. Чего стоил только один Джеймс О'Хара – юноша, уже получивший звание доцента, знавший о строении временных континуумов все. Я возлагал на него большие надежды.

Впрочем, сначала мы в этом Институте действительно изучали время и его строение. Хотя и являвшийся, по сути, воплощением времени, я подчеркивал много интересных наблюдений от моих сотрудников. Они вдохновляли меня на определенные схемы по разрушению бывшего хода жизни и созданию нового. В тайне я улучшал хронопультаторы, присматривался к тому, как были на данный момент сложены временные линии и как их можно было разорвать...

А через полгода я на конференции Института объявил о своем эксперименте:

- Уважаемые коллеги, - встал на пьедестал и подвинул микрофон ближе, упоенный безоговорочным вниманием подчиненных, - я предлагаю вам провести очень интересное исследование, способное отделить нашу планету от всеобщего хода жизни Вселенной... обрести свой временной суверенитет, не зависящий от никаких законов Небес. Достигнуть этого мы сможем с помощью проекта «Хроны».

Сзади на экране появилось примерное изображение моего почившего Мэттью, только более взрослого и уже крепко сложенного, все еще ангельски красивого, но могущественного, способного управлять временем. Это был мой ангел возмездия.

- Хроны, - начал спокойно и вдохновенно пояснять я, - это репликаны, практически неотличимые от людей, но превосходящие их в силе и выносливости. Они смогут управлять временем – выходить в космос и перебирать временные линии, создавая собственный жизненный ход. Они смогут менять будущее, прошлое, корректировать настоящее... Но чтобы их создать, нужно вывести... особый ДНК, с помощью которого хроны и смогут функционировать. Эксперименты я предлагаю проводить на людях Кастры. Конечно же, на добровольной основе, - это была ложь, - все согласны?

Сотрудники мою идею оценили. Они все произнесли «да» и кивнули. Молодые ученые были заряжены на создание чего-то нового и инновационного, неопознанного. Их вдохновляла идея получения новой могущественной расы, способной управлять временем. Они все даже не подозревали, что я намеревался разрушить старый временной континуум и взять Вселенную под свой контроль. Мне нравилось это притворство, которое очаровало всех кастровцев.

Эксперимент шел туго. Уже привыкший к абсолютным успехам, я не ожидал, что в идеально выверенном гладком плане полетится череда неудач.

Мы набрали целую кучу людей для выведения хрон. Это были как и сильные добровольцы, претендующие на выявление нового ДНК, так и горожане с улицы. Уже накопивший к этому моменту достаточно силы, я сразу принялся вводить ее в испытуемых через шарообразный катализатор с иглами. И на первоначальном этапе все тут же пошло не так. Четверть подопытных тотчас погибла, не выдержав напора магии Эона Времени. До этого я был уверен, что силы собралось еще совсем мало для реального могущества, что она довольно слаба для разрушения. Оказалось, что на кастровцев эта толика магии действовала в большинстве своем сокрушительно.

Дозировку вводимой мощи пришлось уменьшить почти вдвое, и тогда смерти сделались единичными – большая часть подопытных выживала. Однако вместе с уменьшением дозировки замедлился и сам эксперимент. Мы с коллегами только и делали, что днями и ночами корпели над испытуемыми, стараясь взрастить в них иммунитет к моей магии.

Благо, прогресс все же начал появляться. Я выявил сотню подопытных, чей организм полностью принял мощь Времени. Они постепенно учились осознавать его и управлять им, этим делом занимался лично я и самые знающие и терпеливые коллеги. Мы проводили различные тесты, создавали имитацию путешествий по прошлому, отслеживая рост показателей. Увы, с некоторой частью испытуемых дело шло тяжело, а вот другая половина, в целом, справлялась недурно.

- Подопытный номер 205, - в просторных белых комнатах для испытаний усталый голос Джеймса О'Хары отдавался сильным эхом, - Миюка Котару... Сейчас вы побывали в 1945 году Человеческого мира. Какие ключевые моменты вы запечатлели там?

- На город Хиросиму и Нагасаки была сброшена ядерная бомба «Малыш», в первые же минуты погибло около ста тысяч человек, - быстро чеканя информацию и чуть дрожа, отвечал хорошо справляющийся испытуемый с восточной внешностью.

Он продолжал говорить о том, что видел, а я был доволен результатом, несмотря на легкий испуг подопытного. Заметил, что мистер Котару хорошо справлялся со всеми испытаниями и всегда четко и ясно выдавал информацию, даже отлично боролся со всеми эмоциями, в отличие от остальных. Я подумывал, что после удачного выведения хрон сделаю пробную версию восточной хроны, идентичной мистеру Котару. Интересно, что могло бы получиться? Надеюсь, нечто сносное.

Однако ж, несмотря на успех, длился он недолго. После мысленного путешествия по прошлому нужно было выпускать подопытных в космос, и проблемы снова настигли меня врасплох. Вновь посыпались смерти, и в этот раз испытуемых осталось еще меньше, что значительно затруднило ход эксперимента.

Те, кто остался в живых, тяжело свыкались с космическим пространством. Они еле дышали и несуразно плелись по звездным дорогам. Кто все-таки доползал до временных линий, подвергался затем ожогам от них. По какой-то причине нити не подпускали испытуемых близко к себе, и кожа подопытных не усваивала их фактуру. Не удавалось даже немного раскрыть линии. Все было напрасно. Эти полторы калеки болтались бесполезно в космосе.

В тот момент я поддался раздражению и отчаянию. Все почти было готово для начала построения нового временного континуума: хронопультаторы уже развивались во Временном комитете, я нашел выход к пространству временных линий и уже даже делал наброски на то, как именно разрушить ход жизни Кастры... И только хрон я не мог создать. Ничего не получалось – все застыло на одном уровне! Меня бесило то, что Мэттью уже который год только смотрел на меня с памятной фотографии, а в планах было, чтобы он был прямо сейчас здесь, предо мной, желательно уже подросток! Ну, или хотя бы лежащий в люльке, не знаю...

И эти кастровцы... Они были чуток сильнее обычных людей, но это, как оказалось, мало что дало. Почти никто не мог в конце концов принять мою силу и могущество и взрастить в себе новое ДНК. Эти подопытные так и остановились на хороших показателях по тестам в управлении временем, и все. Дальше – пустота, непроглядная тьма неудач и неизвестности. И, наверное, проигрыша.

Но вместе с тем я не хотел так быстро сдаваться. Понимал, что уже слишком много сделал для того, чтобы все бросить и проиграть. Разве ради этого я был фактически убит Святым Духом? Ради этого я поднялся с самых низин обществ Земли и Кастры? Ради этого умер Мэттью? Нет, однозначно нет. Нужно было дальше искать, пытаться найти в каждом оставшемся подопытном хоть самый малюсенький зародыш того, что мне было нужно... Еще как-то побольше понаблюдать, может, даже надавить... От страха у человека активируются все чувства, верно?

В один день я собрал всех испытуемых и провозгласил, что те, кто до конца недели не найдут способ справиться с испытанием, будут сожжены заживо в пироканнере. Реакция была вдохновляющей – животный страх, боязнь за свою жизнь подтолкнула подопытных на различные ухищрения. Они прямо замельтешили и зашептались, тут же принялись копошиться и что-то делать. Хоть какое-то действие со стороны этих крыс порадовало меня.

Конечно, в первые дни чуда не свершилось, и я почти ничего нового не открыл. Однако потом страх, появившийся у подопытных, в конечном итоге помог мне найти тот бриллиант, что скрывался от меня все это мучительно долгое время.

Подопытная номер 777 по имени Ванесса Керубс в начале эксперимента и отбора испытуемых не так уж сильно впечатлила меня. Досье ее было не столь цепляющим и оригинальным, чтобы мог длительное время наблюдать лишь за ней.

Мисс Керубс выросла в религиозной семье юниверсалов, училась в церковной школе и занималась деятельностью певчей до полных 18 лет. Затем, как всегда это случалось с людьми любых планет, забросила религию и поступила в среднестатистически университет на обычную для Кастры специальность – алхимия и биоинженерия... Закончила с красным дипломом... На

этом, собственно, биография закончилась – о месте работы Ванессы не было ничего известно, как и о личной жизни. На эксперимент она пришла добровольцем, гонимая какими-то своими высоко духовными и вместе с тем недостижимыми научными идеями.

Немного напоминала юродивую эта юная Керубс. Она всегда показывала отличные результаты, но была молчалива и отрешена от мира всего. Ванесса постоянно смотрела на меня исподлобья, но никогда не говорила ничего «против», так же как и «за». Просто, ну... как бы... Изначально она была обычной подопытной, не претендующей, впрочем, на возвращение ДНК хроны. Просто серая мышь со своими тараканами в голове.

Но когда я в тайне от своих коллег заставил испытуемых биться в страхе и что-то яростно придумывать... То понял, что все это время самолично, как дурак, оттягивал время до заветного момента и упускал из глаз такую внезапную путеводную звезду...

Когда среди подопытных началась всеобщая паника, Ванесса спокойно делала свое дело. Она придумала безопасно перемещаться во времени через карманные часы, которые наделила излишками моей влитой силы. Они стали ее надежным и точным проводником. С помощью отсчитывания определенного часа Ванесса могла тут же перемещаться в тот отсек временного отдела космоса, который был ей, условно говоря, нужен. И без всяких обмороков, аритмии, смертей... Керубс больше не плутала по космосу, а четко выполняла заданные цели ученых. И ей, в целом, было наплевать на отсутствие кислорода, давящее бескрайнее пространство, жгучесть временных линий... Организм Ванессы оказался сильнейшим из всех подопытных, а с помощью часов она смогла победить вселенскую защиту Бога. Мисс Керубс стала претендентом на появление нового ДНК, смешанного с силой Эона Времени, компонентами Жизни и Смерти и обычной кастровчанки. Невероятно.

В конечном итоге я наплевал на всех испытуемых и спокойно распустил, ибо знал, что после таких экспериментов со временем и моей мощью они едва проживут еще пять лет. Негодные, больные, со сбившимися процессами жизнедеятельности, бесплодные... Ванесса, конечно, уже тоже не была человеком, а являлась полурепликантом, но самым сильным и удавшимся, перенесшим почти все испытания... Да, болезни так же одолели Керубс, и она более не могла иметь детей, но жизнь ей продлевалось наличие особых генов. Благодаря им я мог подарить ей еще десяточек лет, взимая получившийся ДНК до тех пор, пока не получится удачный образец «МА001», а затем и других хрон.

Вне всяких сомнений, Ванесса была переведена в особый класс подопытных. Ее всегда сопровождала охрана, выпуск за территорию Института Времени не разрешался. Каждый день ее состояние контролировали десятки ученых: отслеживали биение сердца и подвижность клеток, проводили тесты на эмпатию и рассудок, контролировали выходы в космос. Вся наша жизнь стала крутиться вокруг «Марии» - такое кодовое название я дал этой девушке. Имя «Ванесса» уже не играло большого значения, ибо она должна была стать праматерью могущественного ангела возмездия и его производных.

Время шло, и все постепенно приводило к этому моменту. Через определенные связи мне было доставлено два ключевых компонента – золотая, вязкая и наполненная убийственной мощью кровь Святого Духа и микрочасти кости Смерти. Оставалось лишь совместить их с образовавшимся ДНК Ванессы и вывести иное, совершенно новое и неподвластное законам Вселенной. С каждым днем мои руки все сильнее дрожали, дыхание сбивалось, а слюна наполняла рот. Я был так близок, уже очень близок к прорыву...

Скоро настал тот самый день. Никто из ученых не присутствовал в лаборатории, только я и Ванесса, лежащая заточенной на койке с множеством игл и капельниц. Мне нужно было сосредоточиться, узреть и сделать все самому, без посторонних глаз.

Все было готово. Компоненты стояли в пробирках, необходимые приборы для выведения ждали своего часа, а ближайшая ко мне трубка вскоре должна была наполниться кровью Ванессы.

Она же опять лежала и молчала, смотря в потолок безжизненным взглядом, слегка дергая ногой. Я даже время от времени забывал звучание голоса «Марии», и сейчас, на пороге открытия, решил напомнить себе о том, как говорит мой самый удавшийся полурепликант.

- Как вы себя чувствуете? – сначала посмотрел на нее, затем на кардиоаппарат, задавая дежурный, совершенно формальный и неискренний вопрос. – Первая процедура пройдет быстро. Вы почти ничего не ощутите.

Сначала мисс Керубс молчала, дергая ногой. Это немного раздражало. Как она смела игнорировать Лорда Хроноса?

Однако ж ответ все же вырвался из ее уст:

- Если бы здесь был мистер О'Хара, я бы чувствовала себя намного лучше, - и этот ответ... только больше разжег во мне отторжение и скрытую злость. – Он такой зануда, что аж мило. И шутит глупо. Просто дурачок. Но мне нравится. Потому что... он человек. Настоящий.

Внезапно Ванесса медленно повернула свою голову в мою сторону. Она меня подбешивала, но почему-то в этот момент по спине прошлись мурашки от ее взгляда. Керубс спросила смело:

- А вы знаете, господин Хронос, как это – быть человеком?

Он вогнал меня в ступор. Я не понял эту юродивую и ответил скомканно:

- Конечно, знаю. Я же человек и...

- Больно было, когда сила света сжигала вас изнутри? Когда вы падали в пропасть небытия?

Сердце невольно забилось быстрее. Она... знала или просто бредила?

- Не понимаю, о чем вы говорите, - я постарался отмахнуться и начал активировать оборудование.

Эта странная подопытная продолжала:

- Знаете, я вообще не за этим сюда шла... Я оказалась немного обманута вами и сейчас становлюсь соучастницей ваших преступлений. Однако... Думаю, ваш план в конечном итоге провалится.

Зубы сжались. Кровь Эона закипела внутри. Моя гордость была задета.

- Это почему же? – я повернулся к Ванессе хмуро и недоуменно.

Керубс улыбнулась.

- Тот, кто рожден в Хаосе и не имеет ничего общего с Богом, обречен на провал. Будь он в стократ сильнее человека, всю его противоречивую и вместе с тем глубокую природу не понять и не поменять. Наше пребывание во грехе и одновременно в глубокой любви спасает из любого мрака. Только человек может уничтожить человека... Но вы же не он, поэтому...

Бред. Бред, бред, бред! Я Эон Времени, любой человек бессилен против меня! Только божества могут сразиться со мной в равном бою! Эта сумасшедшая уже явно не в себе... Да, она просто мышь, которую нужно иссушить до последней капли... Мышьмышьмышь... Обычная... Подопытная...

Но что, если она права?

Хронос, это чушь!

- Давайте поскорее начнем процедуру, - процедил я и вколол трубку с иглой поглубже в вену Керубс.

А она кивнула, как ни в чем не бывало.

- Давайте, - болезненный румянец проступил у Ванессы на щеках. – И затем я потороплюсь на психологический тест к мистеру О'Харе. Он так забавно краснеет, когда читает странные и неудобные вопросы. А вы... продолжайте создавать Мэттью. Он и вправду был душкой.

Откуда. Она. Это. Знала?! Я просто не понимал... Что за пронырливая мышь.. Надо было заткнуть ей рот и вколоть наркоз. Спящей Керубс идет быть лучше всего.

Она очень странная. Но это не мешает мне создать новый ДНК.

Спустя пару часов первый образец генов хроны был получен.

Глава 13

Глава 13. «Настоящее Дель-Темпо»

Вторая сфера, полученная после спасения Бабет, остановилась на моменте с появлением странной пробирки и затем вовсе перестала транслировать воспоминания Хроноса. Все, что находилось в истинном хронопультаторе, было полностью показано, и сверкающая фиолетовая сфера послушно юркнула ко мне в сумку к первому пультатору.

В освещенном больничном коридоре все вновь будто бы замерло. Солнце уже клонилось к закату, но делало это аномально медленно, каждый его лучик словно обжигал кожу, оставляя красные пятна. Мы с Сорой пребывали в немом шоке, стоя посреди коридора. И все происходящее вокруг для нас не имело значения. В глазах стояли лишь отрывки воспоминаний безумного ученого, проводившего зверские и безжалостные эксперименты над людьми в попытках создать... Маттео и ему подобных – Сору, Гарольда, Катерину, других хрон... Второе воспоминание оказалось не столь удивительным, сколько ужасным и противоречивым. Все мое тело било острой дрожью при картинах с Ванессой. Это ведь... была моя мама.

- Пойдем, Эдвин, - внезапно позвала хриплым голосом Сора и кивнула в сторону выхода, - времени у нас не так много, да и персонал наверняка уже думает о нас всякие странности.

Облик бледной, но сильной мамы все мелькал в разных уголках больничного коридора. Я не знал, как себя вести, когда одолевали настолько сильные чувства вроде смутения и шока. Сердце прихватило, дыхание сбилось, по лбу потек холодный пот. Я думал изредка, что вот-вот умру прямо здесь на руках у Соры от нахлынувшей паники. Страшное явление, но я старался держать себя в руках изо всех сил.

- Да... да, пойдем, - я пошатнулся в сторону Соры, и тогда она дала в руку бутылку воды.

- Дыши глубже, Эдвин, - сказала она, медленно идя и то и дело оглядываясь на меня. – Попей воды, успокойся. Ты должен быть сильным.

Заметив, что Сора перепугалась моего состояния, покрывшись синевой и мурашками, я прикусил губу и мысленно стукнул себя по спине.

- Все хорошо, просто нам нужно это обсудить, - мои шаги стали уверенней, - а так все в порядке. Немного тухнуло... и все.

- Угу, - угрюмо кивнула «Бета».

Оказавшись во дворе больницы, ласкающимся в лучах золотого часа, я остановился и закопался в нагрудном кармане, ища часы. Сора остановилась и сглотнула.

- Надо позвонить Джеймсу, - сказал я, дрожащими пальцами раскрывая крышечку часов и судорожно нажимая на кнопку подзавода. Набрав цифры «2», «0», «4», «1», можно было самостоятельно выйти с ним на связь.

- Да, точно, - Сора приблизилась ко мне, - а то... Он сам не позвонил. Хотя обычно всегда это делает, как только мы выполняем какой-то важный шаг в нашей миссии.

- Может, он заснул... - попытался успокоить себя и подругу, прожигая взглядом циферблат, на котором показалась лишь изредка пульсирующая тонкая черта. Это означало, что с мистером О'Харой устанавливалось соединение.

Но прошла минута, две, пять... В конце концов Джеймс так и не подключился, а часы по умолчанию вернули свой первоначальный вид, не сумев достучаться до исследователя.

Это казалось чем-то тревожным и подозрительным. Неприятный комок встал у меня в горле.

- Кажется, он понял, что мы увидели что-то неудобное и решил некоторое время нас игнорировать, - хмыкнула Сора, складывая руки на груди.

Я прикусил губу еще сильнее и почувствовал металлический привкус крови.

- Он... работал в Институте Времени...

- Это он нам и сам говорил, - «Бета» вздохнула. - А вот то, что участвовал в экспериментах над людьми – нет. Вот откуда Джеймс знает столько об изнанке Хроноса. Сейчас он, сам собой, против его политики, но тот факт, что... Это весьма неприятно. Его недоговорки... слегка пугают.

- Мы так и не поняли, в какой степени он участвовал в экспериментах, но наверняка он раскрыл суть Хроноса, поэтому встал на сторону справедливости... Может, изначально Джеймс ничего не понимал, как и остальные... - слова выходили из моего рта с большим трудом, так как собственные мысли стремительно поехали изнутри. - Однако меня волнует другое... мистер О'Хара связан с моей матерью... но как?..

- Браком, полагаю, - Сора, сказала, как отрезала, что только пуще разволновало мое и так обеспокоенное сердце. - Джеймс симпатизировал твоей матери, и в доме мистера О'Хары они жили вместе. А еще ты очень похож как на Ванессу, так и на Джеймса. Я заметила это с самого начала. Что, если он твой отец?

Внутри меня все заклокотало. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Окружающий мир поплыл, и снова начали появляться отрывки прошлых воспоминаний о детстве. Теперь в них начинало вырисовываться лицо Джеймса.

- Но... точно ли?.. – голос охрип и дрожал. - Он... неужели... да, у нас есть сходство, но... как?

- В смысле? – кажется, я немного раздражил Сору своими вопросами.

Стало неловко, однако я продолжил:

- Ну... н-неужели это у него меня забрал Хронос?.. И как они с мамой оказались вне Института... И... Почему Джеймс сразу об этом не сказал?.. Я ищу родителей, а он... Может, это совпадение. Нужно у него спросить.

- Это точно, - «Бета» сбросила напряжение протяжным выдохом. Кажется, она поняла и приняла мои волнения. - Джеймс та еще лошадка. Нужно будет дозвониться до него. Может, даже встретиться. Посмотрим.

Легче от слов Соры не стало. Мысли только еще больше запутались.

- А мама... она участвовала в экспериментах и... Получается, это она породила всех хрон? – я посмотрел на подругу с ошутимо дергающимися глазами. - Господи, я... ожидал чего угодно, но это...

Сора отвела взгляд в сторону, ее веки тоже заметно подергивались. Конечно, «Бету» тоже удивило произошедшее в прошлом.

- Как я и думала, мы все – пешки в руках Хроноса... И то, что мы вдвоем вырвались из этого плена – большая удача. Однако меня беспокоят слова твоей матери и эта... одержимость Хроноса Мэттью, который в будущем, уже ясно, станет Маттео. Про остальных хрон понятно, большой коллектив легко подчинить себе в своих целях, но вот чтобы такое внимание уделялось именно Маттео... - на последней фразе голос Соры дрогнул, что выдало ее внутреннее напряжение и страх. Она вновь взглянула на меня тревожным взглядом и сказала: - Подозрительно это все. Маттео, как и я, и другие хроны первого класса, всего лишь чуть сильнее обычных репликантов.

- Видимо, нам еще предстоит узнать новые пугающие детали о Маттео и... других хронах, - я начал мять костяшки, стараясь отвлечься от темных мыслей, - все-таки... у нас из Комитета осталось еще двое.

- Да, и нужно получить истинные хронопультаторы быстрее, чем Хронос придумает новый план по захвату временного континуума Вселенной, - Сора сжала руки в кулаки, а затем потянулась за часами. - Отсчитывая время, Эдвин.

В последний раз взглянув на безмолвный циферблат часов, в котором отражалось лишь мое лицо, я принялся отсчитывать время.

Следующим по списку членов Временного Комитета был Конрад Яген. Мы должны были попасть в прошлое тоталитарной деревни Виндо 2024 года. Данный отрезок, судя по зеленым дорожкам временных нитей, находился недалеко от прошлого Омбры. Однако... с нашего пребывания в линии Бабет Холлоу прошло еще несколько дней, и за этот промежуток космос стал еще более отчужденным, тревожным и опасным.

Теперь отдаленный гул Странников стоял повсюду, звенел в ушах и отдавался больным эхом в голове. Везде виднелись грозные силуэты, и агрессивная аура монстров будто въедалась в кожу. Хроны и кто-либо еще не маячил на горизонте, но в этот раз под ногами мы находили разбитые часы. Страшный, пробирающий до костей знак. Если хрона в космосе теряла или разбивала свои часы, то в мгновение ока теряла связь с Кастрой и уже не могла выбраться из темного бескрайнего пространства. Все заканчивалось смертью от истощения. Или гибелью от лап хищных Странников.

У Соры выступили желваки от создавшейся пугающей ситуации. Как и я, она не на шутку испугалась и не решалась сделать лишний шаг в сторону отдаленного полчища со Странниками, ставшими, кажется, еще больше и свирепей.

- Напрямую не пойдем, - процедила «Бета» строго, - обогнем этот эпицентр тварей и доберемся до 2024 года окольными путями.

Я нахмурил брови.

- М... через другие временные линии прошлого?.. Но я не вижу здесь ничего, кроме того, что нам нужно, мусора и... Странников.

Тогда Сора ухмыльнулась.

- Кроме отдела прошлого есть еще и отдел настоящего, - она кивнула в сторону коридора, переливающегося зелеными и синими оттенками. – Проскользнем через настоящее Дель-Темпо, чтобы не вызвать никакого подозрения у Странников и остаться незамеченными в целом. Заодно и посмотрим, что там происходит в данный момент.

Конечно, напрямую к 2024 году было пройти быстрее, однако в сложившейся опасной ситуации со Странниками мы могли бы и вовсе... никогда и никуда больше не пройти. Именно поэтому идея Соры с обходом пришлась по вкусу и показалась надежной. Да и, действительно, взглянем на текущую ситуацию в Дель-Темпо. Раз Джеймс отключился...

Интересно, что он делал сейчас? И впрямь просто заснул или отвлекся по делам, или... понял, что мы увидели то, что не нужно было видеть? Или же Джеймс наоборот надеялся, чтобы мы узрим все это? Да, он говорил, что входе путешествия по времени я найду ответы на свои вопросы, но... Почему ответов мало, а вопросов прибавилось в два раза? И почему же тогда в такой ответственный момент Джеймс пропал, если всегда ждал от нас докладывания ситуации? Неясно. Пока.

- Эдвин? – видно, заметив, что я залип, Сора помахала передо мной ладонью.

К счастью, мне удалось быстро окупиться.

- Давай, я только за. Как раз посмотрим, как там себя чувствуют изменившиеся члены Комитета.

- Точно, - поддержала «Бета» и двинулась в сторону отдела настоящего.

Мы удачно хлынули туда прямо перед тем, как почти у уха раздался рев Странников.

Дель-Темпо,

2? Сентября,

1?:3? Часов, предположительно, дня.

2060 год

Идя по коридорам настоящего Дель-Темпо, мы не узнавали прежний мегаполис. Его большие воображаемые глаза теперь не наблюдали за каждым жителем, а точно панически

бегали из стороны в сторону. По небу летали черные кадиллаки Цитадели Хроноса, мешая движению общественного и личного транспорта. Дроны-контроллеры сканировали каждый угол города, гул вертолетов отдавался эхом между высотками. Свет в этих же домах то включался, то выключался – возможно, из-за обилия задействованной техники происходили перебои с электричеством.

Горожане отныне были встревожены. Вся независимость от отсутствия времени куда-то подевалась, и деловитая беспечность тоже испарилась без остатка. Дель-темповцы постоянно оглядывались, старались часто не находится на улице, и подобно букашкам разбегались в свои «норы» - офисы, кафе, библиотеки и другие заведения. Обслуживающие уличные роботы явно уже чувствовали себя одиноко.

Постоянно дежурила полиция и ходили немногочисленные группы обычных хрон с кипами листовок – они клеили их почти на каждое здание. На бумажках изображались знакомые лица – это были «ЭД006» и «СБ002», то есть мы сами. Нас разыскивали на Кастре.

Хроны уже явно бродили уставшими с этими листовками, расспрашивая прохожих о нас: - Вы не видели этих репликантов первого класса?.. Говорят, они сбежали в космос, но в любой момент могли уже вернуться сюда... Пожалуйста, позвоните на указанный номер, если увидите их... Альфред Хронос обещает большое вознаграждение за них.

Реакция людей была разной. Кто-то молча проходил мимо, кто-то отрицательно качал головой...

- Ох, не видела, душечки... Без них вся жизнь на нашей Кастре может пойти крахом!.. Страшно-то как... - кто-то искренне верил, что наш побег – это что-то плохое, и с большим волнением брал листовку, надеясь найти нас и затем позвонить по номеру охранной службы Цитадели.

А кто-то говорил непривычные для устоя Дель-Темпо реплики:

- Ну и правильно, что сбежали. Нечего их искать – дети выбрались из лап этого монстра и наверняка зажили свою лучшую жизнь вне четырех стен лагеря для взращивания мутантов без сердец.

Такое высказанное мнение меня действительно очень удивило. Да и... человек показался мне знакомым. Он уже оказался прилично состарен, но в угловатых, все еще гладких чертах лица и округлых очках узнавался... Сэмюэл Эшкрофт?.. Кажется, это и впрямь был бывший коллега Альфреда Хроноса, работавший в Институте Времени и проводивший эксперименты над людьми. Он что, был такого же мнения, что и Джеймс? Я думал, что все сотрудники Института Времени боготворили Хроноса...

Пройдя по коридору с голограммами еще чуть дальше, мы увидели, что горожане были встревожены не только из-за нашей пропажи и постоянных поисков силовых структур Цитадели, но и из-за разразившихся беспорядков и диверсий. Организовывали митинги и попытки восстания против Хроноса самые разные слои населения Дель-Темпо – от простых рабочих среднего класса до самой главной страты Кастры – интеллигенции, то бишь ученых разных Научных Институтов Дель-Темпо. Против политики Хроноса выступали как и действующие ученые в белых халатах, так и бывшие сотрудники без формы. Особенно много было бывший деятелей науки с пыльными карманными часами – этот атрибут носили все сотрудники с Института Времени.

Игнорируя прицелы солдат Цитадели и хищный гул вертолетов с дронами, эти дель-темповцы размахивали флагами и плакатами, рушили статуи, посвященные Комитету и Хроносу, и поджигали улицы, кишащие рекламой с участием хрон и агитационными граффити. Они кричали в каждый угол, пытаясь доказать обычным горожанам свою позицию и пролить свет на истинные деяния Хроноса:

- Альфред Хронос – лжец, вселивший всей Кастре, что он спаситель нашего мира, но на самом деле это не так! – преимущественно восклицали сотрудники Института Времени. –

Он не спасает Кастру, а только делает ей хуже, все больше и сильнее ломая и так сломанный временной континуум!

- Хронос создал хрон не для того, чтобы восстановить ход времени Кастры, а наоборот разрушить его! – кричали сотрудники постарше.

- Эй, хроны с листовками, вы слышите нас?! Вы соединяете временные линии не в том порядке, в котором нужно!

- А Странники – иллюзия, которая тоже придумана Хроносом!

- «МА001» - это чудовище, которое поможет Хроносу завоевать Вселенную!

Кучи правдивых фраз бунтующих наложились друг на друга, создавая тревожную какофонию на проспектах и площадях. Они неустанно внушали горожанам о том, что Хронос представляет большую опасность не только для Кастры, но и для Вселенной в целом. Правда, слова про Маттео меня немного сбили с толку... Да, он противный и злой, хочет поймать нас и отвести к Хроносу, но почему сразу чудовище? Не понявший истины и не встретившийся с Джеймсом и явлениями пульсаторов, «Альфа» лишь так же, как и другие хроны, выполняет приказы Хроноса. Но, возможно, сотрудники Института Времени знали то, что мы пока еще не успели узреть.

В конце концов большинство забастовок доходило до открытой перестрелками между силовиками Цитадели и самими революционерами. Раздавались панические крики горожан, проливалась кровь, бились стекла магазинов. Хаос разрастался до огромных масштабов.

Однако бунтующие не одни отбивались от солдат. Мы заметили, что им помогал кто-то из углов и крыш. Молодые стрелки мастерски управляли бластерами, скрывая лица и тела за темно-зелеными одеждами. В карманах виднелись такие же часы, как у обычных хрон, только разбитые. И, заметив эту маленькую деталь, я не поверил своим глазам... Кажется, восставших защищали изгнанные из лагеря хроны, которым Ферн Деспайр всегда разбивала часы перед уходом. У одной я даже увидел до боли знакомый зеленый бант в волосах. Или мне показалось?..

Пройдя еще несколько метров по коридору настоящего, мы чудным переместились в... Цитадель Хроноса.

Там все было тоже отнюдь не радужно. Совсем беспокойно. Я бы даже сказал, что удручающий смрад напряжения уверенно стоял здесь столбом и окутывал каждый уголок темной башни. Однако ж теперь мрак не мог скрыть все тайны Хроноса, и часть из них светила наружу, образуя подозрение среди сотрудников. Солдаты то и дело перешептывались между собой, указывая на кабинеты Хроноса и Комитета, а хроны, приходившие в Цитадель, с опаской прислушивались к тому, что происходило за дверьми. Голограммы, будто почуяв наш с Сорой интерес, тут же учтиво показали то, что происходило в кабинете Комитета.

Посередине большого стола сидел Альфред Хронос. Дни, пошедшие после нашего побега, знатно его потрепали. Седые пряди выбились из зализанной прически, халат помялся и карманы порвались, кажется, от постоянных нервных движений рук. Морщин на лице ученого стало еще больше, лицо иссохло и покрылось странной коркой. Глаз, в котором отражалось космическое пространство, бегал туда-сюда, и в уголках его скопилась черная вязкая жижа. Хронос явно нервничал, и от злости порочная природа Эона Времени просачивалась наружу.

Рядом с ним сидела Ферн Деспайр. Она то и дело поглаживала ученого по плечу, озадаченно и опечаленно оглядывая своего начальника. Кажется, сложившаяся ситуация напрягала ее так же, как и самого Хроноса. Будто Деспайр боялась... проигрыша. Такое выражение было написано на ее лице.

По правую сторону на другом конце широкого стеклянного стола сидел Конрад Яген. Он скрестил руки на груди и хмуро разглядывал белый пол под собой. Его вид был недоверчивый и сомневающийся.

За столом не хватало еще двоих членов Комитета – Бабет Холлоу и Айзека Баркли. Они куда-то запропастились, и глубоко внутри я подозревал, что здесь сыграла наша с Сорой роль. Как говорил Джеймс, после нахождения истинных хронопультаторов члены Комитета начнут вспоминать себя и то прошлое, которое мы им создали. Значит, ветка настоящего сейчас помешалась, и потому члены Комитета начали пропадать. Следующим в списке был понурый Конрад Яген.

- Как они могли их упустить... - внезапно зашипел утробно Хронос, кусая пальцы с отросшими острыми ногтями, - сначала эти тупые солдаты, затем безмозглые собаки хроны... Ладно тупые кастровцы, у них только бластеры, но хроны! Репликанты, что сильнее, быстрее и выносливее человека, не смогли поймать жеманного артиста и женщину на каблуках! Расскажешь кому, не поверят!

- Альфред, может, можно как-то подчинить их на расстоянии?.. – Ферн прикусила губу, задумчиво отводя взгляд в сторону. – В них же еще есть остатки твоей силы...

- Их недостаточно, чтобы на расстоянии повлиять на сознание этих двоих, - цыкнул с долей обреченности Хронос. – Эманаторы, добытые «ЭД006» и «СБ002», обладают большей мощностью, чем мои хронопультаторы и остатки сил от них, соответственно, они берут верх над контролем сознания Холлоу и Баркли.

- Все проблемы от этих двух сопляков, - рыкнул Конрад, поднимая глаза на Хроноса и поджимая губы в недовольстве. – Хронос, надо, значит, было держать их в лагере в больших ежовых рукавицах, чтобы не произошло того ужаса, что происходит сейчас. Если вы знали, что они могут устроить такое...

- Поверь, Яген, у меня было все схвачено! – Альфред сорвался на крик, и Ферн попыталась остудить его, придерживая за плечи. – Я внедрил в них ложные воспоминания, «СБ002» была запрограммирована на безоговорочное подчинение мне и в крайнем случае убийство мальчишки. А он же был убережен от собственной временной линии, но каким-то образом!.. – Хронос глубоко вздохнул, сжав руки в кулаки. По ним потекли темные, почти смоляные вены. На утробном выдохе он добавил: - Во всем виноват О'Хара. Это он портит мои планы исподтишка. Наглый, борзый, ненасытный ублюдок...

- Может, тогда сначала найти его, а потом уже на хрон обратить внимание? – Конрад изогнул бровь и слегка наклонил голову.

- Нет, - ученый покачал головой, - процесс уже запущен. Джеймс обучил сопляков, и теперь они могут действовать без него. Однако ж да, его нужно, наконец, поймать. Поручу это хронам первого класса. А вот на Соре и Эдвине должен сосредоточиться только Маттео...

Вдруг Хронос поднялся из-за стола. Она пару раз вдохнул и выдохнул, убрал руки за спину и направился к выходу из кабинета.

- Он не совсем понимает, насколько для него важен «ЭД006»... Поговорю с ним, как отец с сыном, и еще раз... объясню подробно, что к чему.

Затем Альфред нажал на сенсор сбоку, и двери раскрылись перед ним. Снаружи стояла пара охранников.

- Эй вы, - окликнул их тут же Хронос, - прикажите остальным привезти в мой кабинет «МА001». Немедленно.

Охранники, ничего не отвечая Альфреду, тут же заговорили по наушникам с другими солдатами о перевозке Маттео в Цитадель. «Немедленно» - подчеркивали, чуть дрожа, они.

Спустя какое-то время в одной из голограмм мы увидели просторный кабинет Хроноса – тот самый, где он наглым образом врал, что я обычный репликант и никакого человеческого прошлого у меня нет. В помещении было тускло, горели робко только две синие лампы и про-

бывался в окно вечерний свет Дель-Темпо. Хронос, придерживая тюль одной рукой, стоял спиной к своему столу и разглядывал летающие машины и людей, проходивших мимо Цитадели. Он явно выглядывал один знаковый кадиллак и персону, которая должна была выйти из него...

Вскоре дверь в кабинет автоматически открылась, и вошли два охранника.

- Господин Хронос, «МА001» уже здесь, - сказал один из них.

Не оборачиваясь, Хронос ровно ответил:

- Впустите его.

Через пару мгновений в кабинете появился Маттео. Он выглядел растрепанно и недоволено. Белокурые волосы разлохматились, под глазами появились мешки, кожа побледнела, давая тонким сеточкам вен проявиться на лице. Часы небрежно висели в заднем кармане брюк, красный галстук и вовсе пропал. Скрестив руки на груди, Маттео бесцеремонно курил, не обращая внимания на наличие этикета перед старшим и более уважаемым нечеловеком.

По сути, с первого взгляда ничего не изменилось. Однако, если присмотреться в потухшие ангельские голубые глаза, можно было понять, что «Альфа» устал. Ему точно не хватало лишних восьми часов сна. Это... из-за нас?

- Чего звал? – фамильярно спросил Маттео хриплым отрешенным голосом.

Только тогда Хронос повернулся к нему и вновь убрал обе руки за спину.

- Здравствуй, Маттео. Присаживайся. Надо поговорить.

- Не буду, - отрезал «Альфа», сжимая зубами сигарету. – По поискам Эдвина и Соры у меня пока нет результатов. Это все, что ты хотел услышать?

Альфред отодвинул кресло и сел. Не смотря на хрону, он начал крутить лежавшую на столе ручку с гравировкой «Цитадель Хроноса».

- Кажется, ты несильно углубляешься в поиски, - хмыкнул с маленькой улыбкой ученый, а затем исподлобья взглянул на Маттео. – Да и в целом не совсем понимаешь, зачем тебе нужен Эдвин. Я хотел поговорить об этом.

- Если ты про *мое сердце*, то да, я не понимаю, зачем мне Эдвин, - «Альфа» напряг плечи и нахмурил брови. – Я прекрасно могу справиться со своей задачей и без него. Мне не нужен какой-то «Дзета», чтобы держать свою силу наплаву.

- Нет, без него ты не можешь, - Хронос покачал головой, вздыхая. – Сам же наверняка уже заметил. Эта перманентная усталость, отрешенность ко всему. Тебе не хватает этого человеческого сосуда питания – Эдвина. Его эмпатии, эмоций, чувств...

- У меня есть все это, - сжав ладони в кулаки, рявкнул Маттео. – Я человек. Лучше него.

- Нет, Маттео, ты не человек, - слегка стиснув зубы, произнес со всевозможным холодом Хронос, - и никогда им не был. Ты – ангел возмездия, который разрушит старый устой Вселенной. И тебе нужна подпитка от человека. Поэтому найди Эдвина. Любой ценой.

Было видно, что слова ученого сильно задели Маттео. Он задрожал всем телом, на шее проступили вены, а некогда отрешенные глаза засверкали от нашедшей пелены слез. Я... впервые видел «Альфу» таким, и мне от чего-то стало стыдно перед ним.

- Почему... - Маттео постепенно повышал голос, все стремительней раздражаясь, - почему я не могу быть самостоятельным?! Почему всегда нужен кто-то посторонний, чтобы доказать, что я – сильное существо, личность?! Почему ты ни во что не ставишь меня?! Почему, Хронос?! Почему какая-то «Бета» важнее, чем я, почему от обычного живорожденного человека зависит моя судьба?! Скажи, *отец*!

Выкрикнув это обращение, Маттео задышал нервно и часто. Он сжал пальцы настолько сильно, что из ладоней пошла кровь. Возглас обиженного и оскорбленного до глубины души «Альфы» отдался эхом в кабинете... И, кажется, поразил Хроноса. Он широко раскрыл свои старые глаза, и разум его будто на мгновение очистился.

- Почему... мне нужно заслуживать любовь? Почему нужно подвергаться опасности, чтобы ты обратил на меня внимание?..

Хронос сглотнул. В моменте ему стало как-то неуютно находиться в собственном кабинете.

- Маттео... - только и смог сказать ученый.

«Альфа» же развернулся в сторону выхода. Напоследок он сказал:

- Если хочешь заполучить Эдвина обратно, сделай так, чтобы узкоглазая сама привела себя и его к тебе. Ты же «волшебник»... А меня оставь в покое, раз без подпитки я ничтожество, - и вышел, оставив брошенный потухший окурок на полу.

Хронос же несколько минут сидел молча, опустив глаза и смотря куда-то под стол, в пустоту. Затем словно демон вселился в него, и ученый со злостью швырнул стопки бумаг со стола. Потом разбил бокалы, стеллажи, растоптал ручки, из которых успела вытечь вся паста...

И именно на этом моменте голограммы потухли. Коридор настоящего Дель-Темпо закончился, мы с Сорой дошли до конца. Перед нами засияли временные линии деревни Виндо.

Глава 14

Глава 14. «Странная деревня»

После молчаливого прохода через коридор настоящего Дель-Темпо первая фраза вырвалась у меня из уст:

- Там происходит... что-то странное. Реально странное. Нужно предупредить мистера О'Хару и...

Сора перебила меня с посеревшим оттенком лица и опустевшими глазами:

- Хронос делает чудовище не только из Маттео, но он еще и... из меня.

Я понял, что Сора пребывала в тихом ужасе, и тут же криво попытался сменить тему.

- Кстати, Маттео назвал его отцом. Видимо, они очень близки.

- Я... если бы тогда я не заподозрила неладное, то могла бы... убить тебя, - подруга перевела остекленевший взгляд на меня, и ее губы слегка дрогнули.

Я прикусил больно внутреннюю сторону щеки и сглотнул.

- Но как?.. Как я могу быть запрограммирована? Каким образом Хронос контролирует нас?... - «Бета» все не унималась и уже начала кусать отросшие за это время ногти. - Нужно с этим разобраться... как-то узнать... понять... Иначе... вдруг с тобой что-то случится? И в этом буду виновата я... И тогда... тогда я не прощу себя.

Я не знал, как успокоить Сору. Впервые за время нашего путешествия она показала искренний страх и панику со всеми человеческими составляющими – дрожью в коленях, мурашками на руках и синевой на лице. Не хотелось, чтобы она так переживала из-за меня. Да и думал, что Хронос в разговоре с Комитетом и Маттео имел совсем другое в виду... Что он пытался настроить Сору против меня, как и Маттео, чисто психологически. Не мог же ученый дойти до того, чтобы вживить в нас... какие-нибудь чипы, верно?

Я положил Соре руку на плечо, слегка погладил и постарался мягко и совершенно спокойно произнести:

- Сора, не трясись ты так... Я думаю, что все будет хорошо. Прошло уже много времени, и ты до сих пор себя прекрасно контролируешь, судя по тому, что я еще жив. Тем более Хронос говорил про то, что... эм... эманаторы, находящиеся у нас, очень сильные. Думаю, из-за них Хронос никак на тебя не подействует.

Взяв временную линию деревни Виндо, «Бета» принялась накручивать ее на палец напряженно.

- Как я поняла, эманаторы – это и есть так называемые раньше нами «истинные хронопультаторы». И они все же связаны больше с Комитетом, чем с нами. Да, элементарную энергию мы с них получаем, и немаленькую, но... Что, если этого недостаточно, чтобы предотвратить какую-то стороннюю манипуляцию Хроноса надо мной? Что, если я могу предать и тебя, и всю Кастру, не по собственной воле встав на сторону Хроноса? – панические опасения и тревожные мысли лились из уст Соры рекой. Даже мелкие черные зрачки ее бегали из стороны в сторону. – И... Я совсем не поняла про состояние Маттео. Почему он зависим от тебя? С чего вдруг? Это существо по имени Альфред Хронос прямо-таки плетет свою огромную, запутанную, с клоками паутину. И это мне не нравится.

Хорошо, да, я хочу признаться внутреннему сознанию, что так же, как и Сора, переживаю из-за странных ходов и замыслов Хроноса. Хотелось поскорее уже добыть третий... эманатор и посмотреть, что же таилось там. Мы бы продолжили потихоньку разматывать клубок тайн ученого. Интересно, кстати, почему он назвал истинные пультаторы «эманаторами»? Откуда пошло такое название? Надеюсь, это мы узнаем дальше, как и то, что с Сорой на самом деле все

хорошо, а Маттео не оружие замедленного действия, питающееся моей энергией, а просто... хулиган, скрывавший то, что он хотел дружить со мной и Сорой.

Господи, ну почему Джеймс не на связи? Уверен, он бы мог хоть немного прояснить ситуацию и успокоить два бушующих в страхе сердца.

«Бета» все накручивала линию на палец, и зеленые ворсинки начали постепенно раскрываться, показывая нужное нам прошлое. Я собрал волю в кулак и сказал:

- Чтобы все понять, нам нужно двигаться дальше, в Виндо.

Сора глубоко вдохнула и выдохнула, точно собираясь с силами и мыслями, пытаясь становиться той, кем была раньше – непробиваемой стеной.

- Ты прав. Надо идти, - и принялась расплетать временную линию, в которую мы затем юркнули.

Оказавшись в прошлом деревни Виндо, я сразу обратил внимание на наш внешний вид. Он... явно отличался от одежды других временных отрезков и регионов. Честно, в нем даже слабо угадывался общепринятый культурный стиль кастровцев. Обычно в одежде нашего мира преобладали теплые и темные приглушенные цвета, удобство фасонов и акцентные футуристичные изюминки, которые имел каждый город. Тут же... мы будто сами стали одной большой футуристичной изюминкой, чем-то непонятным и иным, будто с другого мира вовсе.

На Соре было короткое платье с широкой юбкой и объемными квадратными рукавами, в молочных тонах и с яркими неоновыми синими линиями, проходящими по бокам. Платье украшал большой черный пояс. Волосы «Беты» заметно отрасли и завились на концах, их обрамлял полупрозрачный желтый козырек. Руки оказались в перчатках с оголенными пальцами, на которых отрасли кислотно-зеленые ногти. Обычные лоферы сменились кожаными ботфортами, и теперь Сора чуть-чуть обгоняла меня по росту.

Я же был одет в глянцевый сияющий комбинезон, в цвет платья подруги. Только перчатки закрывали уже все руки, а вместо козырька на мне оказались объемные желтые очки. Эта одежда... очень отличалась от привычного стиля Кастры. В общем и целом, это было даже неудивительно, учитывая, что деревня Виндо являлась чуть ли не самостоятельной автономной единицей, почти отдельным маленьким государством. Она выделялась буквально во всем, и одежда, как мы выяснили, тоже не была исключением.

История Кастры обладает скудными знаниями о Виндо. Никто достоверно не знает о происхождении этой деревушки и дальнейшем становлении ее тоталитарного строя. Виндо словно возникла из неоткуда и стала большой аномалией на Кастре. Почему-то исследователи не могут найти ни одного точного доказательства появления деревни. По учебникам и курсам ходят лишь гипотезы и теории. Айзек Баркли в ходе рассказов о регионах Кастры поведал понравившуюся и, на его взгляд, самую правдивую теорию о возникновении Виндо. Якобы она появилась из-за того, что группа оккультистов на безымянной земле вызвала иномирных существ, которые впоследствии захватили разумы тех кастровцев и заставили построить тоталитарную деревню, живущую по законам других неизведанных миров.

Айзек обожал фантазировать и неровно дышал к мистификациям разных явлений, поэтому искренне верил в одну из нескольких гипотез. Мне же больше по душе приходился более простой и понятный вариант возникновения Виндо: переселенцы из других регионов захотели создать собственную уникальную общину, затмевающую все малые поселения. Вот и все... Мистическая теория, поведенная Айзеком, раньше пугала меня. И я думать не хотел о том, что какие-то иномирные твари могли захватить власть над оккультистами и заставить их творить всякую неизведанную гадость на безымянной земле. Однако после того, как увидел одежды на нас, всерьез начал задумываться над правдивостью излюбленного Баркли варианта.

Сора очень внимательно осмотрела сначала себя, а затем меня. Она хмыкнула и озадаченно прикусила губу.

— Что ж, эта одежда определенно странная. Странней, чем театральные постановки Баркли с двойным смыслом.

Я поддержал «Бету», взглядом окидывая вид, открывшийся перед нами.

— Да... А окрестности этой деревни более пугающие, чем разрушенные дома Омбры.

Домушки Виндо разительно отличались от построек других деревень и мелких городов Кастры. Они имели странную и, повторюсь, пугающую архитектуру. Дома представляли собой большие капсулы с окнами, были совершенно одинаковыми по цвету и форме, только чередовались — одна капсула белая, другая красная, третья ярко-зеленая и так далее по кругу. Постройки отличались различными... необычными украшениями в виде оленьих рогов и черепов, совиных перьев, волчьих клыков и фиолетовых камней. Непонятно, для чего предназначались данные трофеи и почему были выбраны в качестве декора. Я подозревал, что здесь имелся достаточно глубокий и загадочный символизм, но не мог это доказать самому себе. Просто подмечал, что пока теория Айзека действительно казалась более логичной в условиях особенностей этой деревни.

— Я как будто во сне при высокой температуре, — добавила Сора, всматриваясь теперь в улицы Виндо.

Я тревожно сглотнул, но постарался добавить нашему неудобному диалогу чуток неловкого оптимизма:

— Что ж... это новый регион, аутентичный, со своими архаичными чертами... Индивидуальный... Выбрались ли мы просто так посмотреть на Виндо, если бы были в лагере? Думаю, это нужно воспринимать как шанс прикоснуться...

— К великому рождению новой расы Кастры! Это абсолютно точно!

Меня перебил незнакомый голос, доносящийся сзади. От столь неожиданной реплики я впал в маленькое оцепенение, в то время как Сора вздрогнула и повернулась на источник звука, бесцеремонно выпалив:

— А вы ещё кто такой?

Я обернулся вслед за Сорой и изумление холодком обдало все мое тело.

Напротив нас стоял молодой и красивый мужчина. Под черной длинной шинелью скрывалась военная форма травянисто-болотного цвета с неоновыми зелеными линиями вдоль кителя и брюк. На голове у него была фуражка под цвет формы, на которой сверкала эмблема с изображением оленьего черепа с рогами. Форма явно не принадлежала армии Кастры... Скорее она являлась оригинальным одеянием именно деревни Виндо.

Позади парня стояла небольшая толпа людей с блестящими распахнутыми глазами и широкими, слегка безумными радостными улыбками. Они были одеты почти как мы, только символы с черепами лесных животных и мировых рун присутствовали на каждом сантиметре одеяний в виде вышитых узоров. Даже на женских косынках и мужских кепках красовались очертания этих треклятых черно-белых рогов, которые, если честно, уже не на шутку тревожили меня. Зачем такое обилие столь пугающих рисунков? Походила вся эта коллективная одежда на... образ секты. Конечно, надеюсь, мне лишь казалось.

— Меня зовут Ульрих, - мужчина в военной форме снял фуражку и галантно поклонился. Хитрая ухмылка не сходила с лица, а голос звучал крайне задорно. — Я комиссар деревни Виндо, слежу за порядком и исполнением заветов и законов нашей чудесной обители. Позади меня жители, которые, можно сказать, делают чудеса каждый день. Все мы объединены одной целью - создать новую мощную расу Кастры, целую цивилизацию, которая могла бы, не побоюсь данного слова, заменить старый люд этой планеты. С большим радушием, счастьем и честью встречаем Вас! Добро пожаловать в деревню Виндо, Комитет антропологии Дель-Темпо!

Я оказался немного ошарашен. По очень многозначительному выражению лица Соры можно было понять, что она пребывала в том же состоянии, что и я. Похоже, эти жители ошибочно решили, что мы являемся членами Комитета антропологии, которые наверняка накануне хотели наведаться в Виндо для изучения... проекта ее обитателей? По правде говоря, я точно не знал, что делать и что говорить, ибо совершенно не разбирался в антропологии, а уж тем более в создании новых цивилизаций. Однако ж признаваться, что мы во всех смыслах чужаки – не вариант в условиях закрытой тоталитарной деревушки, населенной странными жителями и усыпанной тревожными символами. Легче было хотя бы на некоторое время притвориться тем, кем мы не являлись, чтобы виндовцы доверились и затем вывели на Конрада. Так определенно лучше...

Я забрал руки за спину, еле заметно наступил Соре на носок и, задрав голову, важно начал говорить:

- Да-да, мы тоже рады приветствовать вас, господин... Ульрих, - имя звучало для меня непривычно, потому сначала чуть замялся. – Кхм... И что же за создание новой цивилизации, о которой вы говорите с таким благоговением? Что из себя представляет данный проект?

Сора быстро смекнула, что мы вновь разыгрывали спектакль.

- Да, очень интересно узнать подробней.

Ульрих спокойно кивнул, поправил волнистые пшеничные волосы и, сверкнув зелеными глазами, подал жителям знак рукой.

- Я проведу вам небольшую обзорную экскурсию по деревне и самым значимым ее объектам, а виндовцы будут сопровождать вас, и потом мы последуем на пир в честь вашего прибытия.

Нам не осталось ничего, кроме как покорно согласиться и сделать вид, что мы очень важные и желаем разузнать все от корки до корки про их странный проект.

Пройдя вглубь Виндо, мы заметили, что деревня эта была довольно просторной и вмещала в себя достаточное количество домов. Она обладала большими садами, просторными полями и огородами. Ульрих поведал, что население Виндо составляло десять тысяч кастровцев с небольшим, а это было весьма нехило для данного населенного пункта.

На местности Виндо росли необычные цветы и плоды, самые разные: светящиеся, зубастые, малюсенькие и исполинские, пестрые и блеклые. Кажется, в Кастре таких растений отродясь не существовало. Да и украшения у жителей здесь были будто неземные: статуи горгон, механические птицы, стеклянные рыбы... Каждая капсула напоминала станцию с исследования неизведанного, и это в ходе рассказов Ульриха стало правдой. Жители здешней деревни и впрямь были одержимы одной идеей - создание новой внекастровой расы. Они буквально жили ради этого...

- Мы добываем с разных уголков Вселенной всяких диковинных созданий и проводим эксперименты над ними, скрещивая одно с другим, - рассказывал неспеша Ульрих, валяжно вышагивая по улочкам Виндо. - Мы хотим добиться идеального результата, который мог бы уничтожить нас – бывалых устаревших кастровцев. Само собой, мы хотим достаточно внушительную цивилизацию, поэтому стремимся создать сразу несколько видов.

- И что, получился кто-то? – надменно и строго спросила Сора, поправляя козырек.

- Обижаете, госпожа Иназуми, - усмехнулся комиссар, обращаясь к «Бете» по незнакомой фамилии. – Мы куем эти расы полсотни лет, и, конечно, у нас уже есть результаты. К примеру, из ангела и призрака мужчины-утопленника вышло хорошее скрещивание, породившее вид гостморфов. Они имеют мощные крылья, но невидимы, что делает их одними из сильнейших

представителей Nuovo Castrum. Удалось скрестить так же демона и балтов – получились милотидные светящиеся создания, способные сжигать целые деревни.

Я опасливо сглотнул, но не подал виду.

- Впечатляет... - смог лишь выпалить, представляя монстров, которых создали виндовцы.

- Однако мы не останавливаемся на достигнутом и продолжаем изо дня в день пробовать все новые и новые скрещивания, - горделиво Ульрих повел пальцем, а затем указал на ближайшие капсулы, из которых шел фиолетовый свет. – Сегодня мы представим уважаемым членам Комитета антропологии свежие образцы и поделимся перспективами на дальнейшие порождения Nuovo Castrum. Следуйте за мной.

Далее нас поводили по нескольким домам, которые и впрямь являлись целыми лабораториями. Жители Виндо наплевали на собственные заботы и пристрастия, в капсулах не находилось ничего напоминающего бытовые вещи: ни столов с едой для семьи, ни уютных спален, ни ванн, где друг на друга навалены банки и бутылки с банными принадлежностями. Лишь комнаты для опытов с пробирками, трубками, капельницами и образцами новых рас. Напоминало это все Институт Времени, который мы видели в прошлом...

Виндовцы не думали ни о чем другом, кроме как о создании все новых видов кастровцев. Они гордились выведенными монстрами и заботились о них больше, чем о собственных детях, которые, впрочем, с пеленок дружили с выведенными мутантами и называли братьями и сестрами.

- А это прагмадруид, - Ульрих взял одного из малышей у молчаливой закованной матери, напоминавшей деревянную фигуру, - помесь прагмадуса и древоморфа. Он умеет шить сны и закреплять их в дереве. Удивительные способности, правда? Ни один плазмид, выведенный современными учеными, не способен на подобное.

Пока ученый житель Виндо упивался похвалой, мать печально, почти горестно оглядывала ребенка и нас. Видно было, что она крайне измучена и жаждет свободы. Как только Ульрих крутил перед нами ребенка подобно живому экспонату, глаза древесной женщины наполнялись яростью. Я не переставал думать о том, что здесь происходит какой-то кошмар под видом невероятных генетических достижений.

- А вы берете только клетки от родителей? – спросил я с прищуром.

Мать прикусила древесную губу аж до смолы, а Ульрих широко улыбнулся.

- Конечно, - заверил он. – Сначала наблюдаем за здоровьем пациентов, кормим их самой лучшей дичью, а потом уже только извлекаем образец ДНК.

- Дичью?.. – уточнила Сора, приподняв бровь. – Все расы здесь у вас едят дичь?

- Звери особенные в лесах Виндо, - хихикнул Ульрих. – Их мясо придает жизненные силы и наделяет невероятными возможностями. Испытуемым мы чаще всего даем в пищу оленей. Однако их трудно поймать – здешние звери хорошо прячутся и умеют бороться за свою жизнь. Охотой на оленей занимается лишь один человек, истинный профессионал своего дела – Конрад Яген.

Мое дыхание тут же сбилось, как только услышал это имя. Сора же ощутимо вздрогнула и сжала ладони в кулаки.

Я тут же подошел ближе и торопливо поинтересовался:

- А мы можем познакомиться с ним?

«Бета» меня поддержала.

- Все-таки не последний человек в вашем проекте, господин Ульрих.

Комиссар таким вниманием к персоне Конрада оказался не совсем доволен. Он вздохнул и закатил глаза. Мы слишком поспешили.

- Это еще успеется, - кинул Ульрих и развернул нас. – Я обязательно познакомлю вас со всеми людьми, которые помогают в создании новой цивилизации. Но время близится к ужину,

а вы еще не ели! Предлагаю небольшой отдых и самостоятельную прогулку по Виндо, а потом я позову вас на пир в трапезную в честь приезда.

Как уже было ясно, отказ не являлся вариантом, поэтому мы послушно вышли на улицу, начав пастись по приказу Ульриха. Создалось ощущение, что не мы, «члены Комитета антропологии», были авторитетом, а сам комиссар, который безостановочно приказывал, что и как нам делать, на что смотреть и куда идти. О нас не заботилось даже местное деревенское самоуправление, только Ульрих... Интересно, оно вообще здесь было, или единственным органом власти являлся комиссар? Мой вопрос пока оставался без ответа.

Впрочем, делать было нечего, да и желудок уже бурлил. Мы не ели еще с Омбры, и потому ободряющая прогулка на свежем воздухе, а затем знатный ужин казались заманчивыми на фоне происходящего сюрреализма.

Мы с Сорой еще немного побродили по окрестностям Виндо, затем решили прогуляться по лесной опушке. Прохожие рассказали, что там находились качели, на которых можно покачаться и отдохнуть.

Лес не сочился дружелюбием и природным спокойствием. Темные густые ели почти закрывали дневную звезду, из-за чего создавалось ощущение надвигающейся мглы. В глущине пугливо трепетали птицы и фыркали кролики. Шуршали кусты и мелкие лиственницы – кажется, это прятались олени. Очертания рогов виделись нам в этой тусклой вечно зеленой обители. Сердце неосознанно отбивало кульбиты, и я словно чувствовал себя жертвой, которая была на прицеле у охотника...

Однако качели находились на довольно светлом участке опушки, открывался хороший живописный вид на холмы и Виндо среди них. Пестрота цветов и ягод, растущих на поляне, немного расслабили меня, и я постарался поддаться потихоньку находящему умиротворению.

Сора в это время скромно присела на качели. Я спросил:

- Хочешь, покатаю?

«Бета» взглянула на меня, и во взгляде промелькнула еле заметная искра нежности.

- Давай, - быстро согласилась она и взялась за цепочки.

Я принялся не торопясь покачивать Сору, наслаждаясь внезапно накотившим жизненным замедлением. Несмотря на отрешенную тьму леса, я думал только о хорошем. Сора, умиротворенно облокотившаяся на спинку качелей, напоминала о детстве. Что-то теплое густой патокой разливалось внутри.

- Знаешь, почему я переживаю за тебя? – вдруг подала приглушенный голос «Бета», смотря куда-то вдаль.

- Почему?

- Ты мой единственный близкий человек, - Сора слегка сжала цепочку. – Единственная родственная душа в этом мире, один лучший друг... У тебя вот кроме меня сто процентов есть еще и отец, а вот я... Без тебя я полностью одинока. У меня никого нет ни на Кастре, ни в этой Вселенной в целом. В детстве я не представляла, что могу потерять тебя. Мне всегда казалось, что это невозможно. Но сейчас... Вдруг я и вправду останусь одна? Что мне тогда делать в этом враждебном мире, где каждый человек – чужой?

Пронзенный такими рассуждениями Соры прямо в сердце, я сглотнул и прикусил губу, спросив:

- Откуда у тебя такие мысли? Я никуда не пропаду.

«Бета» повернулась ко мне.

- Эдвин, ты вся моя жизнь, и я очень боюсь остаться в одиночестве. Раньше я... боялась это сказать из-за чужих ртов и ушей в лагере, но сейчас говорю абсолютно искренне, со всей решимостью, что у меня есть. Поэтому... не бросай меня. Однако если... Со мной случится какой-то сбой, то лучше убей меня, но сам останься жив.

Мои руки задрожали, а сердце заколотилось очень быстро, потеряв всякий ритм. Чувства начали жечь в груди, но я смог сказать только одно:

- Не говори ерунды, Сора. Со мной ничего не случится и с тобой тоже. Все будет хорошо.
- Пожалуйста, скажи, что тоже мной дорожишь.

Щеки предательски покраснели. Наверняка у меня был глупый смешной вид.

- Конечно, я тобой дорожу! Очень...

И тут лицо подружки украсила маленькая улыбка.

- Хорошо, - она осталась довольна ответом и вновь обернулась к холмам.

Спустя некоторое время нас позвали на ужин. Ульрих лично проводил в просторную трапезную и уселся есть сам среди других жителей. В своей уже привычной горделиво-усмешливой манере он произнес:

- Угощайтесь, уважаемые члены Комитета. Это наш подарок в честь вашего приезда.

На столе и вправду лежало много различных яств, точнее, я бы сказал... мяса. Тут как будто собрали весь лес: крольчатина, утка, индейка, свинина и, конечно, много, очень много оленины. Она была даже в немногочисленных салатах среди капусты и огурцов. Посередине еще и лежали трофейные рога, словно приглашая к... какой-то порочной и темной трапезе. Честно, желания употреблять это все не было. Слишком уж давила атмосфера ужина и обилие оленьего мяса, которое так ярко почитали виндовцы.

Но Сора, продолжая подыгрывать жителям, взяла нож с вилкой и отрезала кусок мяса. Мне пришлось сделать то же самое. Реакция виндовцев была крайне радостной, даже чересчур. Они буквально наблюдали за каждым движением наших ртов, точно проверяя, проглотили ли мы священное мясо оленя. Холодок жути прошел у меня по спине, ибо поведение комиссара и жителей становилось все более странным и тревожным. Уже хотелось поскорее закончить с этими лживыми формальностями и найти Конрада... Но до сего, кажется, нужно было пережить ночь.

Вскоре наступил вечер, и нам с Сорой выделили небольшую капсульную хижину для ночлега. Само собой, всю в оленьих символах и рунах. В комнатухе с парой кроватей нас уже ждали рога и настенный рисунок с неким божеством в окружении оленей. Неприятное зрелище, да еще и гроза за окном начиналась, а желтый свет фонаря бросал странные тени. Мне было уже совсем не по себе, но я старался не подавать виду, думая лишь о том, как защитить Сору в случае чего. А то что она все обо мне переживала...

«Бета» не стала переодеваться в домашнее, а легла прямо так. Только козырек и перчатки сняла, остальное осталось при ней, катана в том числе, подобная мягкой игрушке рядом. Я решил последовать примеру подружки и положил нож под подушку.

- Страшно, да? – поинтересовалась Сора, посмотрев на меня.

Я кое-как сглотнул.

- Есть такое.

Она повернулась на бок и подперла щеку рукой.

- Помнишь, Айзек рассказывал о мифологиях разных народов Вселенной? Он упоминал злых богов и духов, имеющих олений облик. Был еще такой... как его... *Кернунн*. Злой дух с оленьими рогами и копытами. Как думаешь, он как-то связан с Виндо?

- Возможно, и да... - я опасливо провел рукой по рисункам на стене. – Да и эти... монстры, которых они создали... бедные, измученные иномирцы... И эта одержимость Ульриха уничтожением расы кастровцев, мягко говоря, пугает... Дьявольщина какая-то.

Сора глубоко вздохнула и плюхнулась на подушку.

- Что ж, если что, у нас есть оружие, магия и сила, полученная из эманаторов. Мы стали сильнее, а соответственно, никакие духи нам нипочем... Ну, кроме Хроноса. Но это пока. Что думаешь?

Слова «Беты» в который раз вселили надежду, и я даже захотел спать, протяжно зевая.

- Думаю, что ты как всегда права, - ответил сквозь зев. – Ночь-то уж точно переживем.
- Спокойной ночи, соня, - со стороны Соры послышался короткий смешок, и затем она повернулась на бок. – Ты мило зеваешь.
- Э-эй, - щеки вновь загорелись, и я тоже отвернулся, боясь, что подруга увидит мое смущение.
- Пускай тебе снятся хорошие сны в этом хаосе, - напоследок пожелала «Бета» и замолчала. А мои глаза потихоньку начали слипаться.

- Испытуемая №777, Ванесса Керубс... Вы готовы к тесту на чувства? Он не займет много времени, вам нужно будет всего лишь ответить на некоторые вопросы.

Голос Джеймса отдавался эхом в просторной, стерильно белой комнате. Здесь был только стол, сам О'Хара и Ванесса... Удивительно, но не было ни камер, ни обзорного окна с односторонним видом. Лишь диктофон, стоящий на столе, регистратор измерения внутриглазного давления и стрелочные индикаторы, фиксирующие физическую реакцию испытуемого на различные вопросы.

Мисс Керубс сидела спокойно, сложив руки. Она разглядывала медленно Джеймса, и зрачки были чуть расширены, что, впрочем, на регистраторе показывалось как норма относительно показателей, данных Хроносом.

- Да, готова, мистер О'Хара, - коротко произнесла Ванесса.

Очевидно, это был тот самый «Эмоциональный тест», разработанный Бабет Холлоу, однако пока без автоматической камеры со всеми встроенными регистраторами и индикаторами, а также без повторяющихся фраз. Ванесса проходила его первой, нужно было поверить, насколько она изменилась за время эксперимента, насколько стала похожей на прототип хрон... И Джеймс начал проверку:

- Из заброшенного дома исходят подозрительные сигналы, напоминающие знак помощи. Что вы сделаете в таком случае?

С началом теста Ванесса стала предельно умиротворенной и безэмоциональной. Она уверенно смотрела прямо на Джеймса.

- Пройду мимо. Если дом заброшен, то электричество неисправно.

- За ужином вы едите мясо, но затем вам говорят, что оно сделано из человека. Ваши действия?

Зрачок был стабильно слегка расширен. Ванесса сказала:

- Просто перестану есть.

- В жаркую погоду к вам на руку сел шмель. Что вы сделаете?

- Убью его.

- Под кроватью мужа вы находите журнал с изображениями для взрослых. Ваша реакция?

- Смотря что изображено.

Джеймс изогнул бровь.

- В плане?

- Если женщины, значит, с ним все в порядке. Если мужчины, то следует отвести его к психологу. Если животные или дети – к психиатру.

О'Хара что-то записал в блокнот и нахмурился.

- Нестандартный ответ.

Зрачки Ванессы чуть сузились.

- Что там дальше?

Джеймс сглотнул.

- Вы узнаете, что ваш начальник думает о плане по захвату мира. Ваша реакция?
- Ох, это прямо про Хроноса.
- Что?

Ванесса наклонилась вперед к ученому. Она зашептала:

- Хронос подчинил себе определенных людей с помощью хронопультаторов, чтобы они плясали под его дудку. Он планирует апокалипсис на нашей планете, а затем разрушение временного континуума всей Вселенной.

Джсеймс побледнел и отключил запись.

- О... о чем вы?

Ванесса продолжала уверенно говорить.

- Хроны... станут его оружием, а пультаторы напитывают Хроноса и возвращают ему силу. Мы не должны допустить этого. Надо создать сферы, противоположные хронопультаторам – эманаторы. Пока что у меня все на уровне разработки, но, думаю, вы, мистер О'Хара, сможете мне помочь в их создании.

Джсеймс прикусил губу и сжал блокнот.

- Так, давайте все по порядку с начала. Но прежде вопрос... Почему именно я?

Ванесса улыбнулась уголками губ.

- Вы мне... симпатичны.

Глава 15

Глава 15. «Охотник и жертва»

Я проснулся в холодном поту от какого-то странного молниеносного шума. Раскрыл быстро и несуразно глаза и увидел, как в комнату зашла Сора, хлопнув дверью. Она вытирала намокшее вместе с челкой лицо махровым серым полотенцем, ранее лежавшим у ее тумбочки. Окно было открыто и потому создался сквозняк, яростно закрывавший двери. На улице было светло, но пасмурно, редкое мерцание дневной звезды проскакивало в комнату и оставляло оранжево-белые следы на деревянных стенах. Кажется, в Виндо настало утро.

- Прости, что напугала, - произнесла Сора слегка виновато, глядя на меня и невесомо касаясь полотенцем шеи. – Я ходила умываться и открыла проветрить. Не думала, что наделаю столько шума.

Я восстановил дыхание и откинулся на подушки.

- Ничего. Все в порядке.

- Ты весь потный, - констатировала факт «Бета» и села на край кровати. – Плохой сон?

Я сжал простыни и прикусил губу. В моменте даже стало больно.

- Не плохой, скорее... Странный. Похожий на воспоминание. Видимо, я стал их видеть даже вне космоса.

- Ты снова увидел родителей? – поинтересовалась Сора.

- Маму и мистера О'Хару, - ответил я, поворачивая голову на бок. – Он проводил на ней тест на эмоции и эмпатию. Мама отвечала подобно хроне, а потом заговорила о злых планах Хроноса и призвала Джеймса помочь ей. А еще призналась, что он ей симпатичен.

«Бета» хмыкнула.

- Очередная улика, доказывающая, что Джеймс может быть твоим отцом.

Я сглотнул.

- Я... тоже думаю об этом, но нужно для начала выйти на связь с мистером О'Харой. Я хочу с ним поговорить об этом.

- Думаю, он подключится после получения третьего эманатора, - Сора глубоко вздохнула и затем перевела взгляд на окно. Она неожиданно промолвила: - А я ночью видела Ульриха. В лесу. В грозу и дождь.

По телу тут же пробежались мурашки.

- Что он, черт возьми, делал там в такое время?..

- Где-то в три меня разбудил гром, и я решила попить воды, а заодно дело не в дело взглянула на ночной лес, - начала рассказывать «Бета», - и увидела Ульриха. Сначала он мило разговаривал с пустотой, потом начал неестественно корчиться и выгибаться. Прямо перед ним откинулась чудесным образом мимо пробегающая косуля, и Ульрих принялся разрывать ее голыми руками. Я закрыла шторы до того, как он обратил внимание на нашу хижину.

Я краем глаза вновь зацепился за рисунки на стенах, и мне стало дурно. Тошнота подступила к горлу.

- Это уже реальная чертовщина, - просипел я. – Тут явно что-то не так, и все эти эксперименты... Может, все виндовцы сами монстры и делают подношения своему верховному злому богу?.. Как его... этому... Кернуну.

- Очень может быть, - Сора подошла к своей кровати и принялась надевать козырек. – Находиться здесь крайне опасно. Не представляю, как мы сначала дотянем до трагедии Конрада, а затем во второй раз будем пытаться исправить ситуацию.

- Интересно, какая именно у него трагедия, - я истерично усмехнулся, вставая с нагретой постели. – Может, она заключается в том, что Конрад не смог стать верховным жрецом какой-нибудь инопланетной твари?

- Надеюсь, нет, - Сора слегка сжала зубы, - иначе я не знаю, как исправлять его судьбу.

- Я тоже.

- О чем болтаете?

В дверном проеме, словно огромный и темный хищный призрак, возник Ульрих. Он уже по обыкновению стоял прямо и с руками за спиной, в этой своей зеленой форме, натянувший на лицо безумно радостную улыбку. Однако все же некоторые изменения произошли с комиссаром за ночь: Ульрих слегка подергивался, кожа его посерела, а меж губ виднелись острые зубы. Меня это очень насторожило, но я постарался не подать виду. Наверняка такие непонятные твари как он чувствовали страх.

- Доброе утро, уважаемые члены Комитета, - не услышав наш ответ, комиссар поздоровался первым. – Как поживаете? Уже позавтракали? Сегодня будет насыщенный и важный день нашей экскурсии.

- А что на завтрак? – очень буднично спросил я. – Мы еще не ели.

Ульрих натянул улыбку до ушей.

- Тосты с тонко порезанными кусочками оленины. И, само собой, кофе с бисквитом.

- Пожалуй, мы немного отдохнем от оленины и попробуем ваш кофе, - поспешила отказаться от очередного употребления застрявшего в зубах мяса Сора.

Ульрих не ожидал такого ответа, и тень недовольства промелькнула на его лице.

- Уверена, ваши бисквиты не менее вкусные, чем мясо оленя, - заверила тогда «Бета».

— Что ж... это верное предположение, — цыкнул комиссар, вновь натянув улыбку, но уже более мелкую и не совсем искреннюю, а скорее такую, вымученную.

На что он обиделся? На то, что мы отказались употреблять лишь мясо оленины второй день подряд? Что бы это за жест ни был, мне стало немного все равно, учитывая, что живот крутило из-за проклятого мяса. Возможно, от атмосферы Виндо, а возможно, из-за того, что, может, оленина была какая-то не такая... Какая-то другая. Может, рогатые и вовсе здесь были больны.

Ульрих отвел нас на завтрак все в ту же трапезную, где за столом собралось значительно меньше жителей. Комиссар объяснил, что почти все они были заняты на своих иномирных фермах, и остались на завтрак лишь самые приближенные.

Пока странные побледневшие виндовцы за обе щеки уплетали оленину, мы с Сорой ковыряли бисквит и хлебали кофе. Десерт оказался действительно недурным, пропитанным шоколадом и ванильным сахаром. Кофе, однако ж, был более пресный, чем у нас в Лагере, но вполне употребимым. Всяко было лучше, чем священное мясо.

Но жители такой точки зрения не оценили. Все время завтрака они крайне осуждающе на нас смотрели, уже не было на их лицах улыбок. Только оскал и разинутый рот, пожирающий убитого животного. Честно, после таких взглядов хотелось помыться и, как ни странно, помолиться.

На Кастре не было столь сильного культа Бога, как на Земле. Мы больше верили в местную науку и способности, которые она давала. И до поры до времени в Хроноса. Однако бывали моменты, когда не хватало веры в некое доброе и справедливое Высшее существо, которому можно выговориться через молитву и у которого можно было попросить спасения или хотя бы душевного спокойствия. Я немного завидовал людям из прошлого, которым помогала вера в Бога настолько, что они могли с помощью нее переживать любые невзгоды и сворачивать самые неподвижные горы. Иногда я чувствовал себя неполноценно и одиноко без присутствия Всевышнего рядом, однако и не имел возможности познать Его суть, ибо о религии нам рассказывали в общих образовательных чертах. Да и то, часто ввали о некоторых событиях, чтобы

очернить образ Троицы на фоне Хроноса. Я понял это в течение нашего путешествия и сейчас пожалел, что не знал ни одной молитвы. В этой деревне явно правил сам Дьявол.

Слава Богу, в целом, завтрак прошел неплохо. Осталось ещё пережить следующие 13 часов в Виндо в обнимку с изменившимся Ульрихом. Немного заставило выдохнуть то, что он снова заулыбался и зардовался, заговорив о каком-то грандиозном проекте-дочерней *Nuovo Castrum*, ведя нас куда-то в другой конец деревни.

— Сегодня я хочу показать Вам, уважаемые члены Комитета, самую важную и грандиозную испытываемую единицу во всей Виндо, — даже задыхаясь от восторга и предвкушения, молвил Ульрих. — Пожалуй, это лучший выведенный образец *Nuovo Castrum*, сотканный из генов нечестивой друиды и демона. Она больше всего удовлетворяет запросы Виндо и претендует на доминирующий вид расы. Пока что это единственная единица, с которой планирует размножение «бывалый» виндовец. А это значит, что раса с кровью такой великой и могущественной деревни захватит остальную Кастру, что приведет к бесконечному развитию и процветанию нашей планеты. Здорово, правда?

Сора, до этой реплики смотревшая под ноги, внезапно подняла взор и нахмурилась. Я же прикусил внутреннюю сторону щеки. Мы оба вновь заподозрили странную чертовщину, и в этот раз ею являлись именно смелые разговоры Ульриха про доминирующий виндовский вид, что затмит всю Кастру. Разве при членах Комитета антропологии из Дель-Темпо комиссар не должен быть осторожен в своих высказываниях? Что-то он потерял все границы, и это пугало. Не менее сильно настораживали и фразы про невероятный экспонат, скрещенный аж с нечистью и демоном. Опасное сочетание, с которым ещё и хотел какой-то смельчак породить детей. Я был уверен, что такие планы не приведут ни к чему хорошему. Но в отличие от Ульриха мы просто молчали.

— Как ее зовут? — прозвучал единственный вопрос от Соры.

Ульрих словно сначала смаковал на языке имя подопытной, а потом, будто ощутив его каждой частичкой тела, сказал:

— Ее зовут Ингрид, и она очень красивая. Сейчас сами все увидите.

Комиссар, наконец, остановился у какого-то старого амбара, совершенного отличавшегося от обычных капсул Виндо. Он был железным и закованным со всех сторон, окруженный забором и датчиками движения, а также камерами. Строение напоминало тюрьму, в которой держали будто Левиафана, ни меньше. Кажется, этого монстра в целом и не выпускали наружу, учитывая обилие цепей и крепость заборов. Я невольно пошатнулся назад, но было уже поздно.

Радостный и благоговейный, Ульрих быстро зашел на территорию и принялся вводить коды на многочисленных замках и дверях. Но счастье как-то постепенно сошло на нет. Блаженная улыбка исчезла с уст, как только он спокойно открыл незапертые и незакодированные двери, разблокированные ранее уже неким гостем, прошедшим на территорию «королевы *Nuovo Castrum*». Вновь состроив недовольную гримасу и не сдержав гневный тремор в руках, комиссар пулей ворвался в железный амбар. Нам осталось лишь последовать за ним, перешагивая через цепи различной толщины.

В помещении действительно находилась монструозная девушка, закованная в кандалы. На ее голове находились большие оленьи рога, вместо ног были копытца, и все тело оказалось покрыто белыми пятнышками. Но создание и впрямь обладало внеземной красотой: бледная блестящая кожа, длинные небесно-голубые волосы со светящимися прядями и большие черные глаза, в которых точно мелькало ночное небо. Девушка была круглолицая, с пухлыми губами и вздернутым носиком, но с достаточно худой фигурой. Кроме пледа, накинутого на плечи, на ней ничего не было. Это, видимо, и сидела Ингрид.

Рядом с ней находился молодой парень с грубыми чертами лица и сухими белесыми волосами. На нем была уже потрепанная и загрязненная когда-то белая широкая рубашка и

коричневые брюки с потертыми подтяжками. Сзади болталось двуствольное ружье, а из задних карманов выглядывали пачки патронов. В руках он держал какие-то тряпки, походившие на одежду – видно, принес для Ингрид. Некогда устремленный на девушку нежный взгляд сделался знакомо суровым, как только в помещение ворвался Ульрих. Это был никто иной, как Конрад Яген. Мы его нашли.

- Здравствуй, Ульрих, - поздоровался сухо Конрад. Ингрид тут же опасливо сглотнула и съежилась, прильнув к парню.

- И тебе привет... Конрад, - комиссар попытался умерить свой пыл, нервно поправив галстук и натянув вымученную формальную улыбку. – Кхм... что ты здесь делаешь? Это приватное помещение.

- Ты просил, чтобы я приносил мясо, добытое на охоте, Ингрид, - Конрад положил одежду рядом с девушкой и встал, отряхиваясь. – Я это и делаю.

- Я принял решение брать у тебя запасы и приносить их сам, - Ульрих сжал зубы. – И... что это ты ей принес? Одежду?

- Мне холодно, Ульрих, - вдруг подала тонкий охрипший голос Ингрид, укутываясь в плед. – Это я попросила Конрада принести хоть какую-то одежду. Плед не спасает.

От Ульриха будто послышалось утробное рычание.

- Ты же сама знаешь... Скоро ритуальная ночь, и тебе не понадобится никакая одежда. Она настанет буквально послезавтра!

- Ульрих, она женщина, а не животное для удовлетворения потребностей твоего бога, - Конрад закрыл собой Ингрид и подошел ближе к комиссару. – И уж если ты хочешь, чтобы она была полноценной частью общества Кастры, она должна жить в доме, одетая и сытая, и заниматься чем-то кроме размножения.

- Не указывай мне, что делать с Ингрид, - процедил Ульрих гневно.

Яген ответил не менее зло.

- Я же знаю, что ты задумал. Ты безумец, и вся твоя деревня одержима невесть чем.

Внезапно Ульрих... достал пистолет. Он приставил его к груди Конрада, смотря на него звериным взглядом.

- Делай, что тебе говорят, ублюдок, - шикнул комиссар, истерично надавливая дулом на грудную клетку Ягена. – Добывай дичь для новой расы. Стреляй, убивай и разделявай. И не вздумай втискиваться между мной и Ингрид! Усек?

Конрад стойко выдержал эту вспышку гнева комиссара. Он цыкнул, убрал дуло и подошел к нам.

- Молодец, убей меня на глазах людей из Дель-Темпо и докажи, что ты псих.

Услышав эти слова, Ульрих мигом убрал пистолет. Из-за накативших эмоций даже не с первого раза попал в скрытую кобуру. Потом он, заметив наши ошарашенные физиономии, улыбнулся. Снова. Но еще более безумно, чем во все прошлые разы. Ингрид вздрогнула, как только дрожащая в еле скрываемой злости рука коснулась плеча Ягена. Конрад хмыкнул, а Ульрих до одури мило произнес:

- Конрад, пожалуйста, займи уважаемых членов Комитета антропологии чем-нибудь, а мне нужно ненадолго остаться с Ингрид, - затем комиссар обратился ко мне и Соре. – Извиняюсь за свое... неподобающее поведение. Я вернусь к вам очень скоро.

Конраду не осталось ничего, кроме как вывести нас из амбара. Он вздохнул очень грузно и с такой глубокой печалью посмотрел на монструозную девушку, что у меня на сердце потяжелело. Видно было, что Яген не хотел разлучаться с Ингрид и тем более оставлять ее одну с этим... нечеловеком. Но дабы не пролилась ничья кровь, пришлось быстро ретироваться из помещения.

Конрад закрыл двери и повел нас по задней стороне деревни, где не было скопления дергающихся странных жителей и их суеты с новыми расами и оленями. Только природа, мол-

чаливый лес и редкое журчание ручейков. И, конечно, отдаленное фыркание притаившихся животных.

Не ожидавшие такой встречи и сцены, произошедшей в амбаре, мы сначала шли молча, наблюдая широкую спину с качающимся ружьем на ремнях. Потом, явно проглотив шквал эмоций, заговорил Конрад:

- Меня зовут Конрад Яген. Я охотник в Виндо. Преимущественно излавливаю оленей, так как больше никто из здешних егерей не может их поймать.

Мы, конечно, сделали вид, что впервые видим его и слышим это имя.

- Приятно, - сказала Сора. - Вы, однако ж, выглядите неестественно адекватным среди всех обитателей Виндо. С чем это связано?

- Я не из здешних краев, - спокойно ответил Конрад. - Несколько лет назад в моей родной деревне неподалеку отсюда неожиданно случился крупный пожар, и пришлось бежать в близлежащий населенный пункт. К сожалению, поблизости оказалась именно Виндо. Спустя время я догадываюсь, что мой дом могли поджечь именно эти твари, чтобы приманить народ в свою секту.

- У вас здесь есть кто-то из родственников? - поинтересовался я скромно.

Яген тяжело сглотнул.

- Я рос с дедом, но он погиб в этом пекле. Пришлось как-то выкарабкиваться самому. Но, как видите, здесь не очень получается.

- Как вам удалось не поддаться влиянию Виндо? - Сора нагнала Конрада, начав идти вровень с ним.

Яген завернул за угол, идя напрямик к отдаленной капсуле, на которой висели рога с надписью «Охотничья обитель».

- Охота спасла меня, - прохрипел он. - Я умел хорошо стрелять и выискивать дичь, а как поймал оленя - так меня сразу возвели в особый ранг тех, кому подчиняются эти животные, и не стали пытаться манипулировать сознанием. Считаю, это чистая удача. Хотя сейчас, как вы заметили, Ульрих уже подозревает, что я темная лошадка.

Я не выдержал и прямо спросил:

- Наконец, вы знаете, что здесь происходит? Это место, Ульрих, новые расы... Какая-то дьявольщина. Мы с моей коллегой подозреваем, что тут что-то неладное. Может, вы ответите нам?

Услышав вопрос, Конрад остановился перед дверью в свою лачугу и оглянулся по сторонам. В округе никого не было, кроме деревьев. Выдохнув, он открыл дверь и показал внутрь рукой.

- Пройдемте со мной.

Вскоре деревню вновь накрыл холодный ливень с грозой, и укрытие у Конрада пришлось кстати. У Ягена в доме имелся настоящий камин с дровами и розжигом, и он зажег его, а затем угостил горячим сбитнем из шишек. Мы наконец смогли ненадолго расслабиться и почувствовать уют, который уже давно к нам не заглядывал. В обители Конрада не было рогов и рун, только зеленые ковры, темно-красные кресла и аромат ели с клубничным джемом, намазанным на свежий хлеб. Где-то еще тихо непринужденно мурлыкало радио. Как будто и не в Виндо находился этот чудный дом.

- Эта деревня проклята, - но, к сожалению, Конрад рассказывал отнюдь не уютные вещи, - и уже давно. Виндо захватило Существо, стремящееся поглотить души кастровцев с помощью монстров, в которых заложена частичка его злой силы. Каждые несколько лет Существо выбирает последователя, который будет стараться воплотить его планы в жизнь: создавать новые немыслимые порочные расы, делать жертвоприношения и пытаться скреститься с демоноподобным существом, чтобы породить некий... аналог антихриста, лишь бы тот уничтожил Кастру. Ну или хотя бы ее часть. Имя Существо - Кёрнунн, и он выглядит как черный вурда-

лак с большими рогами, на которых повисли ошметки человеческой плоти. Он жаждет только крови и уничтожения нашего вида.

- Как я и думала, - сказала Сора, нахмурившись, - все вело к Кернунну.

Я же деликатно промолчал, запрятав мысль, что кроме Хроноса, оказывается, существовали еще угрозы на Кастре. Для меня это было в новинку.

- В нашем веке Кернунн выбрал в качестве своего посредника Ульриха. Он и заправляет Виндо, а также всем этим «проектом». Ульрих, по сути, ведет за собой сектанское общество, чтобы исполнить волю Существа. Кернунн же в знак благодарности наделит Ульриха невероятной силой. Злой по своей природе, конечно. И, к сожалению, у этого хитрого комиссара, в отличие от предыдущих пешек, почти все получилось – осталось лишь при полной луне слиться с Ингрид. И тогда... Бог знает, что будет дальше.

- Вы близки с этой девушкой, да? – спросил я, прикусив губу.

Пунцовый румянец покрыл щеки Конрада. Он скрестил руки на груди и отвел взгляд. В его застенчивых глазах начали отражаться язычки пламени.

- Несмотря на то, что сделана из генов нечисти и демона, она действительно... красивая и милая, - принялся медленно развяснять Яген с теплотой в голосе. – Ингрид отличается от остальных монстров. Она умная, добрая и понимающая, желающая постичь натуральную красоты Кастры, ее природу и суть. Ингрид не опорочена идеями Ульриха и Существа, она желает жить обычной жизнью здесь, на Кастре... У нас с ней похожие интересы и мечты. Я понял это за все то время, что заботился об Ингрид в тайне от Ульриха. И мы с ней хотим найти наше собственное счастье на двоих.

- Кажется, вы что-то задумали, - четко подметила Сора, изогнув бровь.

Конрад перевел взору на «Бету».

- Я хочу не дать Ульриху заполучить то, что хочет он и Существо, - зашептал сипло и загадочно Яген. – Мы с Ингрид хотим сбежать.

Я чуть не поперхнулся слюной.

- Кхм... и когда?

- Сегодня ночью, - быстро отчеканил Конрад. В его глазах не было и капли сомнения.

- И как же вы это сделаете? – Сора сжала в ладонях стакан с уже остывшим напитком. – Кажется, Ульрих дежурит в деревне каждую ночь. И он явно очень пристально следит за железным амбаром, в котором находится Ингрид.

- Я украл кое-что у жителей Виндо, - смело ответил Яген. – Знаю, не очень красиво, но это должно помочь нам с Ингрид сбежать.

Он достал из кармана брюк маленький бутылек с бирюзовой перламутровой жидкостью и протянул, чтобы мы могли получше его рассмотреть. На пузырьке была белая наклейка с надписью «Невидимость».

- Это новый плазмид, который жители получают с элементарной энергии некоторых монстров, - пояснил Конрад. – Через несколько часов я выпью его, проникну в амбар, дам оставшийся глоток Ингрид, и мы просто исчезнем. Ульрих никогда не сможет найти нас, даже если применит силу, данную Кернунном. Этот плазмид еще не настолько изучен, чтобы отследить его. А вам я советую уезжать и как можно скорее, ибо Ульрих разозлится и тогда... Может, уничтожит целую деревню. И вас вместе с ней.

Прогноз Ягена мне совсем не понравился. В целом, предложенный план тоже вызвал сомнения. Виндо стала эпицентром опасным оккультных событий, ее жители сошли с ума из-за одержимости иномирным существом, да и не было никакой гарантии, что новый для времени Конрада плазмид сработает идеально. Все-таки, как сказал охотник, он не был еще сильно изучен, соответственно о побочных свойствах так же не было известно, и кто знал, чем может закончиться дерзкий поступок Ягена. Судя по тому, что он в будущем сидит во Временном комитете, все закончится трагедией и получением хронопультатора.

Сора положила стакан на стол и облизнула губы озадаченно. Несмотря на то, что гостиную грел камин, от кончиков пальцы «Беты» шел холод.

- Вам не нужна наша помощь?

Конрад покачал головой.

- Не буду вас в это втягивать. Вы ведь невинные ученые, просто приехавшие на запланированную проверку. Просто расскажете начальству, чем здесь занимается Ульрих, и этого будет вполне достаточно. Дальше я сам.

Яген даже не подозревал, кем мы являлись на самом деле и как могли ему помочь... Но Сора же быстро смирилась с ответом охотника, зная, что в первый раз мы не должны вмешиваться в судьбу члена Комитета.

- Хорошо, мы уедем прямо сейчас, - произнесла она сухо.

- Спасибо за то, что просветили нас в эту ситуацию, - добавил я, желая закончить разговор на более позитивной ноте.

- Главное не оглядывайтесь назад и не тормозите, - предупредил напоследок Яген. – Сомнение и страх манят Существо.

Само собой, я и Сора никуда не уехали. Используя способности хрон, мы стали скрываться то меж домов, то в лесу. Из поля зрения жителей и Ульриха мы пропали, наконец став просто наблюдателями за развитием событий. Ночь сгустилась над Виндо неестественно быстро, и обитатели погасили всякий свет в своих домах, погрузив деревню в крошечную и хищную темноту. Только огни в капсуле Конрада остались тускло гореть. А комиссар вновь ушел в лес. Точнее нет... побежал на четвереньках. Глаза его стали черными, а рот наполнился острыми зубами. Но только это мы и смогли узреть. Ульрих быстро скрылся в гуще леса, издавая то самое утробное рычание, которое вырвалось у него еще днем.

Скрывшись за одним из домов, мы стали наблюдать за Конрадом. Сначала он просто сидел на кресле, свободно раскинувшись и будто дремля. Потом принялся рассматривать свое ружье, то и дело протирая дуло или проверяя количество патронов. В конце концов Яген достал тот самый пузырек, который показывал нам, и сделал пару больших глотков, оставив немного жидкости на дне. Через какое-то время его фигура полностью исчезла, будто дома никого и не было. Но шум, издаваемый Конрадом, был четко слышен нашему слуху, да и на мокрой земле, смешанной с грязью, оставались явные следы. Они шли напрямик к амбару.

Мы, крадись подобно мышам, проследили за следами вплоть до того самого дома, сокрытого за семью цепями и замками. Пустота в лице Конрада разблокировала все железные препятствия, и множественные двери открылись. В амбаре послышался восхищенный вздох – Ингрид поняла, что к ней заявился невидимый возлюбленный. Но рычание из леса стало доноситься ближе, и это наталкивало на определенные тревожные мысли.

Вскоре дверь снова открылась, и из нее вышли две пустоты, оставляющие пару следов – обычные человеческие и звериные. Яген вновь заблокировал все входы и выходы, создавая видимость того, что ничего не произошло. И затем, судя по звуку, взялся за руки с Ингрид. Они пошли в противоположную от деревни и леса сторону, к указателю какого-то небольшого города, находящегося в нескольких километрах отсюда. Судя по всему, пара намеревалась идти пешком или уже вдали от Виндо поймать попутную машину.

Внезапно из темного леса вышел Ульрих. Уже на двух ногах, в привычной форме, но ужасно бледный и с горящими безумными глазами. Он истерично посмеивался и бормотал что-то невнятное. Потом рука комиссара медленно поднялась, и указательным, испачканным в крови пальцем он начал показывать в ту сторону, куда шли невидимые Конрад и Ингрид.

- Вижу... - шептал он утробным голосом, - я вас... Ви-и-ижу...

- Черт... - выругалась Сора тихо, - их дело дрянь.

По моим плечам пошел холодок, а сердце неистово забилося. Я глядел то на пустоту, то на Ульриха, и внутри все невольно связывалось в тугую узел. Страх щекотал под ложечкой. Стало очень тревожно, будто я сбегал из сектанской деревни.

Невидимый Конрад явно почуял что-то неладное, и следы начали проявляться намного быстрее. В конечном итоге раздался активный шелест и шорох – пара перешла на бег.

Мое сердце вообще ушло в пятки, как только спустя несколько жалких мгновений Конрад и Ингрид... Вновь стали видимыми. Мы с Сорой теперь четко видели их фигуры: нервного Ягена, сжимающего ружье, и Ингрид, бежавшую в каких-то лохмотьях. Когда они поняли, что плазмид перестал действовать, то на лицах отразился нескрываемый животный ужас.казалось, что даже дрожь, окутавшая Ингрид, была видна, а сбитое сердцебиение Конрада слышалось за километр. Они на мгновение замерли, не зная, как поступать дальше.

А Ульрих засмеялся громко и рвано, почти истерично. Буквально умирая от жуткого хохота, он поднял голову и прикрыл лоб рукой. Однако горящий звериный взгляд все еще был устремлен на пару.

- Думали, сможете скрыться от меня? – начал орать комиссар не своим голосом. – Убежать, слиться с землей?! Не выйдет! Я найду вас везде, да даже достану из недр Ада, если понадобится! Ингрид, ты **принадлежишь мне!** А ты, Конрад...

Ульрих достал из кобуры небезызвестный пистолет и, направив его на Ягена вдаль, резкими шагами ринулся вперед. Сквозь утробное рычание комиссар воскликнул гневно и безумно:

- **Должен умереть!**

Конрад же крикнул:

- Ингрид, бежим!

Он слегка подтолкнул Ингрид под спину, чтобы она быстро набрала скорость. Девушка испуганно завизжала и бросилась бежать, только длинные бирюзовые волосы ее развевались на бешеном ветру. Конрад побежал следом за ней, держа оружие наготове. Нам тоже пришлось красться за ними, чтобы не потерять виду.

Погода же вновь резко испортилась. Пошел отвратительной силы ливень и загремела гроза прямо над Виндо. Ульрих, продолжая ужасно смеяться, ринулся за парой, начав быстро нагонять. Послышались оглушающие звуки выстрелов – комиссар принялся без остановки и разбора пускать пули то в Конрада, то в Ингрид. Яген же закрывал собой девушку и выпускал ответные выстрелы в Ульриха. В отличие от комиссара, охотник попадал точно в цели: то в грудь, то в ноги, то в живот...

Однако, к нашему ужасу, это совершенно не останавливало Ульриха. Рваные раны быстро затягивались, и на их месте оставались черные бурлящие пятна. Не знаю, в кого превратился этот комиссар, но на смертельные ранения ему было плевать... От них задор Ульриха только усиливался, и он все быстрее набирал скорость. Расстояние между комиссаром и парой беглецов все стремительней уменьшалось.

- Тебе никогда не убить меня, Конрад! – рычал Ульрих. – Я напитан силой священного Кернунна, и теперь для меня не существует смерти! Она есть только... для тебя!

Комиссар выпустил еще одну пулю, и на этот раз она попала в Конрада. Он шумно прокричал и свалился оземь. Ингрид тут же в ужасе остановилась и склонилась над Ягеном.

- Конрад! – она начала ощупывать его живот, и хрупкие руки оказались запачканы кровью – пуля попала прямо в живот. – Убери свои руки, дай мне тебя залечить!

Из рта Ягена пошла темно-красная вязкая жидкость. Он закашлялся, и глаза его начали потихоньку тускнеть.

- Беги... Ингрид... - только хрипел Конрад, - беги скорей...

Ингрид не успела и рывнуться, как ее за шею крепко схватил подоспевший Ульрих. Девушка начала кричать и биться, пытаясь выбраться из смертельной хватки, но комиссар

одним движением каким-то образом мгновенно лишил Ингрид сознания. Она стала болтаться в его объятиях подобно тряпичной кукле.

- Нет!... – Яген сквозь кашель и боль попытался дотянуться до Ингрид.

Ульрих зло усмехнулся и победно придавил Конрада ногой, спровоцировав еще более сильное кровотечение.

- Я же говорил, что не убежите, - точно выплюнул комиссар. Перед тем, как уйти с Ингрид на плечах, он сказал напоследок: - Спокойной ночи, Конрад.

И Ульрих, оставив Ягена умирать в муках, снова быстро удалился в лес. Конрад остался один, изредка кашляя и держась за живот. Спасения больше не было.

Но так, конечно, только показалось. Через пару секунд все живое замедлилось, даже силуэт Ульриха, идущего с бессознательной Ингрид. Капли дождя замерли в воздухе, а молния зависла между облаками. Струйка крови не успела скатиться по боку Конрада, она остановилась на полпути. Фигура в белом халате показалась поблизости. Само собой, это был Хронос.

Он подошел к почти бездыханному Ягену.

- Очень несправедливая, грустная и обидная ситуация вышла, - промолвил Альфред, склонившись над Конрадом и непринужденно закулив сигарету. – Однако стоило подкорректировать план, прежде чем рьяно исполнять его... Что ж... молодые есть молодые.

Конрад медленно нахмурился. Он не понимал, что происходит.

- Кто... вы?..

Хронос помахал визиткой перед умирающим охотником.

- Альфред Хронос, лучший управленец временем во Вселенной. И тебе несказанно повезло, Конрад. Я замедлил время, и оно дало тебе еще немного остатков жизни. Перестану замедлять – умрешь в ближайшие полторы минуты. Может, меньше.

Яген сплотнул, устремив озадаченный тусклый взгляд в небо.

- Вот как... Что ж, спасибо за лишние... подаренные... минуты...

- Ты же хочешь сбежать с Ингрид? Хочешь вам лучшей жизни? – начал заговаривать Хронос. – Хочешь, чтобы... *Ульрих сдох?*

Конрад, хоть и имел огромные трудности с речью перед смертью, ответил быстро:

- Да...

- Я могу подарить тебе жизнь с помощью хронопульсатора, - Альфред достал из кармана халата уже знакомую голубую сферу и протянул к грудной клетке Ягена, - а еще одарить возможностью менять время. С помощью этой способности ты сможешь повернуть судьбу на 180 градусов как угодно.

У Конрада не было сомнений, когда смерть дышала прямо в затылок и царапала спину своей длинной острой косой.

- Что... я могу... дать взамен?... – поинтересовался уверенно он.

- Взамен ты станешь моим помощником и будешь помогать в создании нового временного континуума. Станешь тренером моих солдат и всякое такое... Я думаю, ты согласен?

Яген кашлянул, и очередная порция крови выплеснулась изо рта. Что ему еще оставалось делать в такой ситуации?.. Мы бы все выбрали жизнь вместо смерти...

Конечно же, он согласился.

- Я... да...

Довольная широкая улыбка отразилась на лице Хроноса. Бедный Конрад не подозревал, что ученый окажется в стократ хуже Ульриха. Но пути назад уже не было.

Глава 16

Глава 16. «Изгнание темных сил»

Как только хронопультсатор проникнул в тело Конрада, то Хронос, продолжая улыбаться, исчез. Все вернулось на круги своя: полил дождь, забили молнии, а Ульрих быстро скрылся с Ингрид в лесу. Время вновь пошло в обычном и привычном темпе.

Но рана в животе Ягена перестала кровоточить, а начала постепенно зарастать. Охотник перевернулся на бок, сплюнул последние капли крови, а затем утер со рта остатки. Мучительная медленная смерть сменилась возрождением – Конрад остался жив, как и обещал Хронос. Только вот теперь... имели ли шанс выжить остальные? Чутье внутри и опыт прошлых путешествий во времени подсказывали мне, что без смертей все равно невозможно обойтись, когда ты владелец хронопультсатора.

Яген встал на ноги и поднял ружье с земли. Очухавшийся от недавней боли, весь промокший и грязный, он взглянул на темный лес. Глаза чуть ли не приобрели красный оттенок – они наполнились неистовым гневом. От тела будто пошел пар. Окровавленные руки сжались в кулаки. Сквозь плотно сжатые зубы Конрад произнес:

- Ты пожалеешь о том, что связался со мной, Ульрих Дальмайер.

Злость настолько переполняла лишенного возлюбленной Ягена, что он аж произнес имя комиссара целиком. Я прямо отчетливо чувствовал: быть беде и горю. Что Конрад мог натворить в таком состоянии, которое захватил его воспаленный хронопультсатором разум? Ничего хорошего, конечно...

На уровне подсознания, как это уже и случалось с другими членами Комитета, Яген принялся поворачивать время вспять. Мы, следуя его порыву, оперативно перенеслись назад вместе с ним.

Охотник вернулся в не совсем далекое прошлое – всего лишь на несколько часов назад, когда еще был дождливый вечер в Виндо. Кажется, тот самый момент, когда мы с Сорой якобы ушли из дому Конрада и затем «уехали» из деревни. Мы оказались под раскрытым окном обители Ягена за тюками сена и горой дров. Нас явно не было видно, поэтому я и Сора тут же принялись дальше продолжать наблюдение за его действиями.

Сначала Конрад ходил туда-сюда, точно не находя себе места или думая над повторным планом спасения Ингрид. Он залпом выпил тот самый сбитень из шишек, наверняка остывший, а потом подкинул дров в камин. Огонь разгорелся настолько сильно, что язычки пламени уже чуть ли не задевали ковры и кресла. Над камином стояла деревянная статуэтка единорога и три книги в черном переплете. Только свет пламени обдал всю комнату, Конрад обратил внимание на эти рукописи.

Тогда он взял одну из них – ту, что с синей эмблемой круга и меча, заточенного в нем. Рвано и с большим внутренним раздражением плюхнувшись на диван, Яген принялся просматривать книгу, яростно перелистывая страницы. На них мы увидели различные изображения рогатых и хвостатых существ, а также разные реликвии, имевшие некие сокрушительные силы. Когда промелькнуло изображение Кернунна, Конрад стал читать внимательней и уже больше ничего не перелистывал. Я предположил, что именно из этих книжек Яген так много знал про истинное лицо злого бога и его убийственные аппетиты. Осталось понять, откуда охотник добыл данные рукописи.

Рядом с изображением рогатого вурдалака находились эскизы совы и кинжала с патронами, омытыми темной жидкостью. Пока мы не понимали, что это.

- Серебро... - бормотал про себя Конрад с легкой ноткой одержимости, - кинжал или патроны... Омытые кровью только что убитой совы. С помощью этой комбинации можно... убить сосуда Кернунна навсегда, - он начал энергично глотать ртом воздух, прочитав последние строки. Яген добавил восторженно самому себе: - Это то, что мне нужно! Держись, ублюдок, твой конец близок...

Охотник кинул книгу в дальний уголок дивана и принялся рыться в деревянных ящиках и комодах, окружавших гостиную. В конце концов он нашел упаковку неких патронов. Достав парочку из коробки, Конрад жадно принялся их осматривать, точно проверять на подлинность. А патроны, перебираемые в его пальцах, действительно состояли из чистого серебра.

- Подходит... - выдохнул облегченно Яген, - осталась лишь кровь совы. Добыть легче легкого!..

Он взял ружье, зарядил его и неожиданно выглянул в окно. Мы кое-как успели пригнуться. Благо, движимый силой мести за Ингрид, Яген нас не заметил, а устремил свой взгляд только на хищный лес. Видимо, в его затуманенных глазах наши головы слились с сеном и дровами.

Оценив обстановку сгущающегося вечера, Конрад двинулся с ружьем в обнимку в лес. Он был настолько зол, что дуло чуть ли не гнулось в его руках, а изо рта норовила пойти пена. Это был уже не тот спокойный парень, который, подобно принцу, желал спасти свою принцессу от дракона и сбежать в лучший мир, а настоящий зверь, желавший только мести и убийств. Первое должно было вот-вот случиться.

У меня промелькнула мысль в голове: чем он тогда отличался от Ульриха? Наверное, лишь формой одержимости... Комиссар был сосудом демонического божества, а Конрад теперь сосудом для хронопульсатора. Что-то меня печалили подобные доводы.

Мы не стали идти вслед за Ягеном из соображений безопасности, а дождались, пока он вернется из леса. Все то время, что Конрад отсутствовал, с замиранием сердца вслушивались в каждый шорох, издаваемый елями. Не прошло и часа, как вдали раздался один оглушительный выстрел – видно, он успешно застрелил жертву, чья кровь должна будет омыть серебряные патроны. Спустя некоторое время охотник снова вернулся в свою обитель с пойманным трофеем – бездыханной величественной сипухой, которую он грубо держал за оба крыла. Деловито хмыкая, Конрад, ни на что и ни на кого не обращая внимания, прошел с тушей в гостиную и кинул ее на туалетный столик, за которым мы ранее перекусывали. К горлу подступила тошнота и неприятное ощущение мерзости.

Прямо на этом столике он разрезал бедную сову на части. Отовсюду потекла темная вязкая кровь, пачкая ковры и деревянный пол, находящийся под ними. Тут же на образовавшуюся лужу Яген насыпал серебряные патроны и действительно омыл их в этой жидкости. Патроны окрасились в красный, кровь точно въелась в каждый миллиметр, но серебряные внутренности остались при них, изредка поблескивая. Смертельное оружие для Ульриха было готово – в этот раз он не сможет регенерировать.

Конрад, уверенный в своей готовности и дальнейшем успехе, швырнул труп сипухи в окно. Останки птицы оказались почти под нашими ногами, и Сора невольно прикусила губу, явно сдерживая рвотные позывы, которые раньше репликантов и вовсе не мучили. Я же быстро отвернулся от ужасного зрелища и продолжил следить за Ягеном, который вновь зарядил оружие уже серебряными патронами, покрывшимися кровавой пленкой убитой совы. Ночь опять неестественно быстро сгустилась над Виндо, и Конрад стал готовиться к повторному выходу в лес для убийства Ульриха.

Спустя некоторое время мы снова увидели комиссара, бегущего на четвереньках вглубь елей и сосен. Яген это тоже заметил и стал выдвигаться за ним, крепко держа ружье в руках. Когда он закрыл дом и тоже постепенно исчез в лесу, мы с Сорой тихо покрались за ними обо-

ими, уже наплевав на безопасность. Нужно было обязательно проследить за шагами Конрада, чтобы понять весь ужас ситуации, которую нам потом придется исправлять.

Темные тучи продолжали ходить над Виндо, грозясь излиться очередным неприятным колючим ливнем. В лесу по ночам и так было непроглядно, а из-за грозовых облаков мгла полностью захватила эту область. Несмотря на то, что у меня и Соры было четкое и зоркое зрение, подобное орлиному, нам все равно было крайне сложно ориентироваться в вечно зеленом пространстве в столь темное время суток. Не видно ни зги – так можно было описать ночной лес Виндо.

Глаза кое-как привыкли ко тьме только спустя минут пять, и то было видно лишь немного ближайших троп и развилок. Благо, через несколько мгновений туманная фигура Конрада тоже чуть попала в наше поле зрения. Честно, я не понимал, как обычный человек мог ориентироваться в лесу лучше репликантов. В теории, Конраду, рвано двигающемуся и сбивающим все на своем пути, помогало лишь влияние хронопультатора и та самая огромная жажда мести, уже протаранившая его мозг. А Ульриха наверняка питала сила, данная Кернунном...

Но в конце концов мы, так же как и отчаянная пара виндовцев, полностью привыкли к темноте и уже искусно двигались меж деревьев, поспевая за каждым движением Ягена, не издавая ни звука. И как раз к моменту, когда зрение уже четко различало охотника и все тропы с елями, мы увидели фигуру комиссара. Конрад, видно, тоже заметил жертву и по-охотничьи бесшумно пригнулся над кустом, слегка высунув голову и, конечно, дуло дробовика.

Ульрих опять крайне мило общался с пустотой. Пространство рядом с ним слегка светилось, образуя какое-то бело-фиолетовое пятно. Чем больше комиссар контактировал с ним, тем сильнее напоминал какое-то гибридное чудовище: зубы становились все острее, глаза сливались с тьмой леса, а голову таранили... постепенно вырастающие рога. Даже ноги Ульриха менялись, обращаясь в копытца. Видимо, так Кернунн, не видный нам, наделял комиссара злым демоническим могуществом. Вот ради чего Ульрих каждую ночь отправлялся в лес... за похвалой от иномирной твари и добавкой силы, что постепенно превращала его в монстра похуже тех бедных скрещенных созданий.

Ни демон, ни комиссар явно не подозревали о том, что за ними следили. Ульрих все упивался метаморфозами, а пустота с удовольствием модифицировала свой сосуд ради новых ужасных целей. В это время Конрад нацелился прямо в сердце комиссара. Если оно, конечно, там еще осталось. Несколько минут Яген просто чего-то выжидал, видимо, полностью погружаясь в процесс скорого убийства. Но затем...

Началась череда выстрелов, бойких и частых. От неожиданности я даже прикрыл уши – гул патронов слегка оглушил. Конрад чуть ли не в упор расстреливал Ульриха. Он выпускал патроны один за другим, тараня сердце, живот, ноги и даже голову. Бело-фиолетовое пятно тут же трусливо испарилось, и остался только комиссар, не успевший даже понять, что случилось и кто в него стрелял. Зеленая форма постепенно приняла бордовый оттенок, начали разлетаться в стороны ошметки плоти. Ульрих, только хрипнув что-то невнятное, свалился на землю. Он немного подергался, держась за раны, но потом замер. Тело приняло расслабленную позу, а грудь перестала вздыматься от частого дыхания. Глаза остались открытыми, но их окутала пелена смерти. Комиссар был мертв.

Прекратив стрелять, Яген утер пот со лба и тут же подошел к телу Ульриха, внимательно осматривая. Он пару раз раскрыл его веки, пощупал отяжелевшие конечности и послушал отсутствие пульса. Все указывало на то, что комиссар больше никогда не проснется.

Убедившись в этом, Конрад, словно его поверженный враг, надавил ногой на живот Ульриха и вдобавок плюнул на бледное лицо.

- Счастливого путешествия в Аду, ублюдок, - сказал напоследок Яген и тотчас пнул тело.

Вновь пошел дождь, и Конрад решил оставить мертвого Ульриха посреди леса. Сам он пошел обратно, явно намереваясь дойти до Ингрид и спокойно уйти с ней из деревни. Само собой, мы двинулись за ним.

Ливень постепенно усиливался, но нам было все равно на мокрые волосы и одежду, прилипшую к телу. Я и Сора не сводили глаз с Конрада, который, слегка пошатываясь от адреналина и нахлынувших чувств, уверенно шел к амбару с монструозной девушкой.

- Еще немного, Ингрид... - бормотал Яген, задыхаясь. Он тоже промок до нитки, однако ливень так все еще и не смог смыть пятна крови, оставшиеся от Ульриха, - еще чуть-чуть, и мы заживем... Лучшую нашу жизнь. Где мы оба живы и свободны от этой... секты.

Через пару минут Конрад дошел до амбара и стал снимать все замки и ограничители. Некоторые двери он попросту выломал, не желая возиться с кодами – в такую темноту и дождь цифры были еле видны. В конце концов из помещения выбился теплый желтый свет, совсем немного облегчая видимость на улице. Самодельная виндовская тюрьма была открыта, однако из нее что-то не доносилось радостных вздохов и затем счастливых вскриков. Свет-то горел в полную силу, но тишина звенела в стенах комнаты, будто Ингрид сама уже давно сбежала и кинула все, как есть.

Конрад заподозрил что-то неладное. Нахмурившись и сжав ружье, он прошел внутрь. Мы же успели скрытно присесть у входа и продолжили наблюдать.

- Ингрид? – позвал Яген хрипло. – Ингрид, ты где... О Господи...

Кажется, охотник резко замер, неожиданно замолчал и затем грузно плюхнулся на колени. Не понимая, что происходит, Сора слегка заглянула внутрь, стараясь увидеть Конрада и, собственно, то, что заставило его опуститься на землю. Спустя мгновение она так же, как и охотник, замерла и принялась ошарашенно глотать ртом воздух. Тогда я тоже устремил взор внутрь, и сердце тотчас куда-то рухнуло, мурашки атаковали спину, а глаза расширились так, что, по ощущениям, готовы были выпасть из орбит.

Ингрид была мертва. Тело ее тяжким бездыханным грузом лежало на коленях Конрада. Ужас был не столько в факте ее смерти, сколько в том, как именно Ингрид так скоропостижно скончалась. Она... умерла ровно так же, как и Ульрих. Некогда бледное, покрытое редкими пятнышками туловище покрылось кровавыми рваными ранами от серебряных патронов – некоторые из них лежали рядом с девушкой, будто Яген стрелялся в амбаре. Голова тоже оказалась протаранена ружьем, как и у комиссара. К тому же, она приняла ровно ту же позу, что и он, когда Конрад пнул тело.

Каким-то образом смерти Ульриха и Ингрид синхронизировались. Для нас это было что-то на грани сверхъестественного, несмотря на то, что я и Сора в буквальном смысле являлись искусственными людьми с невероятными способностями. Я просто не понимал, как жизнь Ульриха могла в какой-то момент повлиять и на жизнь Ингрид, как она могла умереть той смертью, которая постигла комиссара. Ведь Конрад не стрелял в нее, а только в него... в темном лесу, откуда бы патроны точно не долетели случайным волшебным образом до амбара.

Яген тоже не понимал произошедшего. Никак не хотел принимать то, что Ингрид, по сути, скончалась по его вине, что он через Ульриха убил и ее... Он прижимал окровавленное худое тело к груди и яростно обнимал, дрожащей рукой гладил по голове. Глаза Конрада стали стеклянными, из них рекой полились слезы. Они падали на лицо Ингрид, которое приняло оттенок сырой земли и показывало мучительную последнюю эмоцию агонии. Яген шмыгал носом, весь тряся. Он истерично продолжал гладить тело девушки и всхлипывал, спрашивая в пустоту:

- Как?... Почему?... Почему случился такой ужас?... Как такое вообще могло произойти?... Я же убивал только Ульриха, не тебя... Я хотел, чтобы ты жила... Как... как, почему, ну почему?!

Мы с Сорой вместе вообще окончательно впали в состояние шока, как только тело Ингрид внезапно заговорило мужским гортанным и противным голосом:

- Ульрих успел связать себя кровью с Ингрид, пока ты развлекал жалких ученишек.

Конрад испугался и тут же отодвинулся от существа, что вселилось в труп Ингрид. Он распахнул широко глаза и взялся за сердце.

- Какого...

- Ульрих подозревал, что ты захочешь бежать с Ингрид и убить его, а потому воспользовался моим приемом – прокусив собственные губы до крови, он насильно поцеловал эту девушку, передавая узы сосуда, - продолжало говорить Существо. – Так они стали полностью связаны друг с другом плотью и кровью, боль Ульриха стала ее болью, смерть Ульриха, соответственно, стала и ее смертью. «Не доставайся же ты никому» - сказал мистер Дальмайер, и я с ним, впрочем, согласен. Зачем эти мороки с побегами, убийствами и прочим, если можно просто добыть новый сосуд? Я не стал ему препятствовать.

- Ты... Кернунн в теле убитой Ингрид? – спросил севшим от страха голосом Конрад.

Глаза девушки закатились, на лице появилась жуткая улыбка. Однако тело продолжило лежать, только голова была повернута в сторону Ягена.

- Не волнуйся, сейчас я оставляю это тело в покое, а затем отправлюсь искать другого посредника, - усмехнулся Кернунн. – И нет, это будешь не ты – не подходишь по параметрам. Просто хотел объяснить ситуацию напоследок и сказать, что ты проиграл. Даже с этой голубой сферой в груди ты ничтожество. Забудь эту деревню и отправляйся уже в Дель-Темпо, Конрад Яген. Прощай.

Посмертная маска снова образовалась на лице девушки. Кернунн покинул ее тело, ядовито-сиреневым облаком вылетая наружу. Конрад часто задышал и взялся за голову, чуть ли не вырывая волосы из нее. А время начало замедляться и вскоре опять замерло...

Наши часы снова встали, и это означало, что мы просмотрели всю историю прошлого Конрада Ягена, остановившись на полном безмолвном отчаянии и потухании души. Неудивительно, что во Временном комитете он предстает таким хмурым и загруженным – охотник явно постоянно думает о том, что произошло с ним и бедной Ингрид в этой проклятой деревне Виндо. Наверняка Конрад не может простить себя за то, что случилось... А Хроносу, конечно, это неважно; я уже понял, что он упивался страданиями и трагедиями членов Комитета.

Ситуацию нужно было исправлять. Я перекачивал в голове из стороны в сторону мысли о том, что важно было спасти не только Конрада, но и Ингрид, да даже Ульриха! В целом, мы должны как-то спасти всю деревню от влияния этого демонического бога Кернунна...

- Да, работенки много... - задумчиво произнесла Сора, вставая и начиная осматриваться в амбаре, - ситуация сложная. Хочется как-нибудь обойтись без смертей.

Я тоже встал и обратил внимание на труп Ингрид. Отчего-то он меня пугал. Представлял, как это окровавленное тело снова заговорит страшным зловещим голосом...

- Я думаю, что нужно сделать так, чтобы Кернунн, как побежденная опухоль, сгинул с деревни, - сплотив, выдвинул я свою теорию, стараясь не смотреть на Ингрид. – Все-таки с ним Виндо представляет опасность не только для Конрада и Ингрид, но и для всей Кастры... Мы с Хроносом-то еле справляемся, а тут еще и демон с другого мира нарисовался...

- Демон... - «Бета» облизала засохшие губы. – Если Кернунн – демон, то его, как и других таких существ, можно изгнать с помощью какого-то обратного ритуала. Экзорцизма или чего-то подобного.

Я поднял одну бровь.

- Хочешь поиграть в миссис Холлоу?

Сора повернулась ко мне.

- У Конрада есть какие-то магические книжки, в которых есть все о Кернунне и ему подобных. Наверняка там есть информация о том, как его изгнать. Просто Конрад взял не ту книгу.

- Звучит как идея, - я одобрительно закивал.

- В крайнем случае порыскаем у Ульриха или жителей деревни, - «Бета» легко пожала плечами. Она точно была настроена на магический ритуал. А ведь когда-то за эту иррациональность мы ругали Бабет Холлоу...

Впрочем, как оказалось, иногда без магии было не обойтись.

- Что ж, решили, - я тоже пожал плечами и достал часы. – Тогда поехали?

Сора принялась отсчитывать время.

- Мы должны вернуться в прошлое до того момента, как Ульрих свяжет себя с Ингрид через кровавый поцелуй.

- Принято.

Как и было обговорено, мы вернулись в начало второго дня пребывания в Виндо. Завтрак уже прошел, и Ульрих снова вел нас напрямик к Ингрид, с большим возбуждением представляя ее:

-...Она больше всего удовлетворяет запросы Виндо и претендует на доминирующий вид расы, - само собой, всю эту требуху мы слышали не в первый раз. - Пока что это единственная единица, с которой планирует размножение «бывалый» виндовец. А это значит, что раса с кровью такой великой и могущественной деревни захватит остальную Кастру, что приведет к бесконечному развитию и процветанию нашей планеты. Здорово, правда?

- Просто великолепно, - без особого энтузиазма ответила Сора, а затем по сценарию спросила: - А как ее зовут?

- Ее зовут Ингрид, и она очень красивая, - пролепетал Ульрих.

- И все-таки, очень хочется познакомиться с вашим лучшим егерем, - начал я вторить поверх фраз комиссара. – Человек, во власти которого находится продовольствие для образцов новых кастровцев, представляет интерес для нас. Перед тем, как увидеть вашу лучшую испытываемую единицу, хотелось бы повстречать охотника, с которым процветает ваш проект.

Ульрих опять недовольно скривился.

- Я понимаю ваш интерес, но Ингрид... вы должны увидеть первее.

- Пока что вы показываете только выведенные образцы, но не тех, кто стоит за всем этим, - принялся убеждать активно я. – От этого экскурсия становится немного... скучной. Мы ведь посмотрим не только на результат, но и на работников и процесс создания.

Мои слова явно задели Ульриха. Он сжал ладони в кулаки и прикусил губу. Из нее пошла почти черная струйка крови. Зрачки неестественно сузились, а щеки покраснели от подступившего гнева. Тем не менее он должен был сдерживаться, чтобы не потерять лицо перед важными шишками.

Поэтому комиссар сказал:

- Ладно... Я проведу вас к мистеру Конраду Ягену.

Первая маленькая победа была за нами.

Когда мы добрались до уже знакомой капсулы, охотника еще не было на месте. Двери и окна были закрыты, что, конечно, непривычно для жителей Виндо. Естественно, мы знали, что Конрад находился у Ингрид и передавал одежду. Ульрих напрягся, на лбу выступили вены, и он принялся мять пальцы, держа их за спиной. Комиссар явно подозревал, чем занимался Яген, и начал нервничать.

- Наверняка он на охоте, - проскрипел Ульрих, - скоро вернется.

- Я уже здесь.

Позади послышался низкий хриплый голос, и мы облегченно обернулись. Перед комиссаром возник, как ни в чем не бывало, Конрад с ружьем наперевес и тушками убитых животных. Видно, как навестил Ингрид, сразу пошел на охоту и пристрелил некоторую дичь для вида.

У Ульриха как камень с души слетел: он легко выдохнул, непринужденно поправил фуражку и расслабленно улыбнулся, убедившись наверняка, что Конрад не посещал Ингрид.

- Здравствуй, Конрад, - поздоровался довольно комиссар, - я привел к тебе гостей из Комитета антропологии Дель-Темпо. Они желают побеседовать с тобой и посмотреть быт.

Яген пожал плечами, ничего не подозревая.

- Я не против, - кинул он непринужденно. Затем принялся рыться в карманах в поисках ключей. Между делом он сказал: - Я пока побуду с ними, а тебе нужно на центральную ферму. Там пьяные жители устроили громкий дебош и норовят сломать оборудование. Я видел, когда выходил из леса.

- Черт... - рыкнул Ульрих и тут же достал пистолет, ринувшись в сторону центральной фермы. - Одни придурки здесь! Спасибо, что сказал, и да, я скоро вернусь!

Комиссар самовольно ретировался устранять драку, даже и не думая о прогулке в амбар. Конрад же хмыкнул и начал открывать дверь в свой дом.

- Пройдемте со мной, - сказал он спокойно.

Сора пошла за охотником и как бы невзначай спросила:

- Вы были с Ингрид до охоты?

Конрад замер на месте, успев только захлопнуть дверь. Глаза расширились, кожа побледнела, а по шее скатилась тонкая струйка пота.

- Откуда вы, черт возьми, знаете?

Сора встала перед Ягеном и показала наши волшебные часы.

- Мы хроны – путешественники во времени, - объяснила «Бета», - и мы уже видели ваше прошлое, настоящее и будущее. Вы, Конрад, хотите ночью сбежать с Ингрид из деревни, приняв новый плазмид невидимости. Однако так сделать не получится – Ульрих догонит вас и убьет. Я и Эдвин хотим исправить ситуацию, а именно – спасти вас, Ингрид и деревню Виндо от влияния Кернунна.

Конрад молча выслушал маленький монолог Соры. Сначала на словах о плане он удивился, а потом прикусил губу и озадаченно повел бровями. Благо, доказывать то, что мы могли управлять временем, не пришлось – Яген был достаточно доверчив, так что поверил в слова «Беты» с первого раза. Оно и не мудрено, ибо в Виндо кругом была магия, чудеса, чертовщина и чернуха.

- Вот как... - Конрад провел зубами по губам и провел ладонями по брюкам, вытирая от пота, - что ж, я и вправду замышлял такой план, и о нем никто не знал, кроме меня и Ингрид. Поэтому... поверю вашей необычной природе. То есть, вы не из Комитета, я правильно понимаю?

- Нет, - ответил я, присоединившись к Соре, - но Ульрих принял нас за членов этого Комитета.

- Вы уже рассказывали нам о пожаре в вашей деревне, гибели деда и о Кернунне, - продолжила рассказывать подруга. - Что он хочет поработить души кастровцев и выбрал себе в качестве сосуда Ульриха. И у вас... были какие-то книги, в которых содержалась как раз такая информация, более того – в них были сведения и о том, как уничтожить сосуд Кернунна.

Конрад сглотнул, подходя к камину, на котором лежали три рукописи в черном переплете.

- Да... Это так, - согласился он и взял задумчиво одну из них.

- Откуда они у вас? – спросила Сора настойчиво.

- Мой дед, он... был коллекционером необычных и магических реликвий и антиквариата, - прояснил Конрад, листая непринужденно выбранную книгу. - Эти три энциклопедии о мифических и демонических существах были главным его трофеем. И... это единственное, что осталось от него.

Я подошел к Ягену и взглянул на страницы рукописи.

- В одном из развилок прошлого вы выбрали убить сосуд Кернунна. Но это, конечно, мало чем помогло – все закончилось смертью Ульриха и Ингрид, с которой он успел связаться кровью, а Кернунн стал охотиться на новую пешку. Думаю, вы... эм... в пылу взяли не ту книгу. Должен же быть какой-то способ, чтобы Кернунн исчез из деревни навсегда. И, ну... наверное, он должен быть в какой-то из этих книг.

Сначала Конрад глубоко задумался, заливнувшись на одной иллюстрации. Он грузно сопел и бегал глазами по комнате, облизывал губы. Яген явно о чем-то думал или вспоминал, в какой же книге могла находиться информация о полном изгнании Кернунна.

В конце концов, Конрад достал другую книжку в черном переплете – на ней была изображена красная пентаграмма. Он начал активно листать страницы и приговаривать:

- Да, было что-то такое. Способ написан здесь, но я отложил его, подумав, что один точно не справлюсь – для заклинания нужно минимум три человека, чтобы оно вступило в силу.

- Что ж, нас уже трое, - с тихим ликованием произнесла Сора.

- И еще Ингрид, - добавил я.

Яген положительно кивнул и остановился листать, как только появилось изображение еще одной большой красной пентаграммы. Вокруг пятиконечной звезды находилось семь символов – несколько искр, камень, кривая нота, шарик, очки, крест и лилия. Наверху нарисовался черный лось, которого пронзил большой цветок, выходящий из пентаграммы.

- Вот оно, - обрадовался Конрад. – Здесь написано, что это стандартный способ изгнать демона Восьмого круга Ада. Раньше заклинание могли исполнить только пять отродий нечисти и двое людей, но сейчас его смогли упростить, и осуществить задуманное могут даже трое человек. Самое важное – иметь в душе веру, уверенность, силу духа, справедливость, радость, ум и целомудрие. Рисовать это все в полночь красной краской, где находится местообитание Существа. В нашем случае... в лесу, полагаю. Ульрих постоянно туда суется.

- Отлично, - с полной уверенностью произнесла Сора, поставив руки в боки, будто она всегда была потомственной ведьмой. – Нам подходит этот вариант.

- Ну, если, чтобы изгнать Кернунна из Виндо навсегда, достаточно только всего выше перечисленного, то все получится, - я потер локоть, все равно немного волнуясь внутри.

- Думаю, все обладают качествами, о которых говорится в книге, - Яген пометил содержимое страниц закладкой и прикрыл рукопись. – Я как минимум двумя.

- Просто супер, - снова «Бета» внесла в нашу беседу позитив. – До полуночи заберем Ингрид и отправимся туда.

В который раз ночь сгустилась над Виндо, и кучевые темные вечерние облака излились на деревню и ее окрестности. Мы выждали, пока Ульрих смоется в лес, и максимально скрытно и тихо вызволили Ингрид, объяснив текущий план. Конечно, она на все согласилась и изъявила огромное желание избавиться от влияния Кернунна.

Накрывшись лохмотьями из шкафа Конрада, мы тоже двинулись в лес, но в противоположную от Ульриха сторону. В конце концов, эта местность была довольно большой, и мы бы вряд ли столкнулись с ним по пути. По крайней мере, пентаграмму наша небольшая команда точно успеет начертить.

Вооружившись тускло светившими фонариками, мы прошли в тихую глубь леса. Ели фактически укутали нас и присмотренную местность, согнувшись от ливня и грозы. Животные изредка клекотали где-то вдали, не создавая никаких опасных и непредвиденных ситуаций. Ульриха нигде не было видно, как и пустоты, иногда появляющейся в виде белого пятна. Можно было начинать ритуал.

Я и Сора взяли толстые объемные кисти, с лихвой набрали добытой Конрадом красной краски и принялись чертить пентаграмму так, как было показано на картинке. Сначала нари-

совали ровный круг, затем пятиконечную звезду. Краска слегка засветилась, будто подавая знак, что делаем мы все правильно.

После этого присоединилась Ингрид, тоже набрав на кисть бордовой жидкости. Она начала помогать нам рисовать символы по указаниям Ягена, который, не отрываясь, смотрел в книгу и параллельно контролировал процесс.

- Справа кривая нота, да... У нее такой хвостик изогнутый, - приговаривал он, облизывая губы и утирая виски от пота.

- Восьмая, - хихикнула Ингрид.

- Да-да, наверное, она, - охотник покраснел и хмыкнул, но потом продолжил дальше: - Дальше идет шарик... воздушный. На конце обязательно веревочка...

С каждым нарисованным символом пентаграмма светилась все сильнее. Рисунки будто парили, оживали и наделяли какими-то странными обогатительными высокими чувствами. Я постепенно начинал ощущать веру, уверенность, силу духа... Очевидно, рисование сакральной пентаграммы влияло на всех нас и постепенно искореняло Существо из Виндо.

Как только пентаграмма была закончена, аккуратно выведенные символы задымились, а потом и вовсе вспыхнули ярким огнем. Земля затряслась под ногами, из леса полетели организованными стаями вороны. Вокруг елей образовались фиолетовые вихри. Дождь прекратился, небо резко посветлело, по нему начали бегать невообразимые звезды... И в центре пентаграммы начал потихоньку вырастать большой цветок лилии. Мы все сделали правильно.

- Эй, вы что творите?!

Сзади послышался знакомый голос. Обернувшись, мы увидели озверелого Ульриха, почти превратившегося в некое лесное хтоническое существо – с посеребрившими прядями, полностью черными глазами, огромными зубами и выросшими рогами. Он пришел не один, а, конечно, в компании Существа.

Кернунн возвышался над комиссаром и представлял собой мохнатого гибридного оленя с черной шерстью и большими рогами, на которых уже сгнили ошметки чьей-то плоти. У него был крепкий торс, внушительные мышцы на руках и загнутые черные когти. Глаз не было видно – маска черепа закрывала их. В руке Кернунн держал светящийся зеленым посох. Выглядел величественно, однако нервно – его явно напрягал растущий из земли цветок.

- И тебе привет, Ульрих, - Конрад тут же встал впереди и закрыл нас собой, доставая оружие. Он враждебно нахмурился. – Мы спасаем Виндо от тебя и прячущегося за твоей спиной джентльмена. Эта деревня должна стать нормальной, не зависимой от злых иномирных сил.

Комиссар аж задрожал от злости и сильно поджал губы. Длинной искажившейся рукой он начал рыться вниз, нащупывая пистолет.

Кернунн буквально выплыл вперед навстречу Ягену.

- Думаете, этот цветок как-то мне навредит? – демон крайне насмешливо ухмыльнулся. – Я столетиями терроризировал Виндо, и вы всерьез думаете, что какая-то лилия изгонит меня навсегда? Смешно, мистер Яген.

- Никто еще не пробовал этот ритуал, так откуда ты знаешь, чучело? – рыкнул Конрад так же насмешливо, как и его враг. Тем временем цветок становился все внушительней. – Лучше будь мужчиной и сразись со мной, если так хочешь крови.

Кернунн хмыкнул и убрал хищные лампы с посохом за спину.

- Даже тратить на вашу требуху времени не буду, - с показательным отвращением процедил демон и стукнул деревянной палкой, кивнув на Ульриха: - Ули, разберись.

Комиссар, подобно собаке, тут же неистово громко зарычал и кинулся с пистолетом на Ягена. Мы вздрогнули и знатно испугались за охотника, но Ульрих так и ничего не успел сделать... Внезапно выросшие корни лилии схватили его и привязали к ближайшей ели.

- Чт... какого... - прохрипел комиссар, вдавливаемый в ствол. – Кернунн, я не могу пошевелиться!

Кернунн тут же направил посох на сосуд, попытавшись высвободить его... Но лилия, словно безглазая и безротая хищница, повернулась к демону. В сердцевине ее заблестел кинжал, истекающий золотой жижей. Цветок явно намеревался схватить Кернунна.

И, что неожиданно, этот злой демонический бог, годами пугающий Виндо, трусливо ринулся бежать на своих нелепых копытцах, только увидев кинжал и жидкость на нем. Как-то смешно стремительно сошла с него вся прыть и самоуверенность...

Ульрих тоже ничего не понял. Его глаза расширились в изумлении, как и наши, собственно.

- Повелитель, вы куда?.. – прокричал он растерянно вслед демону.

- На этой гребанной лилии кровь Святого Духа! – орал бешено Кернунн. – Это будет жуткая боль, если она доберется до меня! Разбирайся сам, Ульрих, в тебе достаточно моей силы!

- Я думал, будет бой... - даже как-то разочарованно вздохнул Конрад.

Однако бежать Кернунну было уже поздно. Лилия быстро нагнала демона и в одно мгновение укутала в свои смертельные объятия, связав по рукам и ногам. Кернунн истошно заверещал и попытался выбраться из крепкой хватки, атакуя магией, посохом и всем чем угодно... Но цветку было наплевать.

Лилия притащила демона снова в центр пенатаграммы. Между линиями начали виднеться трещинки, что вскоре разошлись до целого портала в какое-то красное и очень жаркое измерение. Нам оставалось только отойти подальше и спрятаться за деревьями.

- Обещаю, больше никаких сосудов! – пытался вымолить пощаду у лилии Кернунн. – Да, да, согласен, скрещивание – это так себе план для захвата мира! Все, я попрошу прощения у Хозяина, скажу, что был неправ! Только оставь меня!

Цветок был неумолим. Он вытянулся и без особой жалости проткнул грудь демона смертельным кинжалом. От боли лицо Кернунна застыло в страшной гримасе агонии, и он даже с трудом издавал какие-то звуки. Через пару секунд лилия унесла демонического бога в самые глубины жаркого портала, и он тут же закрылся. Нарисованная нами пентаграмма стерлась с земли, символы потухли и исчезли. Раздался какой-то гулкий звук, и все встало на свои места. Создалось ощущение, что все случившееся нам только что приснилось. Никто ничего до конца не осознавал.

Ульрих тоже превратился обратно в человека. Рога и зубы исчезли, все конечности приобрели нормальный вид. Только он был без сознания и, как только корни ослабли на теле, свалился на землю подобно мешку с картошкой. Ну, что ж, по крайней мере, все остались живы. Кроме Кернунна, само собой.

Неожиданно, прямо в мои руки, лежащие на коленях, с небес спустился фиолетовый эманатор. Это был третий по счету.

Глава 17

Глава 17. «Ангел возмездия»

Итак, из сильной крови Ванессы Керубс, смешанной с божественными клетками Жизни и Смерти, я, наконец, вывел полноценный образец генов хроны. Сначала в руках оказалась лишь одна маленькая заветная колба... Но с помощью сотрудников Института Времени я использовал все возможности кастровской генетики вместе с клонированием и воссоздал тысячи копий нового ДНК, заполонив им все архивы нашей организации.

Само собой, воссозданные экземпляры предназначались для обычных хрон и некоторых модифицированных, а вот оригинал остался исключительно для ангела возмездия «МА001» или же Мэттью... Хотя, бесспорно, «МА001» опережал моего старого маленького сына по силам и возможностям. Это был не брошенный своими биологическими родителями ребенок-подопытный с кое-какими зачаточными способностями, а живое оружие – могущественный репликант, способный подчинять Время, сотканное Богом. И его обитателей, конечно. Бесспорно, я все еще представлял его своим сыном и собирался создать по исключительному образу и подобию, но имя решил сменить – все-таки с божественным ДНК в крови это существо не было Мэттью на 100%. Рассматривал много вариантов, но остановился на «Маттео» – по звучанию имя отличалось, но по значению соответствовало Мэттью... Подарок Бога, дар Бога... Да, он был определенным подарком для всей Кастры и нового временного континуума, который мы вместе хотели создать.

Что ж, с появлением образца нового ДНК работы у меня прибавилось в стократ. Я буквально ночевал в Институте Времени, контролируя процессы создания генов и самих хрон, создавая новые организмы, способствующие так называемой уже произошедшей «трагедии» на Кастре, наблюдал за развитием пульсаторов в членах Временного Комитета... К слову, он был полностью собран и уже заменял действующую на Кастре власть. Все министерства, департаменты и ведомства оказались бессильны перед моими выстрадавшими солдатами, ибо в их руках находилась стихия, с которой сейчас никому не удавалось управиться – само время.

Я закончил путешествовать по разным уголкам прошлого и нашел достойных кандидатов для накопления мощи и, конечно, идеологического управления Дель-Темпо и павшей Кастрой. Айзек Баркли хорошо справлялся с культурным просвещением – оно было иное и, скажем так, не традиционное, помогающие встать кастровцам на новую ветвь культурного развития в условиях скорейшего апокалипсиса; Бабет Холлоу прекрасно контролировала врачебную отрасль, выводя новые стандарты и медицинские приемы – к примеру, тест на эмпатию становился очень популярным среди обычных столичных врачей; Конрад Яген теперь отвечал за военную ветвь и вместе с обедненным киселем вливал в новых солдат жестокость и чрезмерный контроль, а также неоспоримое подчинение мне, собственно; ну, и красавица Ферн Деспайр помогала мне сейчас в научной деятельности – она и так сильно стимулировала исследование здешнего времени и его возможных метаморфоз, так еще и взялась выращивать хрон.

Мисс Деспайр поистине являлась моей музой и вдохновением. Если бы ни она, ни ее знания и сообразительность с умом, я бы, возможно, продвигался с проектами намного медленней. Все-таки управлять одному такими крупными процессами было трудно – даже в жерле Матери мы с Эонами действовали сообща, и никто не отделялся. Однако я уже и позабыл свое прошлое с моими глупцами-братьями. Они сейчас никто, просто песчинка в океане, неспособная к восстановлению хотя бы крупинцы былой магии, а вот я... Я уже был близок к тому, чтобы стать сильнее Матери. Оставалось совсем чуть-чуть помучиться в этой людской, исцелованной грехами и слабостями оболочке.

Но опять же, с выведением нового ДНК все не стало вновь радужным и успешным. Не все шло так гладко, как мне всегда хотелось и мечталось... Многие сотрудники и ученые все еще горели идеей о создании нового временного континуума и хрон и всячески способствовали исследованиям, но были и крысы, начавшие унюхивать в моих поступках и речах блажь и фальшь. Они шептались между собой, строили догадки о моих истинных намерениях, о моем настоящем происхождении... Стоило сказать, что кастровцы всегда были умнее и смысленнее обычных людей, а потому их гипотезы и теории насчет меня были совершенно верны. Да, я не являлся человеком, был божественной тварью, упавшей подобно Сыну утренней зари. Да, я хотел сломать континуум во всей Вселенной. Да, я хотел свергнуть старый ее устав. Подозрительные ученые были правы, и я уже думал о том, какими бы способами заткнуть им рты...

Однако существовали еще более мутные и опасные индивиды среди сотрудников, которые не только шептались за дверьми лабораторий, но и желали предпринять некоторые действия против меня. Одним из таких был некогда перспективный и подающий большие надежды Джеймс О'Хара. За ним я наблюдал внимательней всего и пытался понять, что находилось у этого парнишки в голове...

Ванесса Керубс после успешной операции по выведению хроновского ДНК была отправлена на реабилитацию и постепенно приходила в человеческий вид. Ну, отдаленный... Все-таки эмоции у нее теперь были притуплены, в глазах мелькали фиолетовые искры, кожа приобрела сероватый оттенок, здоровье оказалось значительно подкошено, репродуктивная система отказала... И тем не менее вела Керубс себя более чем энергично, строила различные планы на будущее и, самое главное, - водилась с Джеймсом. К Ванессе пригласили специально обученные сиделки, но заботился о ней постоянно только О'Хара – все маячил перед палатой Керубс, носил всякие вкусности и лекарства. Я характеризовал их отношения как теплые, крайне дружеские, даже слишком... И мне это не нравилось. У данной молодой парочки определенно вспыхнули чувства к друг другу, и они точно намеревались сделать мне какую-то подлянку. Я ощущал подвох каждой клеткой тела и мозга.

Уже вскоре я запретил Джеймсу проход в реабилитационное крыло, принялся лишать премии, пугать увольнением или лишением всех научных степеней, штрафами, заключением тюремным, в конце концов. Но ему было будто все равно... О'Хара продолжал спокойно работать и успевать видаться с Ванессой – она вскоре сама вышла из реабилитационного крыла с приказом сиделки расхаживаться и возвращаться в движение.

Тогда я запретил уже Керубс гулять там, где работал Джеймс, и наказал возвращаться к своему гребанному обычному темпу только в коридорах лечебного крыла. Но и это не помогло... О'Хара, пока я был занят созданием хрон, изобрел средство связи в карманных часах – видно, модифицировал их и вживил микро-антенны для выхода в глобальную сеть. И так они с Ванессой общались на расстоянии о каких-то эманаторах. У меня это слово не вызывало никакого доверия, лишь опасения. Хитрые маленькие крысы что-то затевали... И я уже подумывал над тем, чтобы оставить их в стенах Института Времени навсегда. Был уверен, что сделаю все очень тихо и никто не заметит ликвидации.

Однако суетливая рутина с созданием хрон и контролем Комитета захлестнула меня полностью, и я все никак не мог осуществить задуманное. В конечном итоге спустя некоторое время Джеймс О'Хара и Ванесса Керубс... сбежали. От них буквально и след простыл, они исчезли по какому-то волшебному щелчку. Я понял это только тогда, когда ночью прозвучала тревога в реабилитационном крыле, и сиделки с врачами привели меня к пустой койке.

Кровать Ванессы оказалась аккуратно заправлена, но ящики с личными вещами пустовали так же, как и постель. Более того, были украдены некоторые важные медикаменты с архивов докторов, способные поддерживать состояние Керубс и в дальнейшем нововыведенных хрон. Потом подбежали научные сотрудники и в полнейшем изумлении сообщили о пропаже

моих схем и чертежей со строением хрон и хронопультаторов. Одна из главных лабораторий оказалась нагло обнесена.

- Подозреваем, что это... сделал мистер О'Хара, - задыхаясь, говорили ученые. – Он сбежал... его не видно ни на каких камерах, служебная койка так же пустует. Мотивы неизвестны...

- Меня волнует, как могла даже подумать о побеге мисс Керубс... - кусая пальцы, рассуждала одна из медсестер, - она ведь не выживет без должного наблюдения. Лекарства в скором времени закончатся, и что тогда она будет делать?..

- Она просто сумасшедшая, не от мира сего, - хмыкнул один из сотрудников. – Эта Ванесса себе на уме. Влюбилась в О'Хару и решила бежать вместе с ним чисто из интереса. А вот сам Джеймс... Он не пережил вашего успеха, мистер Хронос. Обзавидовался и решил создать собственный проект, нагло украв все ваши труды. Что теперь прикажете делать?

Я, убрав руки за спину, все рассматривал опустевшую кровать Ванессы Керубс. Зубы готовы были раскрошиться от сильного сжатия, кровь ощутимо кипела внутри, а сердце бешено и гневно стучало. Я прекрасно понимал, что Джеймсом двигала не банальная зависть, а нечто большее. Он додумался о моих истинных планах и решил смело помешать, прихватив с собой Керубс. А у нее тоже был свой явный интерес избавиться от меня и, побывав в шкуре подопытной с божественным ДНК в крови, она наверняка уже придумала, как вышвырнуть меня из Кастры. Я должен был не дать этому случиться.

- Найдите их, - только ровно приказал я, даже не смотря на сотрудников, – Найдите любой ценой. Они не должны свободно разгуливать с моими наработками... Они должны... поплатиться за этот дрянной побег.

После этого начались масштабные поиски беглецов. Военные и секретные службы сканировали каждый уголок Дель-Темпо, вертолеты безостановочно кружили над небоскребами, а дроны залезали в каждую яму, надеясь найти пару предателей и там... Однако поиски не увенчались успехом. Никакая техника, никакие подготовленные солдаты так и не смогли обнаружить Джеймса и Ванессу. Они словно испарились, как будто улетели с этой планеты. Понятное дело, что эта парочка скорее всего залегла на дно, но почему же ни один радар не мог их обнаружить?.. Я собирался разобраться с этим после того, как хроны появятся на свет одна за другой. Да, эти беглецы представляли для меня опасность, но и медлить с появлением репликантов тоже не стоило – времени оставалось мало. Именно поэтому я решил на некоторое время отложить поиски и заняться реальным важным делом.

После создания первой удавшейся, идеально собранной пачки обычных хрон я взялся, конечно, за Маттео. Не хотел, чтобы оригинальное ДНК изнашивалось от течения времени, и решил наконец-таки после успешных первых «блинов» воссоздать своего почившего мальчика, но только еще более сильного и выносливого.

Целыми днями я принялся засиживаться в генетической лаборатории вместе с Ферн. Та уже утвердила бережно написанную технологию разработки хрон и спокойно водила по тачпаду, расписывая генетический код «МА001» по моей указке. После заполнения всех точных желаемых характеристик можно было образовать плод в большой зеленой капсуле, сотканный из той самой новой ДНК и искусственно выведенных клеток для способности развития репликанта-малыша.

- А волосы? – неустанно спрашивала она. – Какие волосы вы хотите у него?

- Белесые, слегка волнистые, - отвечал уверенно я, рассматривая пространство в капсуле.

- Цвет глаз?

- Небесно-голубой, - в отражении я будто видел маленького Мэтью, похожего на ангела.

– А еще пухлые губы и заостренный, но аккуратный нос.

- Угу, - Деспайр внимательно водила стилусом по тачпаду, запоминая каждое мое слово.

- И характер... - вымолвил я с придыханием, - характер добрый, искренний, чувственный и...

- Мы не можем создавать хронам полноценный характер, - как гром среди ясного неба, раздался четкий голос Ферн. - Они же искусственные, почти как роботы - им не передаются черты отца и матери, как это принято у живорожденных людей. Хроны будут просто выполнять поставленные задачи и проходить тест на профпригодность. Вам разве не говорили об этом нюансе?

Мои руки инстинктивно опустились. В отражении капсулы пропал вымышленный образ Мэтью.

- Я же тоже не живорожденный, но характер-то у меня есть, - сказал откровенно и повернулся к Деспайр. - Я думал, у хрон будет так же.

Ферн покачала головой.

- Вы бывший Эон, а Маттео и другие хроны - репликанты. Реплика - значит лишь повтор, копия, но не оригинал. У них не может быть тех же эмоций и чувств, что и у обычных людей. Они... просто инструмент. Разве не этого вы хотели?

Нет, я хотел не этого. Я хотел, чтобы все остальные хроны были роботами, а Маттео - нет. Я хотел, чтобы у меня снова был сын, а не инструмент... Как же я мог так просчитаться?

- Ну, так что? - переспросила Деспайр, перестав водить по тачпаду. - Приостанавливаем создание или оставляем все как есть?

Я глубоко вздохнул и прикусил губу. Отступить было уже некуда.

- Конечно, оставляем, - сказал тогда утвердительно, но уже без энтузиазма. - Я думаю... основное уже мы сделали. Можно образовывать плод.

Через некоторое время вместе с еще одной порцией обычных хрон родился первый репликант усиленного элитного класса - «МА001» или же Маттео «Альфа». Ну, для меня просто Маттео. Маленькое румяное существо вскоре было изъято из зеленой капсулы, ему обрезают пуповину, завернули в простыни и подали мне для ознакомления, ожидая того самого ликования, которое я испытывал на протяжении всего процесса, представляя рождение ангела возмездия.

Однако, воссоздав Маттео, я не ощущал ни радости, ни восторга, ни умиления - вообще ничего. Младенец в моих руках жамкал маленькие уста и изредка шмыгал носом. В отличие от детей обычных кастровцев глаза его были широко открыты и уже точно и осознанно сканировали местность. Я понимал, что это не мой Мэтью. То была просто машина - сильная, идеальная, способная унаследовать мое могущество и распространить на всю новую Вселенную... Но не ребенок с характером и душой. *Инструмент*, не имевший человеческих чувств.

Этот факт был моим большим разочарованием, и с рождением Маттео я слегка перегорел к нему, но старался настраиваться на положительный лад - эмоции и чувства ведь можно было привить, так? Я планировал вырастить из него теперь не только идеальное оружие, но и сына. Что ж, придется начинать все с самого начала... Я должен набраться терпения.

Как только маленький Маттео переехал в мою Цитадель и стал издавать первые звуки, я, набравшись памятной любви, принялся активно прививать ему все человеческое. Сам еще, конечно, был не очень долго во Вселенной в качестве гуманоидного существа и некоторые аспекты не очень понимал, но фундаментальные азы все-таки уже усвоил. Я читал ему сказки, очень много разговаривал с разными интонациями, постоянно обнимал и целовал пухлые щеки. Я накопил Маттео много разных игрушек и проводил с ним все свободное время: показывал спектакли, развивал, учил. Я пытался привить ему интерес к миру, научить любить, радоваться, смеяться...

Однако все усердие оказалось бессильным. Маттео быстро развился без моей особой помощи: в пять месяцев пошел, а в одиннадцать уверенно заговорил. Без моих трепетных объяснений понимал суть игрушек и этого мира в целом. Это была маленькая пузатая белесая машинка, уже на подсознательном уровне знавшая все базовые нюансы окружающей среды и своего тела. До моей глубокой любви ему было все равно. Только анализ, только рационализм, ничего лишнего. И это меня начало раздражать. Я решил постепенно оставить попытки привить положительные чувства и перешел к попытке пробуждения негативных эмоций.

Как только Маттео исполнилось два года, я впервые представил его научной общественности. Поместил на подиум в темный зал, где горели глаза озабоченных сотрудников, и спокойно презентовал его, как экспонат сильной техники. Тогда маленький «Альфа» явно испытал свой первый дискомфорт: он весь съежился и захныкал. Обильное внимание было ему очень неприятно. Это порадовало меня.

С тех пор я раскрыл в Маттео хоть какие-то скупые чувства – страх и неприязнь. Как только в Цитадель заходили чужаки, он самостоятельно запирался в комнате и сидел в обнимку с плюшевым медведем, часто дыша от страха быть выставленным на всеобщее хищное обозрение. Но этого было мало. Для того, чтобы взрастить мощь Эона, нужен был весь спектр чувств, все пороки и добродетели, собранные когда-то мной за бытие Эоном Времени. Страх не особо сильно помогал. Нужно было вырастить из Маттео человека, но я в итоге не знал, как. Думал, что хоть какая-то человеческая клетка должна была оказаться в его теле. Я хотел получить в идеале человеческую кровь, чтобы заставить Маттео обрести чувства и эмоции. Но не обычную, а особую... Ту, которая бы не испортила его божественные силы своей простотой и слабостью.

Однако такой, конечно, не нашлось. И я отчаялся, перестав испытывать хоть какую-то светлую эмоцию по отношению к маленькому «Альфе». Уже начал жалеть, что он вообще появился в моей жизни. Я действительно воспринимал его как инструмент, не более. Это одновременно пугало и...

Впрочем, вскоре было решено отправить Маттео в только что достроившийся Лагерь для хрон, названный моим именем. Туда уже были наняты вожатые и няни, в руководителей я выбрал лучших из лучших. Программа для развития репликантов утверждена, питание налажено, а комнатка для Маттео была готова одной из первых. Я подумал, что нечего оттягивать.

Маттео было наказано собираться, а сотрудникам Цитадели приказал помочь ему, затем проводить до Лагеря. Потом заказал кадиллак на семь часов и сидел в кабинете, перебирая бумаги. Некоторая нервозность все же одолела меня, и я решил отвлечься.

Но вскоре в помещение вошел четырехлетний Маттео. На нем уже был рюкзачок и плюшевый медведь в руках. Кепка закрывала от неблагоприятного кастровского солнца. Пронзительно голубые глаза смотрели на меня.

- Пап... - начал Маттео как-то застенчиво, - почему я уезжаю от тебя в лагерь?

Я глубоко вздохнул и попытался максимально мягко объяснить, натягивая улыбку:

- Я очень сильно занят сейчас, солнышко, поэтому отправляю тебя в хорошее место недалеко от Цитадели, чтобы там за тобой присматривали и учили быть достойной хроной, героем. Разве не этого ты всегда хотел?

- Я хочу быть с тобой, - сказал Маттео, сжимая медведя.

Мое снисходительное состояние быстро сошло. Безразличие захлестнуло с головой. Я уже устал подбирать слова.

- Ты больше не сможешь быть со мной. Надо становиться взрослым, Маттео.

«Альфа» нахмурился, а губы задрожали.

- Ты просто не любишь меня, - произнес он осознанно и кратко. Потом спросил: - Почему? Это все из-за того, что я не похож на обычных мальчишек?

Боги. Он читал меня, как открытую книгу.

- ...Я постараюсь найти способ сделать тебя человеком, - ответил я уклончиво, - и тогда мы снова будем вместе.

Маттео захныкал. Глаза его остекленели, наполнившись слезами.

- Я сам попытаюсь, - начал уговаривать он, - только разреши мне быть здесь, с тобой!

- Ступай, - только и смог сказать я, увидев готовую охрану позади.

Маттео же заплакал и принялся утирать локтями бесконечные слезы. Солдаты неловко подняли на руки и понесли его к машине.

- Папа, не бросай меня!.. – кричал вдали Маттео. – Я не смогу без тебя!

Я, кажется, был рад тому, что прямо сейчас он худо-бедно испытал новую эмоцию. Однако сердце почему-то болезненно кольнуло. Наверняка человеческие недуги дали о себе знать. Да, это точно были они, а не страдающий «Альфа».

Я не был уверен, что один маленький Маттео справиться со всеми теми задачами, что хотел ему поставить. Уже подумывал над тем, что если не человек, то хоть какая-то подстраховка по взращиванию моей мощи была однозначно нужна. И, продолжив вместе с Ферн Деспайр сидеть в генетической лаборатории и создавать других хрон элитного класса, предложил такую мысль и своей коллеге, и самому себе:

- В отряд к Маттео определенно нужна еще одна очень сильная хрона, сильнее, чем другие «буквы». Она должна контролировать потоки его мощи и защищать в Назначенный день. Быть идеальным оружием против всех врагов. Проще говоря, некой Евой для Адама.

- Опять вы отсылаете к этой райской франшизе, - цокнула недовольно Ферн, рассматривая свой зеленый маникюр на руках. – Есть же еще много прообразов, на которые можно опираться при создании оружия.

- Это я примерно, - ответил кратко и решил посмотреть на капсулы, рассматривая быстро растущие плоды. В отражениях уже рисовал предполагаемый облик новой хроны. – Дадим ей код «Беты», что будет означать могущество, почти равное Маттео, лишь слегка уступающее. Эта хрона должна уметь управлять хронопульсаторами и другими объектами, в которых заключена моя магия. Когда настанет тот самый день, она должна будет собственным телом защищать «Альфу», уметь эффектно справляться со всеми видами орудий, не иметь никаких эмоций и чувств, кроме жажды убивать за Хроноса и Ангела Возмездия. К тому же, в чрезвычайных ситуациях «Бета» могла бы забирать часть силы Маттео себе или наоборот – поддавать газу, так сказать. И, конечно, обязательный пункт – острый ум, многозадачность, педантичность. Впишите это не в личностные качества, а просто в характеристики модели. Вот и все, что я хочу.

Ферн задумчиво нахмурилась.

- Все вами сказанное можно осуществить, - утвердительно промолвила она, однако в реплике скрывался нюанс. И точно: - Но вы должны быть уверены, что эта машина для убийств сработает в нужный момент. Важно перестраховаться, чтобы не получить кота в мешке.

Я повернулся к Деспайр недовольно:

- Если ты намекаешь на предательство, то ты сама говорила, что у хрон нет характеров, чувств и эмоций.

- Да, это так, - кивнула она, начав что-то рисовать в планшете параллельно, - но у наших хрон уже есть определенная встроенная программа с сигналами опасности, борьбы и крайнего самоуничтожения на всякий случай. Даже несмотря на то, что я могу образовать все сказанные вами характеристики, в ответственный момент эта «Бета» может распознать сигнал опасности и пуститься в бегство, или... пойти в атаку против вас.

- И как же этого избежать?

- Можно разработать чип, с помощью которого «Бета» в Назначенный День, невзирая на все опасности и подозрительности, встанет на вашу сторону, - предложила вдохновенно

Деспайр. – Думаю, такое устройство будет полезно не только для нее, но и для всех хрон. Это как держать собачек на поводке, понимаете? В ваших руках полный контроль, и вы спокойны.

Я хмыкнул, но потом улыбка постепенно расплылась на лице. Представил всеобъемлющий контроль над своими солдатами, то, как они мгновенно меняются, стоит только нажать на магический пульт. Да, эта идея мне понравилась.

- Отлично, отправляй запрос научным сотрудникам, - я снова сел и сложил руки в замок, - и будем делать «Бету».

Ферн кивнула и отдала общий приказ по наушнику в ухе, придерживая его указательным пальцем. Затем она встала и отошла к деревянному высокому стеллажу со всеми имевшимися ДНК, будь то гены подопытных, копии божественного или уже живших хрон. Деспайр принялась рыскать между экземпляров сильных подопытных, заинтересованно перебирая образцы пальцами.

- Думаю, «Бета» должна отличаться от других хрон даже внешностью, - сказала она и вытащила экземпляр подопытного №205 - Миюки Котару. Он уже лежал в гробу под Институтом Времени, умерший от сердечного приступа. – Кажется, можно взять какую-то наружную часть от данного мужчины, который прошел почти все этапы становления репликантом. Должно выйти хорошо.

Деспайр снова села за стол и принялась быстро водить по тачпаду, будто что-то рисуя что-то конкретное. На экране обзорного компьютера постепенно изобразился лик девушки: глаза были узкие, смотрящие исподлобья, губы пухлые и слегка недовольные, лицо вытянутое, бледное, волосы короткие и черные, как смоль. Красота это была инопланетной, и она меня привлекла.

- Определенно хорошо, - с упоением похвалил я Ферн, - давай оставим так.

- Как скажете, - усмехнулась Деспайр. – Какое у нее будет имя?

- «Небо», - бросил я. – Назови ее Сорой.

- Думала, скажете Ева, - посмеялась в открытую Ферн и внесла данные в свою таблицу.

С создания «Беты» и других хрон элитного класса прошел еще год. Все это время я пытался найти источник сильной человеческой крови, способной пробудить чувства и эмоции в Маттео, способной образовать ему цельную душу. С этим дела шли довольно плохо до тех пор, пока военные не передали мне, что... наконец-таки нашли Джеймса О'Хару.

- Мы нашли его, сэр, - проговорил капитан подразделения, задыхаясь от восторга. – Он скрывается в коттедже в поле за Дель-Темпо.

Однако новость сначала не то чтобы меня удовлетворила. В отчете капитана не было и слова про Ванессу.

- А Керубс?

- Ее с ним обнаружено не было, - ответил слегка виновато солдат, но затем озадаченно почесал затылок. – Он выглядел опечаленно и был одет в черное... На крыльце стоял только портрет Керубс в серых тонах. Видимо, она умерла.

- Вот как, - только и хмыкнул я, смотря в окно неприметно.

- А еще... - капитан сглотнул, - с ним был ребенок. Возрастом как «Альфа». Джеймс звал его сыном.

В этот момент вся жизнь перенеслась перед глазами. В сознании запрыгали искры, зажглись все лампочки. Сердце начало активно качать кровь, дыхание вмиг сбилось, и внутри все зажглось ярким пламенем. Я сделал в голове быстрый мысленный анализ: сначала очень удивился, но затем... крайне обрадовался.

Без сомнения, ребенка родила Ванесса. Я размышлял над тем, как именно у нее это получилось. По всем исследованиям и параметрам Керубс была бесплодной после экспериментов. Рождение какого-либо ребенка исключалось. По крайней мере нам так казалось... Видимо, точные медицинские системы Дель-Темпо все же дали сбой. Или она сама их сломала...

Тем не менее это было открытием. Полурепликант с божественным искусственно выведенным ДНК оказалась-таки способна к размножению. Я должен был найти ее останки и провести повторное исследование. Возможно, в скором времени мы могли бы отказаться от зеленых капсул, плодящих бездушных машин, и перейти к живородящим хронам.

Но данное дело было вторичным по цели. Главной целью же поставил... украсть у Джеймса этого ребенка. Я понял, что раз его родила Ванесса, то он полукровка – наполовину человек и наполовину хрона. Если бы кровь этого дитя оказалась у меня на руках, то я смог бы... вживить ее в Маттео. И тогда он бы стал испытывать весь спектр чувств и эмоций без вреда генам хроны. Он бы действительно стал идеальным ангелом возмездия...

- Что будем делать, сэр? – переспросил капитан, и я вернулся в реальность.

- Нужно срочно выдвигаться на то место, - четко отдал приказ я. – Наша цель – изъять останки Ванессы и забрать ребенка. Он больше нужен Лагерю, чем Джеймсу. И я поеду вместе с вами.

Операция по изъятию ребенка далась нелегко. О'Хара был готов к прибытию солдат и оказал мощное сопротивление несмотря на то, что был совершенно один в маленьком домике. Однако ж числом мы просто задавили его – Джеймс остался лежать у себя без сознания, сильно раненный. Я был уверен, что он мертв.

Вскоре солдаты нашли и мальчика. Он барахтался в руках военного подобно серому котенку, глаза были полны страха, все маленькое тельце дрожало. Как только ребенок увидел отца, он визгливо закричал:

- Папа! – и разрыдался.

Я подошел к нему и поднял за подбородок очень аккуратно.

- Тебя зовут Эдвин? Милое имя.

Мальчишка только сильнее расплакался.

- Зачем... зачем вы так с папой?! – закричал он мне прямо в лицо. До чего ж раздражал.

- Забудь про папу, - сказал я, доставая шприц со снотворным. – Скоро ты окажешься в очень хорошем месте, где у тебя будет много друзей и всякое такое...

Я вколол снотворное в руку, и Эдвин в моменте отключился. Только горькие детские слезы падали на пол. Меня разочаровало в этой ситуации лишь то, что мы так и не нашли останки Ванессы.

После успешной, так сказать, кражи бессознательный Эдвин прибыл в Институт Времени. Он пробыл в небытие больше двух недель – мне пришлось сильно потрудиться, чтобы осуществить все свои планы.

Первым делом из мальчика было изъято некоторое количество крови: я разлил ее по маленьким колбам, рассматривая каждую каплю бордовой жидкости. Уже с упоением представлял, как она окажется внутри Маттео, и он тут же станет похож на обычного мальчика... Но дел было еще много, нельзя отвлекаться раньше времени.

Постепенно с помощью имевшейся силы Эона я стер Эдвину старую память, уничтожив всякие воспоминания о родителях, о доме, о его настоящей личности... В Департаменте Воспоминаний сделал большой комплиментарный заказ на память хроны элитного класса с буквой «Дзета», который был искусственно выведен так же, как и остальные, и всю сознательную жизнь провел в Лагере Хроноса. По специальным канальчикам я ввел эту духовную материю Эдвину в мозг, успев даже немного поменять характер. Из-за хороших генов родителей, несмотря на стертые воспоминания, он мог быстро обо всем догадаться, поэтому я ввел ему некоторую беспечность и наивность на всякий случай. Более того, увеличил искусственно количество силы хроны, чтобы не было сомнений о его принадлежности к элитному классу.

Затем был отдан приказ сшить «Дзете» форму хроны и сделать комнату в Лагере. Я подстроил все так, будто Эдвин действительно никогда не имел родителей и не жил за Дель-Темпо обычной человеческой жизнью. Когда все было готово, Эдвина пробудили по моей указке. Он очнулся на больничной койке.

- Где... я.... – промямлил мальчик, хмуро осматриваясь.

Я тут же нашел, что сказать.

- Ты упал в обморок в столовой, Эдвин, - мило улыбнулся, наклоняясь к *репликанту*. – Сейчас уже все хорошо, просто легкое недомогание. Отправляйся в Лагерь.

И мальчик ничего не заподозрил.

Глава 18

Глава 18. «Разговоры о личном»

Когда воспоминание перестало транслироваться из эманатора, реальность снова вернулась в мое сознание, физические настоящие объекты вновь предстали перед глазами. Однако, когда закончилось прошлое Хроноса, мы оказались вовсе не в темном дождливом лесу с испарившимся Керунном и Ульрихом в отключке, а в... хижине. Той самой, в которой мы с Сорой ночевали в первый раз. Только уже не было нарисовано рун и изображений рогатого злого бога, оленьи черепа тоже исчезли. Теперь это была просто капсульная хижина, не имевшая ничего общего с мистикой. Когда это все успели убрать? Или оно испарилось само, как только исчезла нечистая сила из Виндо?

Впрочем, сейчас это не очень интересовало. Меня тошнило. Голова кружилась. Эманатор, слегка потухший, находившийся в спокойном состоянии, покоился на постели рядом с моей сумкой. Но от него исходил неприятный запах смрада, который источал Хронос из прошлого. Наглый, гнусный, отвратительный лгун и манипулятор. Меня ужасно воротило, и на глаза налипла какая-то странная пелена. Я решил выглянуть в окно и отдышаться, пока Сора еще выходила из временного транса, лежа с закрытыми глазами. В этот раз она возвращалась к реальности намного медленней...

Свежий воздух ударил в нос, и я принялся всматриваться в окружение деревни Виндо. После изгнания Кернунна все мгновенно поменялось и пришло в более обычный и нормальный вид. Оленьи черепа исчезли отовсюду, лес уже не казался таким хищным и неприветливым, а кастровское солнце смело выглядывало из облаков. Где-то блуждал радостный Конрад и довольная Ингрид в повседневной одежде, и еще ворчливо и будто виновато сгорбился Ульрих. Он уже походил на обычного человека, на реального простого комиссара. Видно, с него сошла одержимость Кернунном, как только эта тварь исчезла. Слава Богу, все стало хорошо в Виндо. Мы избавили ее от проклятия. Но еще не спасли себя, и на душе было совсем мерзко и тревожно.

После просмотренного воспоминания в голове роилось множество мыслей, которые буквально пожирали изнутри. Накопившиеся эмоции и чувства вскипали подобно адскому горячему бульону в груди, и я не знал, куда себя деть и как успокоится. Пока что в возбуждающей от мыслей голове рождались исключительно будоражающие сердце выводы. Сора была действительно права. Пожалуй, права во всем, во всех догадках и доводах, в которые я до конца предпочитал не верить.

Джеймс и вправду оказался моим отцом. Уже не было смысла придавать этот неоспоримый факт сомнению. Мама влюбилась в него и сбежала из ужасной лаборатории. Они жили в коттедже за Дель-Темпо, как я и видел в своих первых временных линиях. И через какой-то период у них чудесным образом родился я. Потом мама погибла, и Хронос пришел за мной. Папа боролся за меня изо всех сил, но проиграл этому монстру, и меня забрали в Лагерь, полностью перепрошив сознание... Какой ужас! Я... Я буквально почти полностью потерял свою личность, став реальной хроной без прошлого и будущего, глупым и беспрекословно верящим в Хроноса. Если бы не эта временная линия, удачно оказавшаяся в космосе, я бы так и не узнал, кто на самом деле такой. Или... Джеймс, то есть папа специально все подстроил, все это время имитируя для Хроноса свою смерть? Я так хотел с ним поговорить и узнать обо всем, о чем он молчал это время!

По поводу Соры я тоже был шокирован. Меня удивляло то, с каким безразличием Хронос желал создать машину для убийств с единственной целью защиты Маттео и как легко принял идею безумной Ферн вживить в бедную «Бету» чип. Все это время Хронос видел в Соре лишь

солдата, покорную собаку, которую можно в любой момент подзвать к ноге. И моя милая подруга все ощущала буквально кожей... Все взгляды, поступки, пульсацию этого чипа... Она ведь первая заговорила о том, что все хроны – пешки Хроноса, которыми он умело может управлять. На подсознательном уровне «Бета» понимала, что с ней что-то не так. И те переживания, которые она высказала во время катания на качелях... Сора испытывала ко мне платонические теплые чувства и боялась, что может потерять здравый смысл, стоит только Хроносу нажать на какую-нибудь кнопку. Все это время она ощущала себя оружием ученого и желала избавиться от мерзкого ярлыка. Я ужасно хотел ей помочь, но пока не знал, как...

Насчет Маттео у меня были лишь самые горькие чувства. При мысли о нем на языке даже образовывался солоновато-пресный привкус, а глаза становились влажными. Просто человеческое сочувствие вспыхивало в груди. Я понял наконец, что «Альфа» не был противным и высокомерным парнем, желающим всегда находиться на первом месте - он был ребенком с разбитым сердцем и сломанной судьбой. Маттео не был полноценной личностью, а только копией человеческого мальчика, которого когда-то любил Хронос. И «Альфа» мгновенно стал разочарованием, как только родился... другим. Не таким, как желал Хронос. И, не получив должной родительской любви, он оказался брошен подобно котенку, единственному пятнистому среди белых. Чем Маттео это заслужил?.. А ведь на самом деле он испытывал эмоции и чувства: глубоко и крепко любил Хроноса как отца и боялся жестокости с его стороны. Два самых сильных чувства бились в «Альфе» ручьем. Но и этого Хронос не оценил, видя в Маттео лишь оружие для достижения своих целей.

Однако я еще не понял, какое именно. О какой возвращенной мощи говорил все Хронос, что имел в виду? Что именно находилось в Маттео и как это могло повлиять на Кастру? Это могло ее... уничтожить? И сам «Альфа» догадывался вообще, что в нем находится некое оружие? С ним я тоже хотел встретиться и поговорить несмотря на его вспыльчивый и агрессивный нрав. Теперь понимал, что Маттео просто травмированный мальчик. Такой же, как и мы.

- Эдвин...

Я резко обернулся и увидел стоящую передо мной Сору. Она дрожала всем телом, в уголках глаз скопилась влага, а губы потеряли всякий цвет. Подруга сжимала края юбки и все сглатывала, будто некая кость встала ей поперек горла.

Я попытался держаться бодрячком и не показать весь спектр эмоций после просмотренного воспоминания Хроноса.

- Ты как? Нормально?

Соре, похоже, такой подход не понравился. Она была вся на взводе.

- Нормально? – переспросила «Бета». – Думаешь, после всего увиденного я чувствую себя нормально? Эдвин, давай не будем закрывать глаза на очевидное.

Я виновато опустил голову, почувствовав укол стыда. Сора же начала ходить из стороны в сторону рваными шагами.

- Так и знала, - бормотала она, кусая пальцы. – Мы все пешки... Даже не пешки, а мясо! Просто расходный материал. Я так вообще... живой щит для этого Маттео! И во мне находится чип, с помощью которого можно контролировать каждый шаг! В одну секунду я могу встать против тебя и... и... убить своими руками!

Я подошел к Соре и взял за плечи, стараясь успокоить.

- Ничего такого не будет, - повторял из раза в раз, - что-нибудь придумаем...

«Бета» подняла на меня взгляд. Теперь она вся покраснела, лицо содрогалось, тонкие слезки уже потекли по щекам. Сора вот-вот была готова расплакаться. Я впервые видел ее такой и впал в ступор.

- Нужно найти чип и уничтожить его, - глядя прямо в душу, сказала «Бета» на эмоциях, - чтобы я не смогла ничего сделать против тебя. Я неважна, а ты – да.

- Сора, что ты такое говоришь? – мой голос тоже дрогнул, руки сжали маленькие, но крепкие плечи подруги. – Ты важна для Кастры так же, как и я. Это я некий... подкидываю Хроноса.

- Я просто все поняла, - всхлипнула глухо Сора. – Хронос хотел использовать тебя как эмпатичный сосуд для Маттео, но на протяжении всей жизни в Лагере ты действовал и на остальных хрон тоже! Ты учил нас испытывать эмоции и чувства. Ты – сын человека и репликанта, чудом появившийся на свет, реально способный на спасение Кастры. И если я еще убью тебя... Боже, это будет ужас. Я не хочу быть оружием. Не хочу быть предательницей. Не хочу...

Я, ничего не говоря, заключил Сору в объятия. Это был самый проверенный вариант поддержки из всех возможных. Она тоже обхватила меня руками и уткнулась мокрым лицом в грудь.

- Тебе надо поговорить с Джеймсом... - прошептала подруга, - больше нет смысла строить догадки. Он твой отец и должен все объяснить. Помочь...

Как только Сора это сказала, в моем кармане раздался гудок, а затем голос, по которому уже успел затосковать:

- Эдвин? Ты здесь?

Вздрыгнув всем телом, я тут же достал часы и раскрыл их. На экране циферблата показалась голограмма Джеймса О'Хары... То есть, папы. Я все еще не мог в это поверить... Оказывается, все это время отец был у меня под боком, а я даже не подозревал... Еще и спрашивал у него про папу! Как же я был глуп.

- Наконец-то, - выдохнул папа по ту сторону экрана. Он выглядел довольно уставшим, однако теперь я замечал, насколько же мы были похожи, - наконец-то дозвонился до вас. Связь в Дель-Темпо сейчас плохая из-за обстановки, и...

Видно, заметив, как я многозначительно смотрел на него, отец приостановился и затем переспросил:

- Эдвин?

- Пап... - откровенно промолвил я, - мы нашли третий эманатор, и в нем выяснилось, что я твой сын.

Только услышав эту фразу, папа дрогнул, глаза его расширились, а рот приоткрылся. Было слышно через часы, как забилося его сердце с большой скоростью, плечи приподнялись. Былую усталость как рукой сняло.

- Значит, ты увидел все самое важное, - с толикой радости в голосе сказал отец. – Ты все вспомнил, Эдвин. Это хорошо.

- Почему ты не сказал раньше? – я прикусил губу, стараясь сдержать порыв каких-то странных беспричинных слез. – Почему держал все в секрете?

Видно было, как папе тяжело далось зрелище, представшее перед ним. Он явно не любил, когда я переживал и грустил. А я готов был отчего-то разрыдаться и уже прикрыл глаза локтем.

- Все это время я искал семью, пытался вспомнить хоть что-то, а ты молчал... - объяснялся хриплым голосом. – В чем была проблема сказать, пап?

Глубокий тяжелый вздох послышался по ту сторону экрана. Отец озадаченно поправил очки и поджал губы.

- Так нужно было, Эдвин, - произнес он так же сипло, как и я, - иначе бы ты ничего не вспомнил... не понял. Поверь, утерявший былую истинную память, ты бы не поверил мне сразу на словах. Все-так после побега ты все еще являлся переделанной хроной, почти новой личностью, только вошедшей в реальный мир. Без целостной картинки, без восстановленной временной линии ты бы не вернул свое настоящее я с полным прошлым и будущим. Важно было, чтобы ты сам увидел все – от становления Хроноса до нашего с твоей мамой знакомства, от нашего побега до твоей кражи.

Услышав слово «мама», я не сдержал слезы и захныкал. Соре осталось только взять меня за руку.

- Прости, сынок... - вновь вздохнув, сказал опечаленно папа. – Я знаю, что поступил не очень правильно и даже жестоко по отношению к тебе. Но мне нужно было показать тебе всю историю... Я хотел вернуть все человеческие воспоминания. Хотел, чтобы ты перестал быть «ЭД006» и снова стал Эдвином О'Харой. Тем, кем и был всегда. Даже тогда, когда Хронос пытался убить это в тебе.

- Я знаю... - почему-то никак не мог успокоиться, слезы все не хотели останавливаться, а на груди будто лежал некий груз, мешавший нормально дышать. – Просто... все это так... неожиданно... и сложно... и... В любом случае я рад, что ты все это сделал ради меня... Что все показал... Я просто...

- Просто у тебя скопилось много эмоций, - констатировал факт папа более спокойно. – Все эти переживания, конфликты, смерти, разруха и конец мира не для вашей хрупкой психики. Все-таки вы все еще дети, пусть уже и не совсем маленькие. Для меня-то ты всегда будешь крошечным мышонком. Так любила называть тебя мама...

Я прикусил губу, постаравшись наконец взять себя в руки, хотя сердце все еще изнывало от чувств.

- Что случилось с мамой?

- Она... - тут отец запнулся и сглотнул, отводя потяжелевший взгляд в сторону. Кажется, теперь его одолели воспоминания, - несмотря на то, что у Ванессы оказалось более крепкое и долговечное здоровье, чем предполагал Хронос, она все равно жертва тяжелых экспериментов с манипуляциями над организмом. После тирании Хроноса многие подопытные жили еще максимум два года, однако Ванесса прожила чуть ли не десять лет... Но все-таки иммунитет ослаб, и постепенно она потухала. Ты уже не помнишь, был еще совсем малышом. Твоя мама то кашляла, то падала в обмороки, то теряла зрение и слух, и в конечном итоге... ушла во сне. Я похоронил ее останки глубоко под домом за Дель-Темпо, чтобы Хронос не нашел их.

- Хронос и вправду хотел использовать останки Ванессы, чтобы создать живородящих хрон? – поинтересовалась Сора, нахмурившись.

- Да, это так, - кивнул папа. – Изначально он планировал создавать только мальчиков, но как только возник вопрос о приобретении чувств, Хронос начал создавать и девочек, чтобы в будущем воссоздать способность у хрон к размножению. Разделение на крылья и гендеры было не для удобства вожатых, как вам говорили, а именно для полового воспитания, как у обычных людей, чтобы с помощью останков бедной Ванессы затем стимулировать репродуктивную систему, влечение и так далее. Но я всеми силами помог жене спокойно уйти в мир иной, и Хроносу не удалось осуществить задуманное.

- А как... ты выжил после моей кражи? – сжав часы, спросил я, немного отойдя от бесконечных слез.

Услышав вопрос, отец отошел подальше и принялся расстегивать рубашку. Показался бледный торс, на котором красными полосами и кругами вырисовывались шрамы. Мы с Сорой невольно охнули.

- Хронос все еще путает кастровцев с обычными людьми с Земли, - начал объяснять он. – Чтобы убить нас, нужно сделать больше ранений. Я прикинулся, что не дышу, а когда Хронос ушел, то тут же оказал себе первую помощь, напившись разных целебных плазмидов... И, не видя дальше смысла жить в пустом доме, я решил скрыться в старых апартаментах Дель-Темпо. Конечно, из-за тебя я сначала очень много переживал и не мог принять факт того, что все-таки не смог защитить от лап Хроноса. Но затем решил действовать по плану, который мы придумали с твоей матерью еще при ее беременности. В него входили и пункты о распространении твоих временных линий, о вашем спасении из Лагеря, об эманаторах...

- И все-таки, что такое эманаторы и как их применить? – прищурилась Сора. – Об их истинной сути вы еще не рассказали.

- Это вы узнаете, когда выйдете в космос, - ответил многозначительно папа, поправляя очки. – На этот случай мы с Ванессой тоже подготовили запятанную временную линию с воспоминанием. Эдвину удастся увидеть ее.

- Опять не говоришь все... - вырвалось у меня само собой.

- Слова – худший способ объяснить суть той или иной вещи, Эдвин, - сказал папа. – Лучше видеть все своими глазами, тем более когда у вас есть такая возможность.

Мне не оставалось ничего кроме как согласиться.

- Угу...

- Скажите, - подала в очередной раз голос Сора, но уже более взволнованно, - а вы знаете, где находится чип у хрон? Тот, что вживил Хронос после моего создания? Ну, или хотя бы где он находится у меня... Я хочу любыми способами избавиться от него, чтобы не пустить в урну все наши жертвы и труды.

Отец немного подумал, погладив щетину. Затем, глядя на подругу, начал разяснять:

- Чип действительно есть, и он находится чуть ниже затылка. Удалить его можно, и даже без летального исхода, однако... без крови и боли не обойдется. Он находится под кожей – черный, с зеленым огоньком, похожий на микронаушник. Слегка выпирает, поэтому его можно вырезать с помощью стилета.

Сора тут же принялась ощупывать затылок, пытаясь найти набухшее место, которое никто из хрон раньше не замечал. Весь ее вид сделался озабоченным, руки резво шарили сзади. Казалось, «Бета» хотела сама выцарапать ногтями злополучный чип. И, судя по взгляду, у нее была одна кровавая идея.

- Самой тебе его не вырезать, - покачал отец головой, - нужен кто-то посторонний, чтобы сделать аккуратный надрез в той области.

Я загорелся от тревоги и протараторил:

- Только не говорите, что это надо делать мне.

- А кому же еще? – расставив теперь руки по сторонам, эмоционально и нервно спросила Сора. – Я доверяю только тебе!

- У меня нет хирургического образования и садистских наклонностей!

- А только, судя по всему, мазохистские, - пустила саркастичную фразу подруга. – Что выбираешь: пятиминутное мучение или свое убийство моими руками?

- Должен же быть другой выход! – сорвался я, сжимая руки в кулаки.

- Спокойно, Эдвин, - поспешил охладить пыл папа. – Это не страшно. Я буду с вами, руководить процессом на расстоянии. Сам бы удалил быстро чип, но по прибытии в Дель-Темпо мы можем не успеть.

- Вот именно, - согласилась Сора твердо. – Я лучше потерплю.

- Я боюсь сделать тебе больно, - чуть ли не хныкал я, с дрожью представляя, как срезаю с подруги слои кожи.

- А я не боюсь боли, - «Бета» подошла ближе и достала из кармана моих брюк нож, вложив в ладонь. – Держи.

Кинжал был холодный и тяжелый, от страха я кое-как мог удержать его в руках, будто тот весил как большой булыжник. Все внутри тряслось, и я даже голову не хотел поднимать, боясь столкнуться с уверенным и непоколебимым взглядом Соры. Да, понимал, что важно было удалить чип, чтобы из подруги Хронос в одно мгновение не сделал чудовище, но и я боялся случайно им стать. Я еще никогда не делал кому-то больно намеренно, да еще и ножом. Мой максимум – толкнуть Маттео в плечо или ударить по лицу в мелкой драке, из которой выйду все равно проигравшим. Сейчас просто пытался себя успокоить мыслями о том, что нужно это сделать ради нашего общего блага, ради Соры...

- Соберись, Эдвин, - подбодрила в своем духе «Бета» и повернулась спиной, слегка расстегнув молнию платья и убрав волосы наперед.

Мне открылся вид затылка, ровного и вытянутого, с бледной, слегка вспотевшей кожей. Если внимательно осмотреть участок, можно было и вправду увидеть некую странную выпуклость. Наверное, мы и раньше ее замечали ненароком, просто не придавали значения. В конце концов хроны являлись репликантами, и любую странность можно было объяснить особым строением.

Я повесил часы с папой в экране на видное место, и он мог спокойно наблюдать за нами.

- Видишь, выпирает? – поправив опять очки и потеряв переносицу, спросил отец.

- Да, - ответил сжато я, держа крепко нож в руке.

- На этой области нужно вырезать совсем не большой круг и снять ненужный кусочек с чипом, - очень спокойно объяснил он.

- Как ты можешь так просто об этом говорить... - сквозь зубы пробормотал я, поднося лезвие к спине Сора.

- Чем больше рассуждаешь, чем страшнее становится, - строго бросила подруга. – Режь давай. Тебе не аппендицит удалять голыми руками.

- Не торопи меня! – прикрикнул я в сердцах и сделал большое усилие, чтобы приставить кончик кинжала к напухшей области затылка. Она, кажется, даже чуть-чуть запульсировала. Видно, чип почувствовал угрозу. – Сейчас соберусь...

- Я же не человек, - уже мягче попыталась заверить Сора. – У меня не такая боль, как у вас... В конце концов и чувств у меня не так много. Все будет хорошо.

Я не был согласен с ее словами. «Бета» всегда казалась мне глубоко чувственной и эмоциональной девушкой, которая выражала этот спектр не лицом и словами, а действиями, пристрастиями, привычками... Короче, ладно, надо было уже сделать дело...

Собрав волю в кулак и сконцентрировав все свое мужество в руках, я принялся аккуратно и медленно вводить нож под кожу.

- Будет немного больно, - прошептал я.

- Это недолго, - подбодрил отец.

- Я знаю, - одновременно на обе реплики ответила Сора.

Решив, что больше тянуть эту боль нельзя, я начал обводить в круг ножом выпирающий участок затылка с чипом. Конечно, из надрезов пошла темная, почти черная густая кровь, и Сора вся напряглась, тихо прошипев. По мере того, как кинжал двигался, крови становилось все больше, а кусок кожи уже потихоньку отходил от плоти. Я искусал все губы, пока чертил лезвием кружок. Резал и уже начинал слышать тихий писк чипа, который ударял прямо по мозгам. Он смешивался с шипением и хрипами «Беты», мужественно переносившей боль.

- Еще чуть-чуть, - поведив зубами по нижней губе, нервно сказал папа, - уже...

Наконец, эта пытка закончилась. На пол шмякнулась совсем крохотная часть кожи Сора, к которой было прикреплено маленькое черное устройство. То самое, о котором говорил отец. Вместе со мной все расслабленно выдохнули.

- Вот и все, - сказал он, - больше ты не собственность Хроноса, Сора. Не «СБ002». Просто девушка.

Рана на спине подруги, сочившаяся кровью, внезапно зажила. Будто я и не резал ничего.

- Спасибо ДЕМЕТРе, - усмехнулась Сора и вновь застегнула платье. – Хотя что-то полезное придумал Хронос.

Она повернулась ко мне, и я увидел на лице «Беты» расслабленную улыбку. Она стойко выдержала все манипуляции, так еще и осталась довольна.

- А ты боялся, - хихикнула Сора и слегка толкнула меня кулачком в грудь. – В итоге спас. Хорошо ведь?

- И тем не менее я ранил тебя... - все еще отходя от сделанного, прохрипел я. На окровавленный нож даже смотреть не хотелось.

- Мне приятно, что ты переживаешь несмотря ни на что, - щеки Соры окрасил легкий пунцовый румянец. – Пока дойдем до линии Ферн, отвлечешься и придумаешь мне фамилию. Раз я больше не собственность Хроноса.

- Да, вам уже нужно отправляться в космос, - вздохнул папа. – Третий эманатор получен – это хорошо. Значит, осталось совсем чуть-чуть. Конрад Яген уже осознал себя, и Хронос в бешенстве, а Ферн пытается всеми способами защититься от вашего влияния. Но уж не получится.

Я отложил нож и сжал часы в пальцах. Сердце тревожно забилось быстрее. Не знаю, когда оно будет существовать в спокойном ритме.

- Пап, ты только береги себя, - попросил робко. – Я не хочу потерять и тебя.

Маленькая улыбка украсила усталое лицо отца.

- Все будет хорошо, Эдвин.

В конце концов мы выбрались в космос. На этот раз здесь было подозрительно тихо и спокойно. Даже не наблюдалось окровавленных кусков одежды и разбитых часов, не слышался гул Странников. Похоже, Хронос перестал отправлять репликантов на смерть, и монстры залегли на дно. Я думал, что даже эти Странники ожидали чего-то более опасного, чем они сами. Допускал и мысль, что монстры тоже были под контролем Хроноса.

В этот раз мы пошли по космическому пространству более спокойно и смело, ибо никакой даже прозрачной угрозы не вырисовывалось.

- Что насчет Ямамото? – Сора действительно уже мечтала о собственной фамилии. Она была несказанно рада тому, что я удалил злосчастный чип, и теперь подруга даже дышала свободно. – Ямамото Сора... Звучит?

- Мм... - я тоже влился в перебор фамилий для «Беты», - не очень. Может, Кочо?

- Кочо Сора, - подруга попробовала предложенную фамилию на вкус. – Коротко и чопорно. Я хочу что-то более длинное. Что насчет Ватанабэ Соры?

- Некрасиво, - скривился я, - будто усложнили слово «вата».

- В купе эти иероглифы означают «переправляться в окрестность», - поводила носом Сора. – Хотя... да, ты прав.

- Нужно что-то связанное со счастьем, - предложил я, - с радостью, морем каким-нибудь, небом, солнцем...

- Хм... - «Бета» всерьез задумалась, - тогда нужно что-то по типу... Ёси... Ёси... черт.

- Ёсикава, - сразу вырвалось у меня из уст, - счастье и река. У одной из вожатых была такая фамилия, и мы как-то спрашивали, что она означает. С тех пор эта фамилия очень симпатизирует мне.

Кажется, и сама Сора наконец стала довольна предложенной идеей. Она улыбнулась, и в глазах точно промелькнули искорки.

- Ёсикава Сора, - вновь произнесла «Бета» полное имя. В этот раз она сказала более сочно и выразительно. – Да, это самый хороший вариант. Спасибо, Эдвин.

Я тоже улыбнулся.

- Буду ждать твоих новых и первых документов после того, как все закончится.

- Уже мечтаю, - вздохнула возбужденно подруга.

Однако наша идиллия длилась недолго. Не дойдя до отдела, где хранились временные линии Дель-Темпо 2010 года, мы увидели до боли знакомую фигуру, сидевшую прямо на зеленой дорожке. Маттео подобрал под себя ноги и, на первый взгляд, скучаяще водил пальцем по скоплению дорожной пыли. Но, приглядевшись, можно было увидеть, что «МА001» явно

плохо себя чувствовал. По телу струился пот, глаза украшали фиолетовые мешки, цвет кожи почти сливался с оттенком дорожки, а белая полурастегнутая рубашка была запачкана... кровью?

Сора тут же напряглась, а я в моменте потерял всякий страх и окликнул неестественно выглядевшего «Альфу»:

- Маттео? Что ты здесь делаешь?

- Эдвин, зачем? – прошептала опасливо Сора.

- Он сидит прямо перед нужным нам отделом, по-другому никак, - тоже прошептал я и затем вновь окликнул Маттео: - Эй, Маттео!

Завидев нас, «МА001» внезапно оживился. Он быстро поднялся на ноги, синяки под глазами исчезли, а кожа вновь зарумянилась. «Альфа» начал подходить ко мне, и Сора выставила катану вперед.

- Наконец-то нашел, - уже без особого энтузиазма сказал Маттео.

- Вообще-то мы к тебе подошли сами, - заметил я спокойно.

- Тц... неважно, - рыкнул «Альфа». – Складывайте оружие и идите за мной.

- Ага, так и сложили перед тобой, - процедила Сора, прищурившись. – Лучше возвращайся в богадельню Хроноса и дай нам пройти.

- У вас ничего не получится, - взглянув на «Бету» исподлюбя, промолвил сквозь зубы Маттео. – Просто остановитесь уже. Вы – ничтожества перед могуществом Хроноса. Две жалкие капли в море. Ваши игрушки не помогут избавиться от него, а этот Джеймс, или как его... Он скоро будет пойман и сожжен в пиро-камере. Он предатель, глупец, решивший, что может сделать что-то против силы Хроноса. Моей силы... В конце концов, я его Ангел Возмездия...

Последнюю фразу «Альфа» произнес как-то скомканно и задумчиво, и это побудило меня сделать попытку вразумить Маттео с промытыми мозгами. Я взял его за плечи так по-дружески, будто мы всегда очень хорошо общались, и начал быстро объяснять:

- Маттео, пойми ты уже, что Хронос – это настоящий предатель! Он Эон Времени, который потерял свою силу и решил восстановить ее и поработить всю Вселенную с помощью Кастры и ее народа! Кастра – это... один большой эксперимент безумного ученого... И мы все в это влипли! А ты... ты больше всех страдаешь, это стало ясно!

Мои слова явно задели Маттео, однако он всеми силами старался не показывать виду.

- Че ты несешь, «Дзета»... - неубедительно пробормотал он.

- А то! – я сильнее сжал его крепкие плечи. – Хронос создал тебя лишь из собственной прихоти и целей, перед этим проведя жестокие эксперименты над кастровцами и используя Комитет как сосуды! Он хотел возродить своего приемного сына Мэттью с Земли, который трагически погиб, но увидев, что ты отличаешься, решил использовать тебя исключительно как машину, а не человека! Мы увидели это с помощью эманаторов! Разве таких поступков Хроноса недостаточно, чтобы ты все понял?.. Скажи, Маттео...

- В тебя еще и чип вживлен, - добавила Сора. – Хронос даже поведение твое контролирует. Милашка, правда? А мы такие злые, ужас.

«Альфа» прикусил и так раненные губы с запекшейся кровью. Он отвел взгляд и даже задрожал слегка, точно раздумывая над моими словами. Маттео явно было больно это слушать, скорее всего он и сам понимал, что оказался брошен на произвол судьбы нерадивым отцом, которому нужно лишь завладеть Вселенной... Однако тень сомнения все же пробежала в его глазах. Оно и не мудрено, впрочем... Какими бы не были родители, все живые разумные существа пытались оправдать их...

- Знаешь что, Эдвин, – внезапно подняв голову, заговорил Маттео. На его лице теперь отражалась обида, боль и злость. – Я сам решу, что делать. Ты мне не советчик. Ты... отец считает, что без тебя мое сердце не будет функционировать как надо. Что без тебя я недостаточный человек и всякое такое. Но я даже слушать тебя не хочу! Я не хочу зависеть ни от тебя,

ни от твоего мнения, ни от твоей крови! Я хочу быть самостоятельной личностью, сильным и независимым от кого-либо. Я лучше тебя, хоть ты и человек. И пусть даже Хронос в чем-то неправ, по крайней мере он все равно... дает возможность почувствовать себя важным для этого мира. Я ощущаю, что еще чуть-чуть, и я тоже стану могущественным, как он... Только без тебя и даже твоей подружки. Что бы вы не говорили, я все равно буду за отца, и только за него. Поэтому... просто избавлюсь от вас. Вы мешаете.

Неожиданно весь печальный и обидчивый настрой Маттео улетучился, вновь сменившись враждебным. В руках он сосредоточил всю свою плазмидовую силу и направил на меня. Если бы не молниеносная реакция Соры, которая вовремя отразила катаной поток огня, я бы, наверное, действительно погиб. Однако волна магии оказалась настолько сильной, что меня откинуло в сторону, и пальцы по обыкновению заделали одну из белых временных линий. Сознание тут же помутнилось, и я сразу понял, что к чему... Это была еще одна линия, заготовленная для меня папой и мамой...

Мама умиротворенно качала маленького меня в гостиной. За окном была зима, но в доме царило тепло и уют. Горел камин. На ногах у мамы был шерстяной плед. Из радио приглушенно играла спокойная музыка. На столе стояли две чашки с горячим ароматным какао. И кое-что еще – пять светящихся фиолетовых сфер, прислоненных друг к другу. Отец стоял рядом, смотря на них.

- Наконец-то я завершил создание этих сфер... - по его виску скатилась капля пота, которую папа тут же утер. – Было сложно, однако...

- Ты молодец, Джеймс, - взглянув влюбленно на мужа, похвалила мама. – Я знала, что только тебе под силу такие проекты.

- Значит, какой у нас план дальше? – папа сел рядом и взял меня на руки, давая маме отвлечься за чашкой какао. – Подождем, пока Эдвин вырастет?

Лицо матери украсила печальная улыбка.

- Нужно действовать уже сейчас, - сказала она, - ибо мне, любимый, явно недолго осталось...

Папа вздрогнул.

- Не говори так. У нас есть все необходимые лекарства и...

- Хронос рано или поздно узнает, что я родила, и захочет использовать нашего Эдвина, - начала объяснять мама. – Поэтому нужно действовать сейчас... В конце концов, эманаторы – это, прежде всего, по природе своей сферы, способные излучать любую энергию, которую ты заложишь. Что мы с тобой и сделали – смешали мое божественное улучшенное ДНК с чистой природной силой Смерти и Жизни и добавили туда найденные временные линии Хроноса – то, что он всегда старался уничтожить, чтобы стать новым существом. Все его слабости мы собрали воедино и переместили в эманаторы, которые должны теперь поселить в линиях членов Комитета. Оставшуюся пятую сферу мы поместим в самого Эдвина, которая станет катализатором, если у Хроноса найдется план «Б». Конечно, извлечь ее будет не так просто, но возможно с помощью более могущественной хроны, не самого Альфреда.

Отец сглотнул так, будто в горле застрял комок. Однако он продолжал внимательно слушать жену, покачивая меня на руках.

- Эдвина, скорее всего, отнимут у нас и сделают хроной в Лагере Хроноса, он забудет и меня, и тебя. Но мы оставим на видном месте временные линии, чтобы в один момент он нашел их и... отправился в путь на наши поиски. Ты сам должен будешь найти его и помогать ему, направлять, само собой... В конечном итоге он соберет все эманаторы и... объединит их вместе с исправившимися членами Комитета, с которыми они и будут неразрывно магически связаны. Сила эманаторов активизируется, и... мы снова станем свободны. Время в Кастру

вновь вернется, а Хронос исчезнет уже навсегда, задушенный своей же нитью Судьбы. Хорошо придумано, ага?

Я внезапно заплакал, и маме пришлось отложить чашку, чтобы взять меня на руки.

- Не плачь, мышонок... - прошептала она, - ты все равно будешь счастлив. Просто... за счастье всем нам надо побороться.

Глава 19

Глава 19. «Две сестры»

Когда я очнулся от воспоминания, в космосе снова царила тишина. Кругом было так же темно, не виделось огней силы Маттео. Да и в целом... Он пропал. «Альфы» уже не было видно на горизонте, даже следов боя не осталось. Просто все исчезло. Передо мной на зеленых дорожках сидела только Сора, протиравшая краешком юбки катану. Немного испугало, что на ней была засыхающая кровь, обрамившая все лезвие. Не утешили так же и грязные царапины, красовавшиеся на лице подруги. На изящных руках осела копоть, а коленки оказались содраны.

- Проснулся? – так и не повернувшись полностью, спросила чувствительная «Бета». Она все еще сидела полубоком.

- Сора?.. – подал я хриплый голос. – Где Маттео? Ты в порядке?

- Я жить буду, - сказала уверенно Сора, с усилием оттирая кровь с оружия, - но как только ты погрузился в воспоминание, Маттео стал еще более агрессивным. Еще чуть-чуть, и он бы спалил нас обоих к чертям. Он крайне силен, всякие ПОСЕЙДОНЫ и ЗЕВСЫ были ему нипочем. Пришлось пронзить плечо, чтобы хоть как-то ослабить. Только это и остановило Маттео. Он так и ушел потихоньку, что-то бормоча про тебя и человечность.

Рассказ меня не ободрил. Стало стыдно. Я почувствовал укол вины, как будто трусливо оставил Сору одну разбираться с Маттео, хотя и не хотел так делать. А что, если бы она не справилась, и «Альфа» потащил бы ее без сознания к Хроносу и в пироканнеру? Что бы я тогда делал?

Да и Маттео... он опять нарвался на драку и получил серьезную рану. Надо было разнять их, тогда бы ничего не произошло. Ну, или хотя бы мы с Сорой справились вместе...

- Прости, что вот так подставил, - щеки стыдливо загорелись. – Я не думал, что очередное воспоминание окажется так близко с Маттео.

Теперь Сора повернулась ко мне полностью. Стали видны другие царапины, от чего вина все больше поглощала меня изнутри.

- Все нормально, - подруга ответила так, будто ничего и не произошло вовсе, хотя я был уверен, что она немного обиделась. – Твоя задача – смотреть важную информацию в своих воспоминаниях, моя – защищать тебя. Кто ж знал, что линия окажется рядом в самый неподходящий момент? Ничего не поделаешь.

- Прости... - и все-таки я извинился еще раз, чуть склонив голову. Обычно так делала сама Сора, когда оказывала уважение или просила извинений.

- Это Маттео надо просить прощения за то, что он, вместо того чтобы говорить все ртом, устраивает такие побоища, - прыснула «Бета» и затем с особой сочностью на языке добавила: – Идиот.

И теперь, когда увидел маленькую улыбку на лице подруги, решил закрыть тему и рассказать о том, что видел в прошлом:

- В этот раз я видел маму, которая рассказала о своем плане против Хроноса.

- Так.

- Джеймс создал эманаторы – сферы, способные излучать любую заложенную энергию, - начал пояснять я. – Они противопоставлены хронопультаторам Хроноса – в них заключены божественные гены и слабости Эона. Соединив их с помощью новых исправленных членов Комитета воедино, мы сможем избавиться от Хроноса навсегда и вернуть потерянное время. И еще момент... в моем теле есть запасной эманатор – пятый.

- Зачем? – Сора непонятливо изогнула бровь.

Я сглотнул и неуверенно пожал плечами.

- На случай, если четырех сфер будет недостаточно...

- И как же ее извлечь? На всякий случай, - «Бета» подперла руками щеки, положив локти на колени.

- Мама сказала, с помощью сильной хроны, у которой будет возможность пожертвовать собой и своими силами, - я облизнул иссохшие губы.

Сора задумчиво поглядела куда-то сквозь меня. Кажется, в ее голове в один момент пролетели сотни мыслей, но на этот раз подруга их не озвучила. Почему-то... В ее голове словно созрела некая волнительная идея, но пока я удостоился лишь повторным спокойным взглядом.

- Вот как, - и Сора произнесла фразу, от которой веяло сущей формальностью, - понятно. Ладно, разберемся.

Затем «Бета» встала и убрала катану за спину. Она взяла одну из временных линий и слегка придвинула ее ко мне.

- Пока ты был в этом воспоминании, я достала линию Ферн, - Сора раздвинула ее пальцами, и между нитями показался старый Дель-Темпо. – Пойдем?

На каком-то неистовом подъеме и адреналине я быстро встал, не зная устали и головной боли. Кажется, за все то время, что мы непрерывно путешествовали, уже привык к резким скачкам прошлого и настоящего.

- Последний член Комитета, - напомнил вслух я.

- Самый отбитый, - Сора постепенно начала входить в линию Дель-Темпо 2010 года. – Интересно, она и в прошлом сумасшедшая?

На этот вопрос я не ответил, поскольку сам еще не знал ответ. Просто двинулся вслед за «Бетой».

Дель-Темпо из прошлого... действительно оказался старым. Раньше, не ощущавший тягот времени, я думал, что полвека – не такая уж и большая разница между одной эпохой и другой. Видевший лишь куски прошлого, будучи в Лагере, был уверен, что время идет очень скоротечно и неумолимо, оттого и особо ничего не меняется на Кастре. Однако Дель-Темпо из 2010 года крайне сильно отличался от того мегаполиса, который мы наблюдали каждый день в 2060.

Это был Дель-Темпо, в который еще не пришла беда, который пока не затронут апокалипсисом. Это был город без Альфреда Хроноса и Временного Комитета, без злосчастного Института Времени. В этом Дель-Темпо еще не существовало Цитадели и давления, которое она оказывала на город и его жителей: ни дронов-разведчиков, ни летающих черных кадиллаков, ни военных с лазерным оружием. Здесь не было Лагеря Хроноса, и судьба кастровцев не зависела от хрон.

В Дель-Темпо прошлого уже была установлена своя система времени, неидеальный, но устоявшийся континуум. Даты совпадали с календарями, табло, досками объявлений. Время шло размеренно, своим чередом, каждый в нем ориентировался. Часы были настроены верно, расписание рабочих дней у дель-темповцев не хромало. Они были довольны той реальностью, в которой существовали, и ход времени двигался рука об руку вместе с жителями.

Также оказалось, что Дель-Темпо всегда был противоречив в своем эволюционном балансе. Точнее проблем с ним и вовсе никогда не возникало – он у города и планеты в целом был уникален, обладал своим суверенитетом. Да, в прошлом еще не было столь много технологий. Небоскребов здесь находилось мало, преобладали просто обычные кирпичные многоквартирные дома. Голограмм с искусственным интеллектом я пока не наблюдал – лишь билборды, на которых показывались реальные кастровцы. Городская среда еще не была очень самостоятельной и умной – мороженое продавали люди, фонари не меняли свою яркость от сенсорного

управления, фонтаны не устраивали водное шоу своими брызгами. Вывески на кафе и других заведениях не горели неонов, а были напечатаны на простых принтерах.

Однако уже в 2010 были свои технологичные удобства – машины, телефоны, роботы-помощники. Здесь существовали во всю различные плазмиды и способности – их можно было приобрести в уличных автоматах, которые стояли перед научными центрами. Проще говоря, Дель-Темпо прошлого был стар, но все еще развит и технологичен, даже в прошлом имел ретрофутуристичную изюминку в виде ярко одетых горожан и архитектуры с просачивающимся стилем ар-деко. Город всегда был чудаковатым, но более уютным и... каким-то естественным. Здесь даже чаще светило кастровское солнце, оно было неагрессивным и теплым, придающим Дель-Темпо домашнюю оранжевую окраску. Здесь я чувствовал себя на своем месте.

В этот раз одеты мы были с дель-темповским стилем, но более удобно и реалистично. На Соре оказалась одета, насколько я помнил, учебная женская форма из восточных районов Дель-Темпо. Она была темно-синей, с плиссированной юбкой ниже колена, рубашкой с длинными рукавами и квадратным воротником в полоску, напоминающий матросский. Ни единого напоминания о том, что Сора – узница Лагеря Хроноса и репликант. Она больше напоминала студентку какого-нибудь частного учебного заведения, любящей носить часы в кармане, как аксессуар.

Я посмотрел на себя и заметил, что тоже был одет повседневно. На мне были коричневые брюки в темную клетку, молочная рубашка с короткими рукавами и галстук, соотносившийся с низом. Поймал себя на мысли, что, наверное, так бы и ходил, будь обычным парнем, сыном дель-темповских ученых. Скорее всего я бы ходил сначала в какую-нибудь школу, затем в университет. Наверное, связал бы профессию с изучением времени, как и родители. А, может, ударился в ботанику – я любил всякие растения, знал много разных видов и особенности их выращивания. Может, я бы остался в большом городе, а может, переехал в провинцию у моря или озера. Наверное, у меня был бы уютный домик с огородом и семья из жены и ребенка, может, двух. Можно было бы завести большую пушистую собаку – я их очень любил.

Интересно, встретился бы я в обычной жизни с Маттео, Элизой, Катериной, Гарольдом и другими? Какую бы судьбу они для себя выбрали? Может, я встретился бы с Маттео на какой-нибудь спортивной арене, повидал Катерину на художественной выставке, стал бы делать совместный проект с Гарольдом или был бы приглашен на роскошную свадьбу Элизы? И кем была бы Сора? В отличие от других, я был уверен, что в обычной жизни пересекся бы с ней в любом уголке мира. Он слишком тесен для таких разных, но очень родственных душ. Даже если бы Сору звали по-другому, думаю, я все равно нашел бы ее, узнал среди тысячи кастровцев.

Размышлял еще, что, если бы ни Лагерь и Хронос, моя жизнь сложилась совершенно по-другому. Хотя... что мешает ей так сложиться, когда мы победим Эона Времени? В конце концов, она у меня была еще впереди.

- Все то время, что мы жили в Лагере, с самого младенчества это было иллюзией, - внезапно выдала некое умозаключение Сора, убрав руки за спину. Она начала неспешно прогуливаться по теплым городским улицам.

Я последовал за ней, успевая непонимающе шуриться.

- О чем ты?

«Бета» поводила рукой перед окрестностями старого мегаполиса. Ее взгляд был туманный и задумчивый.

- Дель-Темпо всегда был таким, - сказала подруга, - всегда он являлся противоречивым: и развитым, и консервативным одновременно. Здесь всегда были чудные нравы и вещи, самобытные горожане... Было и свое устаканенное время, и правительство... - она указала на один из плакатов с предвыборной рекламой какой-то партии. – Просто самого Хроноса не существовало, и без него все было нормально. А потом он появился... Знаешь, как злокачествен-

ная опухоль у абсолютно здорового человека. И потом внушил кастровцам и нам, хронам, что все, построенное до его появления гражданами этой планеты – ненормально и появилось из-за исчезновения времени. Это все был просто предлог, чтобы мы, маленькие репликанты, поверившие в его сказку, старались спасти Кастру, вернуть себе «дом». А мы уже и так были в нем. Просто Хроносу важно было сделать так, чтобы мы беспрекословно выполняли его работу, а люди, как стадо, шли за ним.

Честно, у меня до монолога Сора тоже закрадывались такие мысли. И навряд ли они являлись просто гипотезой – скорее истиной, которая дошла лишь при последнем путешествии во времени.

- Да... Смотри, как люди живут без Цитадели и Лагеря, - я решил продолжить мысль «Беты», пиная мелкие камушки под собой. – Солнечно, беззаботно. Их жизни и судьбы не зависят от сомнительного самонареченного божества и репликантов, которые на самом деле такие же неуверенные в себе и мире подростки, как и живорожденные юноши и девушки. Жизнь кастровцев зависит только от них самих. Их главные напарники не военные и дроны, а семья и друзья. Они не боятся гулять на улицах, дель-темповцы знают свой день и ночь, свое ближайшее будущее... Это круто.

- И ни слова о нас, хронах, - подметила Сора. – Никаких билбордов, никаких прикованных взглядов, никаких ожиданий. О нас не знают и даже не подозревают о скором появлении. Хочу, чтобы так было после возвращения мира на Кастру... Чтобы все потеряли память и знать не знали нас в лицо.

- Разве ты не хочешь быть прославленной героиней, спасшей весь мир от такой существенной угрозы?

- Нет, - Сора серьезно помотала головой. – Я устала считаться особенной. Хочу просто жить обычную человеческую жизнь. Возможно, я была бы не против, если с Хроносом пропала и наша способность управлять временем. Просто представь... ты не несешь никакой ответственности, не имеешь возможности что-то менять – время само за себя отвечает и следует своему плану, непрерывно идя. А ты его покорный верный раб, живущий в непринужденном моменте.

- Звучит романтично, - я прикусил губу воодушевленно.

- Вот бы можно было начать жизнь заново... - Сора как-то грустно охнула, переводя взгляд на парочек, сидящих в местной кафешке с двухэтажной порцией мороженого.

Мгновение в голове была пустота, но затем я решил, что не хочу поддерживать философский печальный настрой подруги. Подумал, что мы были ничем не хуже дель-темповцев, поедающих немыслимое сахарное нечто с добавками, называемое мороженым.

- Хочешь мороженое?

- А? – Сора повернулась ко мне изумленно.

- Мы можем занять в этом кафе столик и поесть мороженого, - предложил я уверенно. – Добавим туда всякого... К примеру, кусочки сахарной ваты и посыпку, сиропы, маршмеллоу... Или трубочки с кремом – я их обожаю.

- А как же Ферн? – спросила «Бета» не слишком воодушевленно. Кажется, это был чисто формальный вопрос для важности. Я чувствовал, что она хотела пуститься во все тяжкие – в поедание мороженого.

- Успеется, - заверил я подругу. – Город большой, и придется потратить силы, чтобы найти мисс Деспайр в этой гуще событий. А силы можно взять как раз из мороженого и небольшой прогулки. Ты же хочешь пожить обыкновенную жизнь 19-летки?

Сора помолчала, смотря то на меня, то на соблазнительно выглядывшее кафе со своей уютной атмосферой. Впрочем, она думала недолго.

-...Ты говорил, что тебе нравятся трубочки с кремом, - промолвила «Бета» с румянцем на лице.

Это вызвало у меня победную улыбку.

- Обязательно заварным и белым, - добавил затем с особой важностью.

- Интересно, что будет, если добавить в мороженое тайяки¹? – Сора в предвкушении провела языком по губам. – Кажется, они есть в меню этого кафе.

- Давай попробуем.

В конечном итоге я и Сора позволили себе немного расслабиться. На несколько часов мы почувствовали себя просто обычными людьми, живущими в ногу со временем, без Лагеря Хроноса и опасностей, которые породил в будущем его создатель. У меня еще оставались деньги со взятых запасов, и мы заказали огромную порцию мороженого со сладкими вафельными трубочками и тайяки. Потом, объевшись, решили выгулять набранные калории и походили по дель-темповским магазинам. Я любовался обилием разных книг, а Сора подсматривала красивые хаори в салонах столичных брендов.

Затем мы прогулялись по набережной, наблюдая с упоением безмятежную реку Санривер, на водной глади которой отражались солнечные блики. Когда на Кастру свалился апокалипсис, солнце стало намного реже выходить из тучных облаков, и Дель-Темпо чаще всего вел ночную жизнь. Кастровская дневная звезда с трудом набирала 30 появлений за год, и с детства я не понимал, почему центральную реку столицы называли именно Санривер. Оказавшись в Дель-Темпо прошлого, наконец, понял – солнце и эта река были неразрывно связаны между собой. Прямо как мои родители... Интересно, где находились дома бабушек и дедушек... Мама и папа уже родились в этот миг? Скорее всего точный ответ мне никогда не узнать.

Потом, нагнав себя на реку с набережной, мы завернули в наш с Сорой любимый парк с аллеей, в котором всегда любили прозябать после завершения смены в Лагере. Здесь еще не было темно и несколько пусто, люди во всю наслаждались городской зеленью, шумом фонтанов и чириканьем птиц. Гуляли семьи, пары, пенсионеры... Было много активностей, которые организовывали сами кастровцы, а не роботы и искусственный интеллект. Торговцы продавали сахарную вату и соленую кукурузу, аниматоры развлекали детей, уличные музыканты играли несколько нишевую музыку на потрепанных гитарах. В простом парке Дель-Темпо кипела человеческая жизнь, и в этот день испарились все заботы и переживания. Сенсорное табло в одном из уголков показывало погоду и время: солнечно, осадков не ожидается, в данный момент было 17 часов и 45 минут. Красота, которая раньше казалась недостижимой. И нам удалось ощутить ее на себе. Чувства были непередаваемые.

- Смотри, там художница, - внезапно позвала Сора, указывая на молодую девушку за холстом. Она рисовала пейзаж и параллельно небольшие портреты людей, желавших запечатлеть себя на бумаге, - она рисует масляными красками и карандашами. Я думала, в 2010 уже и исчезли такие инструменты.

- Судя по всему, они еще пользовались популярностью у дель-темповцев, - предположил я, глядя на то, как счастливые горожане всматривались в нарисованные настоящими карандашами портреты. – Красиво...

- Пойдем, попросим нарисовать нас? – подала идею «Бета», беря меня за руку. – Не думаю, что она дорого возьмет.

Я был рад, что подруга преисполнилась теплым хорошим настроением и, конечно, не посмел отказать.

- Давай.

Как только освободилось два стула перед художницей, мы быстро заняли их, опасаясь, что кто-то сможет опередить. Наша торопливость позабавила девушку.

- Вау, да сегодня прямо ажиотаж.

¹ Тайяки – японское печенье в форме рыбки. Кастровцы заказывают его у Балтовой почты.

Вблизи мне удалось разглядеть ее подробней. Художница была высокой и довольно худой, с отчетливыми ключицами и скулами. Сероватая бледность опалила ее кожу, черные глаза были впалыми, но взгляд – расслабленный и свободный. Темно-фиолетовые длинные волосы оказались заплетены в тугой хвост, на руках находилось куча колец и браслетов с различными камнями и пожелтевшим от времени серебром. Девушка была одета в свободную одежду – черную косуху, сиреневый топ и джинсы с низкой посадкой. Черты ее лица и длинные пальцы, ловко справляющиеся с кистями и карандашами, на мгновение напомнили мне Ферн Деспайр. Но это, естественно, не могла быть она.

- Мы хотим парный портрет, - попросила Сора, сжимая края юбки, - самый простой. Сколько это стоит?

- Сколько не жалко, - отмахнулась художница, довольно ставя очередной лист бумаги на холст и перебирая карандаши. – Необычных людей я могу рисовать за бесплатно. Они поднимают вдохновение и скилл.

- Необычных? – я изогнул бровь и почувствовал, как щеки опалает легкий жар.

- Вы как из книги вышли, - выглянув из-за холста, ухмыльнулась девушка, - такие неземные.

- Мы никогда не видели, чтобы художник рисовал в традиционной манере, поэтому должны оплатить труды в любом случае, - сказала Сора и уверенно положила купюру с небольшой, но круглой суммой рядом с художницей.

- Вот как, - девушка заинтересованно взглянула на нас и взяла тонкий черный карандаш, - что ж, раз у вас это первый портрет, то я не смею халтурить. Расслабьтесь и постарайтесь смотреть на меня, как в объектив камеры.

Художница принялась творить. Послышался шелест бумаги и шуршание карандашей, сопровождаемое мелодией уличных гитар и чириканьем птиц. Атмосфера кругом была какой-то нереальной, дыхание захватывало от движений рук творца и представлений о том, как бы мы с Сорой выглядели, нарисованные реальными карандашами. Сотканное из мазков, стираний, линий и штрихов... Я даже боялся шелохнуться, чтобы не спугнуть вдохновение незнакомой художницы.

А она свободно заправила один из карандашей за ухо и, параллельно рисуя, сказала:

- Давайте поговорим, чтоб не было скучно. Как вас зовут?

Сора даже вздрогнула от неожиданности, а я даже и представить не мог, чтоб человек мог и разговаривать, и рисовать карандашами одновременно.

- Мы... - подруга запнулась, но затем быстро сообразила, - я Сора, а рядом со мной Эдвин. Художница принялась развивать диалог.

- Вы романситесь или просто по приколу? В смысле... Встречаетесь или только друзья? Вопрос вновь заставил меня покраснеть.

- Друзья, - ответила «Бета».

- Круто, - отозвалась художница, - дружба – это чудо. Вы местные или из других регионов?

- Мы... отсюда, - сказал я, не упомянув, что не конкретно отсюда, а из Дель-Темпо будущего.

- Чем занимаетесь по жизни? Что нравится?

Сора прикусила губу.

- Я студентка частного женского университета боевых искусств, а Эдвин... учится на ботаника.

- Крутяк. Сами решили поступать или предки заставили?

- Сами, - ответил я, ерзая на стуле. – Мне нравятся растения, а Сора мастерски справляется с катаной.

- Свобода мыслей и решений – это важно, - похвалила художница, изредка поглядывая на нас. – Я тоже самостоятельно выбрала свой путь, хотя родители хотели, чтобы я пошла в науку, как моя старшая сестра. Но я даже по химии знаю только формулу воды... А сестра да, она в науке ас. В итоге мы смирились с индивидуальными путями друг друга. И какие у вас планы на будущее? Чего хотите?

Вопрос оказался сложным. На него мы не смогли ответить.

- Ну и правильно, что не можете ответить. Нужно жить на полную катушку каждый день. Будущее ведь уже завтра... И неважно, кому его сколько осталось.

Эта фраза меня смутила. Сора спросила:

- А вас как зовут? Откуда вы? Нам тоже интересно знать.

Художница снова посмотрела на нас.

- Меня зовут Джезебел Деспайр. Для всех я просто Джек. Мне 23. Я родилась и прожила всю свою недолгую жизнь в Дель-Темпо. Мне нравится рисование и лавандовый раф. И у меня обнаружена самая редкая болезнь – *эрозия души*.

Сказать, что мы были в шоке – значит, не сказать ничего. Я, конечно, думал, что у Ферн и этой художницы было что-то общее, но вот подумать, что мы действительно встретили ее родственницу... Удивительная находка. И, стоп, эрозия души?

- Что такое эрозия души? – спросил я, стараясь умерить свое удивление.

- Это такая болезнь, которую порождает бактерия, способная разъедать эфемерные тела, - спокойно начала пояснять Джезебел. – Ее природа неизвестна, и она возникает очень редко в утробе матери. Вероятность появления крайне мала, совсем мизерна – но она есть. И моя душа заразилась этой бактерией. Теперь я просто жду, когда вирус изъест душу полностью, и я умру, не имея возможности попасть в Рай или Ад. От меня останется лишь недоеденная крошка души, из которой уже ничего не слепить, и рисунки, радующие людей.

Рассказ об эрозии души заставил меня покрыться мурашками. К горлу подступила тошнота, как только представил себя на месте бедной Джезебел. Даже не знал, как поддержать, ибо процесс-то все равно было не остановить.

- Вы так спокойно об то говорите... - подметила Сора, - не бойтесь?

- Свое я уже отбоялась, - сказала Джезебел, снова возвращаясь к нашему портрету. – Можно всю жизнь бояться и так и не почувствовать ее вкус. Я выбрала смирение и гедонизм. Делаю то, что нравится – тусуюсь в Дель-Темпо, не сплю по ночам, ем всякие вкусности, рисую в парках и садах, играю в консоль и читаю романы. Моя жизнь – это удовольствие, которое уже никогда не повторить. Хотя сестра пытается сделать противоядие. Она хочет победить время. Я в нее верю, но не питаю особых надежд, чтобы потом обидно не было.

- Вашу сестру зовут Ферн? – поинтересовался я на всякий случай.

- Ага, - кивнула художница, - она довольна популярна, знаю. Лицо женской науки Дель-Темпо. Она всю жизнь положила на то, чтобы меня спасти. Мне даже как-то неловко – чувствую себя обузой, хотя Ферн говорит, что это не так. Знаете, ради науки и меня она даже готова заключить контракт с Дьяволом или каким-нибудь Богом Времени. Моя Ферн очень отчаянная и не видит никаких преград перед своей деятельностью. Она крутая, всем примерам пример. Даже когда родители умерли и мы остались одни, Ферн сделала все, чтобы вытянуть нас из этого дерьма.

- Ваши родители?... – Сора даже не смогла договорить. – Как?

- Отец скончался из-за инфаркта, а мать не смогла без него и... В общем, последовала за ним через веревку и табуретку, - пожала плечами Деспайр-младшая, будто говорила о чем-то обыденном. – Я и Ферн – единственные друг у друга, и она не может меня потерять. Если я уйду в космос, то... Черт знает, что она с собой сделает. Или с Кастрой.

- Вот ты где, Джезебел! - вблизи послышался знакомый голос, который заставил струйку пота скатиться по виску. – Так и знала, что ты здесь.

К месту, где сидели мы и Джек, подошла никто иная, как сама Ферн Деспайр – гроза Лагеря Хроноса, живой кошмар всех хрон. Однако в далеком прошлом она, конечно, выглядела совсем по-другому – милая молодая целеустремленная девушка, у которой еще глаза не горели безумием и жадой крови. Лицо у нее было румяным и не таким сухим, как в 2060 году, волосы аккуратно завиты и уложены, на ушах серебряные сережки в виде сфер. Ферн была одета в коричневую атласную юбку и зеленую блузку с рюшами, в руках она держала кожаный портфель – видно, шла с работы. Это еще не была та сумасшедшая ученая Деспайр, разрушающая судьбы хрон, а просто Ферн – уважаемая сотрудница и любимая старшая сестра. От будущего безумного облика у нее была только темно-красная помада.

- Время – седьмой час, - напомнила нарочито педантично Ферн, поглядев на наручные часы, - значит, пора ужинать. Я купила все для курицы с овощами. Пойдем домой.

- Сейчас дорисую и пойдем, - легко ответила Джезебел, а мы даже и не знали, что говорить.

Ферн поглядела на нас и внимательно прищурилась. Мне стало не по себе. И все-таки это была Деспайр, от которой я уже привык шарахаться. Желательно надо было при ней не дышать в принципе... Не знаю, как она отреагирует на нас с Сорой. От взгляда Ферн все еще шел холодок по коже.

- А это кто? – спросила она у Джезебел. – Я слышала, ты вела с ними активный диалог.

- Сора и Эдвин, - даже не глядя на сестру, ответила Джек, - они студенты и попросили у меня портрет.

- Не стоило перед незнакомцами душу оголять, - заметила недовольно Ферн, - рассказывать про болезнь, родителей... зачем это все?

Джезебел устало вздохнула.

- Я спрашивала про жизнь у них, они спросили про меня – все. Это называется коммуникация, Ферн. Не думаю, что я сказала что-то запрещенное.

- В диалоге мисс Джезебел вас хвалила, - попыталась сгладить углы Сора.

Ферн сжала ремешок сумки, явно пытаясь унять недовольство. Видно было, что Деспайр слишком опекала младшую сестру и следила за каждым ее действием и шагом. Джезебел это явно не нравилось, но она старалась вести себя спокойно и не выводить ситуацию на конфликт. Что ж, мне бы тоже не понравилось, если в 23 года меня так ярко опекали и принимали за недееспособного. В конце концов Джезебел даже при болезни была в здравом уме. Чего я мог ожидать от Ферн Деспайр?

- Ладно, я погорячилась, - и тем не менее она смогла успокоиться, отведя взгляд в сторону и уняв повышенный тон голоса.

- Ты просто устала, - отмахнулась Джезебел.

- Я просто хочу есть, - хмыкнула Ферн, - да и тебе нельзя нарушать режим.

- Сейчас, последние штрихи... - Джезебел не договорила, увидев, что единственный бутылек с черной тушью был пуст – как я заметил, художница использовала его во всех уличных портретах. И на нас туши уже не хватило. Деспайр-младшая ударила себя по лбу: - Черт, ну и ну... надо было взять с собой запасной пузырек. Без туши портрет не может быть закончен.

Ферн глубоко вздохнула, шурша пакетом с продуктами.

- Я думаю, они не обидятся, если портрет будет без туши.

Я понял, что так мы могли легко упустить Ферн и не посмотреть ее трагедию. Для наблюдений даже места не знали – в большом городе две сестры могли жить где угодно... А нам кровь из носу нужно было выяснить домашний адрес или примерное местоположение работы Ферн. Поэтому, ухватившись за предлог отсутствия туши, я предложил:

- Может, Джезебел, вы дорисуете портрет дома, а мы завтра придем его забрать?

Художнице эта идея понравилась. Она улыбнулась и со спокойной душой начала складывать инструменты.

- Отличное предложение, - сказала Джезебел. – Да, можете забрать портрет завтра, я его успею доделать. Мы с Ферн живем недалеко от этого парка – улица Академика Крэгана, дом 18, квартира 125. Так и наберете в домофоне.

Сора за эти мгновения успела достать бумажный стикер и записать адрес завалявшимся в сумке карандашом. Я же, довольный уловом, улыбнулся премило.

- Спасибо. Не терпится увидеть ваш шедевр.

Джезебел кивнула и повернулась к Ферн.

- Ты же не против?

Деспайр-старшей не оставалось ничего, кроме как помотать головой и сказать:

- Нет. Пускай приходят за своим рисунком.

Глава 20

Удивительно, но Ферн пересилила себя и разрешила нам прийти в собственную квартиру, несмотря на тяжелый характер и гиперопеку над Джезебел. Она у старшей сестры была противоречивая – Деспайр явно тряслась при каждом движении младшей, но при этом очень много ей позволяла. Видно, пыталась освежить голову и закрепить в ней мысль о том, что Джезебел, прежде всего, не полный инвалид, а самостоятельный человек с недугом, который еще позволял жить нормально. Я всегда думал, что Ферн – личность жесткая и хладнокровная, неспособная на проявление каких-либо человеческих чувств. Однако теперь подтвердил, что Деспайр все-таки не постоянно была острой опасной скалой. Пожалуй, она любила свою сестру больше, чем кто-либо. И было заметно, что Джезебел – действительно единственное, что осталось у отчаянной Ферн.

В итоге мы с Деспайр-младшей договорились встретиться завтра где-то около одиннадцати утра. К этому времени она обещала закончить рисунок. Нам пришлось переждать ночь в одном из дешевеньких хостелов Дель-Темпо, который находился близ железнодорожного вокзала. Перед тем, как отойти ко сну, поужинали в круглосуточном магазине сладкими булками с теплым молоком.

Ранним утром мы быстренько отчалили из хостела, не желая слишком долго наслаждаться скрипучими кроватями и храпом старух. Позавтракали все в том же круглосуточном магазине, разогрев сухую лапшу. Сора как-то необычно приготовила мне ее, добавив порционный плавленый сыр и бекон, поэтому я наелся с удовольствием до отвала. В Лагере не было таких вкусных завтраков, только, помнится, постоянно подавали постную булочку, яйца всмятку и переслащенную кашу с кофе. Они отличались лишь размером порций – у Маттео вот всегда был самый большой завтрак, да с добавлением творожного сыра на булку и покрошенным в кашу бананом. Это объяснялось тем, что он «Альфа» и ему нужно потреблять пищи больше, чем остальным. Мы и особо не жаловались, зная, что после смены на хроновские выплаты могли себе позволить мороженое или ужин в фастфуде.

Однако этот завтрак с Сорой был каким-то особенным, в нем ощущалась... полная свобода. Мы были далеко от Лагеря, за нами никто не наблюдал... Да и вообще, в Дель-Темпо прошлого не было ни того, ни другого. От этого осознания у меня поднималась некая радость в душе. И сухая лапша казалась лучшей едой, которую я когда-либо ел, ибо мы завтракали ею в Дель-Темпо, полностью свободные от влияния Хроноса.

Погода, однако ж, не задалась с самого утра. Город накрывали темные тучи, и уличное радио оповещало жителей о надвигающемся ливне с грозой и порывами ветра до 18 метров в секунду. На зонтик или внеплановый поход в кафе у нас уже не оставалось средств, поэтому мы просто надеялись, что туча обойдет Дель-Темпо стороной, ну, или ливень будет идти ровно 15 минут, за которые можно поболтать с Джезебел или Ферн и получить рисунок, а заодно и трагедию. Конечно, мечты у меня явно были не совсем реальными, но кто-то говорил, что мечтать не вредно в принципе.

Мы не торопясь доехали на трамвае до вчерашнего парка, а затем повернули в район, где жили сестры Деспайр. Немного поплутали, пытаясь сориентироваться в новом для себя уголке Дель-Темпо, но в конечном итоге все же нашли тот самый дом 18 на улице Академика Крэгана. Как раз на наших карманных часах стрелки дошли до одиннадцати утра, а это означало, что Джезебел наверняка уже ждала нас с готовым рисунком. Интересно, Ферн была в это время дома или всегда работала в первый день выходного? Нам предстояло узнать, однако хотелось, чтобы все-таки она присутствовала там.

Мы позвонили через домофон в нужную квартиру, и нам сразу же открыли, даже не спрашивая, кто пришел. В этом жесте угадывалось расслабленное поведение Деспайр-младшей. На лифте мы поднялись на 11 этаж, где и находилась квартира двух сестер. Добредя до двери с металлическими цифрами «125», мы позвонили и начали ждать, скромно отойдя чуть дальше.

Я слегка волновался. Думал о том, как бы остаться в квартире Деспайр подольше, чтобы успеть понаблюдать за Ферн и ее трагедией. Понимал, что, конечно, в 15 минут мы не уместимся, и старался придумать разные предлоги, чтобы остаться. Теперь я надеялся на ливень или собственную идею о том, чтобы художница нарисовала нас уже масляными красками на толстом объемном холсте за последние деньги. Пока дождь выглядел все же привлекательней, но я надеялся, что он начнется и закончится именно тогда, когда нам нужно. Хотелось увидеть получение последнего хронопультатора и в то же время не промокнуть и не замерзнуть.

Послышались шаги, а затем щелканье дверного замка. Открыла, как и ожидалось, Джезебел. На ней была исконно домашняя уютная одежда – растянутая футболка со смешным пушистым котом и фиолетовые шорты. Волосы все так же были заплетены в высокий хвост, а за ухом торчала кисточка для туши. Несколько пальцев на руках девушки были как раз испачканы черной жидкостью. Она была вся в творческом процессе.

- Йоу, приветик, Сора и Эдвин, - поздоровалась Джезебел, устало улыбнувшись уголками губ. Она широко раскрыла дверь и тут же пригласила в прихожую. – Заходите, я уже почти закончила. Осталось несколько штрихов. Вы же никуда не торопитесь? На пары или типа того?

- Нет, сегодня у нас выходной, - ответила Сора с явным внутренним удовлетворением. Я тоже обрадовался приглашению в гости.

- Просто я проспала будильники, - начала объясняться Джезебел, потягиваясь, - планировала встать полвосьмого утра, а раздуплилась час назад. Извиняюсь, если вы не планировали оставаться надолго.

- Что вы, нам не в тягость, - заверил я с улыбкой. Но затем обратил на знакомые зеленые туфли в прихожей. Ферн была дома. Я добавил: – Главное, чтобы ваша сестра не была против нашей задержки у вас дома.

- Я ее предупредила, - кивнула Джезебел. – Она сейчас работает в кабинете. Главное – не отвлекать Ферн от дел, остальное ей неважно. Пройдемте в мою мастерскую.

У сестер Деспайр было, так скажем, довольно богатое наследство от почивших родителей – большая четырехкомнатная квартира с высокими потолками и просторными комнатами. На каждую было по два помещения – спальня и кабинет, а также общие кухня и ванная. И все уже обустроено и обжито под вкусы и жизни сестер. Краем глаза увидел строгую вычищенную спальню в зеленых тонах, которая принадлежала явно Ферн, и комнату Джезебел – фиолетовую и слегка небрежную, с кучей различных ламп, гирлянд, фигурок и постеров.

Прошлая гостиная была переделана под мастерскую художницы – здесь тоже царил творческий хаос. Расставились по углам деревянные стеллажи с разными принадлежностями – яркими тюбиками красок, стразами, паталью, тушью, кистями и лаками. Подготовлены были холсты и подрамники, лежали уже и готовые работы – до безумия красивые пейзажи и портреты людей, выполненные старательными и любовными мазками. Стены были белые, и на них падал свет неба, постепенно закрываемого тучами.

На мольберте находился тот самый рисунок, который Джезебел начала рисовать вчера в парке. На нем была изображена Сора и я. И на этом уличном портрете мы выглядели... действительно невероятно. Острыми линиями карандаша подчеркивались узкие и пронзительные глаза Соры, ее пухлые губы и впавшие скулы. Тушь во всей красе показала черноту ее непослушных коротких волос и легкость учебной формы. На моем лице же застыла милая наивная улыбка, в глазах отражалось детское тепло, характерно нарисованы были немногочисленные веснушки. Джезебел еще добавила акцентных деталей в виде малиновых звезд и кислотно-зеленых кружков на фоне. Выглядело это все совершенно нереально... нереально кра-

сиво. Я видел себя нарисованного впервые, и это и вправду потрясающе – так живо и ярко мог нарисовать нас только настоящий человек природными художественными материалами.

- Мне осталось буквально чуть-чуть, - протараторила Джезебел и поспешила сесть за мольберт. – Можете посидеть здесь пока, я как раз вспомню некоторые детали вашей внешности. Чайник уже поставлен.

- Да, было бы неплохо глотнуть чего-то горячего, - как раз кстати сказал я, хотя особо и не хотел пить или есть. Нужно было всеми силами потянуть время.

- На улице прохладно, - поддержала меня Сора, берясь руками за локти.

- Ага, погода резко поменялась, - охнула Джезебел, смотря то на рисунок, то на нас. – Говорят, сегодня ночью ходили сильные магнитные бури. То-то у Ферн голова разболелась с утра! Она метеозависимая у меня.

- Не повезло, - посочувствовал я. – Она принимает обезболивающие?

- Раньше Ферн мало помогали какие-либо таблетки, мигрени доставучие, но потом ее бойфренд нашел какое-то чудодейственное лекарство, и теперь Ферн страдает пять минут вместо нескольких часов, - с сестринской радостью рассказала Джезебел.

Сора слегка опешила.

- У мисс Ферн есть парень?

- Ага, - художница выглянула из-за мольберта, - полгода уже встречаются, не разлей вода. До него Ферн была той еще занудой, ей была интересна карьера и учеба, но потом пришел *Альфред*, и все поменялось. Души друг в друге не чают.

По позвоночнику прошлись мурашки, а слюна застряла большим комком где-то в горле. Я очень хотел верить, что это просто какой-то Альфред, а не... Ну, понятно.

- А кто он, этот Альфред? – Сора спросила спокойно, но легкая дрожь в голосе все же слышалась.

- Аа, да это восходящая звезда Научного Сообщества Дель-Темпо, - Джезебел пару раз чиркнула по рисунку белой гелевой ручкой. – *Альфред Хронос*. Харизматичный ученый, тоже изучает время и его материю, весь такой помешанный на открытиях... Впрочем, как и Ферн. Хотя у меня к нему неоднозначное отношение – он старше сестры, да и иногда предлагает участие в каких-то научных авантюрах. Без прошлого и предыстории. Немного странный. Но Ферн все нравится, она не жалуется – это, пожалуй... главное.

И все-таки наши с Сорой самые худшие опасения подтвердились. Ферн Деспайр с самого начала мучилась с Альфредом Хроносом. В целом, оно и не мудрено, учитывая, как они сюсюкались вместе каждое собрание или банкет... Но все же я надеялся хоть на какое-то благоразумие молодой Ферн. Видно, ее ученый давно муштровал и подогревал к получению хронопульсатора, в отличие от остальных членов Комитета. Наверное, потому, что она обладала большими знаниями, чем он, и Хронос хотел их выцепить и использовать любой ценой.

- Вот как... - вздохнула неловко Сора, - Альфред Хронос... мило.

- Вы его знаете? – поинтересовалась Джезебел.

- Да так, читали о нем в газетах, - непринужденно ответил я, решив не расстраивать бдительную младшую сестру рассказами о злодеяниях Хроноса.

- Понятно, - снова погрузившись в последние штрихи рисунка, кивнула художница.

В прихожей послышались шаги. Промелькнул силуэт Ферн в длинной сорочке с кружевами на лямках. Она пошла в сторону кухни.

- Джек, я сейчас буду делать печенье! – оповестила старшая. – Через час-полтора приходи на кухню.

- Ага, поняла! – ответила Джезебел и снова взглянула на нас. Она игриво спросила: – Любите лимоны?

- В чистом виде – не совсем, - заметила Сора.

- Ферн будет делать лимонное печенье, - с упоением произнесла Джез. – Десерт выходного.

Для меня стало удивлением, что Ферн Деспайр умела готовить, да еще, по-видимому, любила это делать. В который раз поймал себя на мысли, что в прошлом эта женщина все-таки была другой.

Тем временем Джезебел закончила рисунок и отдала его Соре в руки.

- Готово! - довольно промолвила она. - Смотрите, какие вы красавчики. Поздравляю, ваш первый «реальный» портрет нарисован. Теперь можете наслаждаться им каждый день.

На листе действительно были добавлены последние штрихи, которые еще больше украшали наши нарисованные карандашом и тушью лица. Всякие блики, линии, загогулины, без которых портрет выглядел бы точно по-другому. Ну, и в уголке рисунка была оставлена подпись Джезебел. Походу это и вправду все.

Соре рисунок понравился. Улыбнувшись уголками губ, она с деликатной, но особой теплотой рассматривала изрисованный лист зернистой бумаги.

- Спасибо, - поблагодарила «Бета», - это очень красиво.

- Рада стараться, - Джезебел улыбнулась ей в ответ.

Я же, вдоволь насладившийся портретом, все смотрел в окно, ожидая наступления долгожданного ливня с грозой, градом и порывами ветра до 18 метров в секунду. Благо, тучи уже полностью накрыли Дель-Темпо, и они были настолько темными, что казалось, будто в городе уже наступил вечер.

Через несколько секунд квартиру двух сестер оглушил гром, а затем по окну начали с особой силой ударять дождевые капли. Джезебел аж подпрыгнула от неожиданных звуков.

- Йоу, какой мощный ливень, да еще и с грозой! – изумилась она в своем фирменном стиле, глядя на мокрое окно, за которым виднелись молнии. – Впрочем, как и передавали в новостях...

Внезапно художница перевела взгляд на нас.

- А у вас есть зонтик или... - она прервалась, как только подул очень сильный ветер, закрывший форточку. Ливень усилился и пошел сплошными дорожками по окну. Джезебел продолжила: - Окей, зонтик уже не поможет. Лучше остаться здесь и переждать дождь.

Мой план начал сбавывать. Стараясь скрыть явный восторг, я со всеми манерами произнес:

- Мы, конечно, были бы очень признательны, если вы смогли приютить нас на лишний часок... Но наверняка мы вам помешаем.

- Да вы что, совсем нет! – Джезебел активно замахала руками. – Я лучше ударюсь головой об стенку, чем выгоню людей из дома в такой коллапс.

В мастерскую заглянула Ферн. На ней уже был клетчатый фартук с надписью «Лучшая сестра», волосы заплетены в высокий вылизанный пучок без лишних волосков. Деспайр держала в руках миску с желтым тестом, покрытым мелкой цедрой. Сама Ферн вся пропахла лимонами и ванилином.

- О чем болтаете?

- Ферн, давай позволим этим студентам переждать ливень, - Джезебел подошла к старшей и сложила руки в мольбе. – Пожа-а-алуйста... Лишний час малины не сделает. Угостим их чаем, все такое.

Ферн, конечно, была не в восторге от предложения. Ее можно понять: какие-то незнакомцы останутся в квартире и будут наблюдать за домашним бытом сестер, рассматривать комнаты, кухню, вытирать руки их полотенцами... Я бы тоже был не рад, если бы в мою комнату, пребывающую в легком бардаке, неожиданно завалился, например... э... Маттео! Мы ведь не настолько сильно дружим, чтобы он без спросу рассматривал мои фикусы, заваленный стол или ящики с нижним бельем. Да и черт с ним, с этим «Альфой», в доме у Деспайр вообще

находились какие-то полустуденты-полубомжики. Но что поделать – такова была цена путешествий во времени. В смысле, м... надо переждать ливень

- Боже, ладно... - Деспайр-старшая недовольно поправила челку, - ливень действительно сильный. Оставайтесь.

- Мы можем заплатить за этот час, если нужно, - сказала неловко Сора, понимая, что для Деспайр это своего рода временное бремя.

- Дурость какая! – воскликнула Ферн. – Не буду я брать деньги с детей. Мойте руки и проходите на кухню. Я угощу вас печеньем. Так и быть.

В глазах Джезебел точно заплясали искры. Она чуть ли не накинулась на Ферн, тараторя благодарности:

- Спасибо, спасибо! Ты у меня такая душка, Ферн. Обожаю тебя.

Деспайр-старшая фыркнула и что-то пробубнила, быстро уходя на кухню. Видно, старалась скрыть смущение и румянец, приливший к щекам.

В конце концов мы остались у сестер Деспайр, в их большой и уютной квартире. Ливень был настолько сильный, что, пожалуй, мог и задержаться аж на пару часов, поэтому мы расслабленно надели предложенные резиновые тапочки, помыли руки в просторной ванной и отправились на кухню.

Там пахло выпечкой, сладкими посыпками, сметанным кремом и, конечно, лимонами. Ферн уже мыла использованную посуду, а Джезебел заваривала ароматный чай с манговым шлейфом. Мы уселись за большим деревянным столом и рассматривали кто что. Сора водила взглядом по узорчатым обоям с легкой блестинкой, а я смотрел на фотографии, стоящие на полке над столом.

За маленькой колонкой были рамки с самими сестрами и их родственниками. Я успел разглядеть юную Ферн и Джезебел, их полных бабушек, уставших от жизни родителей... И еще один снимок без рамки, точно полароидный, прикрепленный булавкой к остальным. Он явно сделан недавно. Я увидел счастливую Ферн в обнимку с... Хроносом. Он обнимал ее в ответ и хитро улыбался, смотря прямо в душу своими космическими глазами. На снимке Альфред выглядел сильно моложе современных лет – еще без морщин, с копной густых пепельных волос и широкими плечами, он был одет в кожаный тренч, под которым скрывался галстук и рубашка. Почему-то от этой фотографии мне стало тревожно. Хронос в любом облике внушал страх, даже будучи на снимке. Неприятно...

Вскоре печенье приготовилось, заваренный чай обрел насыщенный темный оттенок, и мы приступили к дневной трапезе. У Ферн действительно был талант в готовке, ее лимонное печенье таяло во рту, щеки аж сводило от вкуса, от сочетания лимонов и крема. Интересно, Хроносу она тоже готовила печенья и другую выпечку?

Как только мы поели, Джезебел поблагодарила сестру, обняла ее и снова удалилась работать в мастерскую. Ферн осталась убирать очередные тарелки и другую посуду. Мы еще пили чай – он оказался настолько горячим, что нужно было время для хотя бы легкого остывания.

Пока мы остались с Деспайр-старшей наедине и пока еще активно лил дождь, Сора аккуратно вытерла рот салфеткой и решила начать беседу, которая могла раскрыть планы Ферн на младшую сестру:

- Джезебел рассказывала, что вы как-то хотите спасти ее от эрозии души. Что вы работаете над каким-то грандиозным проектом, с помощью которого можно победить Время...

- И саму Жизнь, - гордо и твердо дополнила Ферн, садясь за стол.

- Вот как... - Сора, не ожидавшая такой реплики, слегка стушевалась, - что ж, это очень интересно.

Деспайр сделала глоток уже остывшего чая, который еще оставался у нее в чашке. Посмаковав вкусом заварки на губах, она промолвила:

- Я разрабатываю *протез души*. Это такое устройство, которое на эфемерном уровне внедряется в старую больную душу и полностью заменяет ее, позволяя человеку и дальше нормально функционировать, не дожидаясь своей смерти в любой момент.

- Но... наверное, тогда этот человек перестанет быть самим собой, если от его старой души ничего не останется, и это будет протез, - прикусив губу, рассудил я.

Ферн взяла с полки пачку сигарет, достала одну и, не спрашивая, закурила. Она выпустила дым наверх, и в воздухе запахло легким табаком.

- Я сделала так, что протез вбирает в себя все те черты, которые были созданы изначально, - сказала Деспайр, водя сигаретой туда-сюда. - То есть человек ничего не теряет. Только болезнь, которая отравляла ему жизнь.

- И, наверное, после смерти Джезебел будет иметь возможность попасть в Рай или что-то типа того, - предположила Сора.

- Я изначально так и хотела, - Ферн закинула ногу на ногу, - но затем мой партнер подал мне отличную идею - сделать так, чтобы протез не подавал сигналы во внеземные цивилизации, а реинкарнировал душу. Причем не всовывая ее в другую жизнь и семью, а оставляя той же личностью, что была всегда. Мне понравилась его мысль, что это может помочь не только Джезебел и остальным людям с эрозией души, но и новому поколению кастровцев, которое он хочет создать... Не быть зависимыми от какого-то Бога, а иметь возможность перерождаться - идея, достойная воплощения.

- Что за новое поколение? - я сделал вид, будто ничего не понимаю.

- Репликанты, - ответила Ферн воодушевленно, - существа, которые намного сильнее чем обычные кастровцы. Способные управлять самим временем. Его мысли превосходны, и я ему помогаю в исследованиях, а он - мне. Так Альфред подал идею, что при неожиданной смерти репликант с протезом может переродиться в том же возрасте, в котором и умер, только с легкой потерей памяти. Это сложно сделать, но я уже на верном пути. Впрочем, основной протез души готов.

- Уже? - удивилась Сора.

- Конечно, - хмыкнула Ферн, будто «Бета» спросила что-то дурацкое, - я же долго работала над ним. И вот наконец смогу вживить его в Джезебел уже сегодня ночью. И она будет жить как обычные люди.

Мы с Сорой переглянулись двусмысленно.

- А Джезебел знает об этом? - поинтересовался я.

- Да, она уже готова к операции, - кивнула Ферн.

- Где она будет проходить? - Сора почувствовала приближение к трагедии и попыталась деликатно вызнать подробности действия Деспайр. - В больнице или...

- В исследовательском центре, где я работаю, в моей лаборатории, - Ферн потушила сигарету и встала из-за стола, выливая остатки чая в раковину. - Там уже все подготовлено. И мне будет помогать Альфред.

- Какой он... хороший и надежный мужчина, - сделала лживый комплимент Сора, а затем спросила: - А где находится ваше место работы?

- Слушайте, зачем вам это знать? - недовольно фыркнула Деспайр. - Я и так вам много рассказала того, что не нужно... Знаете, вы очень странные.

- Это был просто вопрос, - невозмутимо возразил я, понимая, что в диалоге произошла осечка. Ладно, узнать о месте работы Ферн можно и у Джезебел.

- Вы так все узнаете... - Деспайр подозрительно покосилась на нас, - и вообще, мне кажется, что я вас где-то уже видела. Может, вы агенты из правительства, а не студенты?

Я теперь вздрогнул, а вот Сора уверенно спросила:

- А что, у вас проблемы с правительством?

Тут напряглась уже Ферн.

- Нет.

«Бета» пожала плечами.

- Мы просто студенты, а вам надо проще быть, - сказала подруга и начала вставать из-за стола. Она поманила меня взглядом на выход и потом добавила: - Но спасибо за теплый прием и возможность укрыться от дождя. Он уже мелкий, так что мы, пожалуй, пойдем.

Ферн осталась на кухне одна, с легким дымом от потушенной сигареты и ясным ощущением дежавю. Мы же, почувствовав ее подозрение, решили быстро ретироваться. С рисунком под мышкой обулись в коридоре, аккуратно поставив тапочки на нижнюю полку, и поспешили наружу.

Джезебел отвлеклась от работы и вызвалась нас провожать. Выйдя в подъезд, Сора вновь ее поблагодарила:

- Джезебел, спасибо за этот чудесный портрет и за короткий приют. Ты очень талантливая художница.

Я продолжил, натягивая почти расслабленную улыбку.

- Дождь уже заканчивается, поэтому мы пойдем. Еще много дел. Надеемся, еще сделаем заказ у тебя.

- Не за что, ребят, - Джек тоже подняла уголки губ, искренне поглощенная похвалой и благодарностью. Меня слегка кольнуло ощущение тревоги за эту девушку. – Приходите еще, двери нашей квартирки всегда для вас открыты. И уголок в парке тоже.

«Бета» подняла напряженно плечи, при этом стараясь сохранить уверенный и непринужденный вид. Она спросила во второй раз:

- А где все-таки работает твоя сестра? Нам... э... было бы интересно заказать экскурсию у института в центр, где она трудится.

Джезебел без задней мысли ответила:

- Научно-исследовательский центр Метафизики и Квантовой механики.

Важные сведения были получены от Джезебел, как и планировалось. Теперь мы знали, где работала Ферн и где она будет проводить операцию своей младшей сестре. Центр Метафизики и Квантовой механики был в Дель-Темпо один, и находился он на Проспекте Независимости. В том же районе, где и Цитадель Хроноса. Конечно, в Дель-Темпо 2010 года еще не существовало никакой Цитадели, но тем не менее мурашки у меня шли по коже от мысли про Проспект Независимости. Мозг и тело помнили тот злополучный визит к Хроносу и ауру, которая царила вокруг этой резиденции. Меня посещали тревожные мысли, что даже в прошлом могла появиться эта проклятая Цитадель, где нас поймает и убьет Хронос. Правдой в данных накрученных размышлениях было только то, что ученый будет там, но только более молодой и с еще немного слабоватыми позициями. И дураку понятно, что он собирался их нарастить с помощью Ферн и ее открытий. Мерзко.

Дождь действительно закончился, но нам пришлось дожидаться ночи, и мы целый день шатались по городу: то ели, то сидели на лавках, то дремали под шум реки на набережной. Когда наступил вечер, мы потихоньку двинулись к Центру.

Когда добрались до пункта назначения, Дель-Темпо уже погрузился в ночную жизнь. На самом Проспекте было шумно, еще ездили машины и кутили кастрюльцы, однако у Центра было спокойствие, полное затишье. Горело пару фонарей и дежурили немногочисленные сонные охранники. Подумал, что этот важный объект достаточно плохо был защищен от неожиданных посетителей. Но именно данная халатность сыграла нам с Сорой на руку. Нам удалось незаметно пробраться внутрь помещения через открытое окно вахтовика, который тоже отсутствовал на рабочем месте. Судя по неприятным звукам из туалета, мужчина к ночи уже успел

перепить и теперь просто пытался выжить. Мы также воспользовались слабостью внутренней охраны и подобно змеям проскользнули дальше по коридорам исследовательского Центра.

Почти все ученые уже ушли домой, и остались лишь те, кому нужно было что-то доделать по бумажной работе... А таких на нашем пути встретилось совсем мало. Работники корпели над компьютерами и бесконечно зевали, поэтому не заметили кого-то подозрительного вроде нас. Впрочем, нашей скрытности помогли и белые халаты, взятые с ящика с потерянками в гардеробе. Так мы сливались с окружающей местностью, и замыленный взгляд ученых принимал двоих молодых людей за таких же припозднившихся коллег.

В конце концов нам удалось найти кабинет Ферн. Он даже был подписан, ее имя красовалось на золотой табличке с припиской «Доктор физических наук». И за дверью раздавались голоса, которые принадлежали самой Деспайр, Джезебел и... Хроносу. Мы решили встать чуть поодаль за стеллажом и прислушались к тому, о чем они разговаривали в кабинете.

- А это... точно безопасно? – вопрошал неуверенный голос Джезебел. Чувствовалось, что она переживала и, кажется, совсем не была готова к операции, как нас ранее уверяла Ферн. Вся ее веселость и расслабленность сошли на нет.

- Джек, я уже говорила тебе, что у меня все готово, - отвечала Деспайр. – Мы сто раз все проверили.

- Провели много опытов сначала над животными, затем над мертвыми людьми, - довольно промурлыкал голос Хроноса. – Протез души помог им всем.

- По-моему, смерть и эрозия души – это немного не одно и то же, - справедливо высказалась Джезебел. – Вдруг что-то пойдет не так?

- Была бы я одна, Джезебел, я бы еще посомневалась в своей уверенности, ибо глаз всегда может замылиться, - начала уверять Ферн, - но меня контролировал Альфред. Он следил и за опытами, и за осечками, и за успехами. У него у самого много знаний и...

- Я, если честно, Альфреду вообще не доверяю, - отрезала Джезебел.

Хронос хохотнул саркастично.

- Отчего же?

- Ты взялся внезапно из неоткуда и сразу странным образом завоевал доверие всех ученых, когда другие кастровцы идут к нему годами, - Джек будто принялась загибать пальцы, перечисляя аргументы. – Твои идеи очень странные. Что за новый временной континуум? Нам что, нашего недостаточно? У тебя какие-то личные вопросы ко времени Кастры? И что за репликаны? Зачем нам новая раса с суперспособностями? Это как искусственный интеллект, который сейчас отравляет всю планету. А тут еще и эти... зачем, для чего они? Почему ты одержим протезом души? Меня также пугает твоя одержимость Ферн и временем. Вдруг ты вообще не кастровец, а какой-то инопланетный агент, пожелавший поработить Кастру, а? Что ты скрываешь??? Чувак, смотри правде в лицо – ты капец какой странный!

- Джезебел, что за глупость! – вскричала Деспайр, очень обиженная оскорблениями в адрес милого Хроноса.

- Не нервничай, Ферн, у нее просто бред на фоне прогрессирующей болезни, - Альфред посмеялся и мило похлопал разозлившуюся Ферн по плечу. Он добавил: - Давай уже приступать к операции.

- Да. Чем быстрее – тем лучше. Джезебел, раздевайся. Мы постараемся сделать все очень быстро, ты и глазом не моргнешь. Наркоз будет дорогой и легкий...

Казалось, младшая сестра готова была расплакаться. Она точно ощущала, как Деспайр заколдовали и направили по кривой дорожке. Я прямо кожей чувствовал ее вздрагивания и спертое, встревоженное дыхание.

- Ферн... Я боюсь...

- Джезебел. Это ради твоего же блага. Твоей жизни. Все будет хорошо. Просто поверь мне.

Затем голоса смолкли, слышалось только шуршание и скрипы кресел. Хронос, Ферн и Джезебел начали готовиться к операции. Мы успели сменить свое укрытие прежде, чем двое ученых покатали Джезебел под простыней на каталке. Проследили, в какую лабораторию они ее повезли, и потом тихонько, стараясь не дышать, последовали за ними.

Чудом мы проскользнули через открытую дверь и, пока Ферн с Хроносом суеились над Джезебел и подготовкой инструментов, укрылись за одним из больших столов и принялись наблюдать за развитием событий.

Вскоре дверь в лабораторию закрылась, помещение погрузилось в полутьму. Остался гореть лишь большой белый светильник над столом, где лежала Джезебел. Ей ввели наркоз через капельницу, поговорили о планах Деспайр-младшей на рисование, и та внезапно отключилась. Ферн еще несколько минут контролировала состояние Джезебел, параллельно надевая маску и перчатки. Хронос же в это время подвинул столик с черным кейсом. Часто сглатывая, он открыл его и тут же заметил внутри желанный объект – миниатюрную сферу, светящуюся желтым и покрытую какими-то узорчатыми белыми корнями, извилистыми и пронзительными. В лаборатории тут же повеяло чем-то сильным и обладающим большой энергией жизни. Кажется, это и был *протез души*, над которым работала Ферн почти все года.

- Да... - прошептал Хронос возбужденно, - то, что нужно.

- Альфред, если ты уже распаковал протез, то неси его мне, - взволнованно и нетерпеливо попросила Ферн, взяв какие-то аметистовые спицы в руки. – Быстрее начнем – быстрее закончим. Не хочу, чтобы Джезебел долго мучилась. Она и так всю жизнь боится...

- Да-да, уже нес, - не касаясь протеза руками, Хронос с помощью магии поднес его к столу. Сфера послушно левитировала над его раскрытой ладонью в синей перчатке.

Утерев скопившийся пот со лба локтем, Ферн, ничего не говоря, захватила протез души теми самыми спицами. Почувствовав контакт с магическим предметом, они так же засветились и нагрелись в руках Деспайр. Вся напряженная и сосредоточенная, не издающая ни звука, она принялась медленно и верно подносить сферу к раскутанной бледной грудной клетке Джезебел. Как только протез коснулся кожи, в области сердца Деспайр-младшей начало образовываться не кровавое, эфемерное и совершенно неосоздаваемое и неосязаемое отверстие. Оно источало бело-желтый свет, как и сама сфера. Казалось, будто хрупкое, никому невиданное духовное тело Джезебел стало материальным и открылось новому протезу, впуская его внутрь себя.

- Есть, - с тихой радостью кинула Ферн, - импульсы протеза на нематериальное тело срабатывают верно. Хронос, это ведь чудо... Я все сделала правильно.

- Никто и не сомневался, - ответил Альфред, наблюдая за жизненными показателями Джезебел. Затем произнес: - Уже можешь вводить протез, противопоказаний нет.

Как и ожидалось, Хронос чутка соврал. Пульс Деспайр-младшей стал учащенным, а на экране, где показывались душевные внутренности, начали появляться какие-то красные кружки и помехи. Не знаю, что это значило, но точно что-то не очень хорошее. Однако Ферн, конечно же, не смогла окинуть взглядом медицинские экраны и продолжила операцию.

Она постепенно ввела желтую сферу внутрь отверстия. Белые корни оплели его, а затем и вовсе закрыли. Внутри Джезебел что-то запульсировало и зажглось, а через некоторое время слилось со всем остальным телом. Тут же с младшей сошла бледность, щеки налились румянцем, по лицу и туловищу прошла россыпь искорок, и вся она расцвела, наполнившись духом новой, здоровой жизни.

Глаза Ферн загорелись так же, как и протез души, успешно введенный внутрь эфемерного тела Джезебел. Она восторженно повернулась к Хроносу и промолвила:

- Получилось, Альфред, - и тотчас обратила взор на Джек, - у нас полу... Эй, а почему она не просыпается? Джезебел должна была очнуться сразу же после активации протеза, наркоз по сравнению с ним был бы, конечно, бессилён. Я так и задумывала.

Действительно, Джезебел так еще и не пробудилась. Глаза были плотно сомкнуты, губы расслаблены. Дыхание еле слышалось. Она будто только что умерла, хотя пульс все шел, не прекращая.

Ферн положила спицы на жестяной поднос, сняла перчатки и попыталась разбудить Джезебел, толкая то в одно плечо, то в другое. И ничего не сработало. Деспайр-младшая будто погрузилась в вечный сон в состоянии между жизнью и смертью.

Теперь дыхание Ферн стало спертым, а глаза налились слезами. Она запаниковала, вновь повернувшись к Хроносу, ища у него хоть какой-то помощи. Или хотя бы утешения.

- Альфред, как думаешь, что это? Просто побочный эффект? Она же проснется, да? – задыхаясь от всепоглощающего страха за сестру, вопрошала Деспайр. Она взялась за виски и чуть ли не выдрала пару прядей. – Все же... шло хорошо... протез закрепился, это видно по экрану! Так почему она не просыпается?! Скажи! Пожалуйста, скажи, что это нормально...

Хронос засунул руки в карманы халата и не спеша подошел к Джезебел. Он лениво, изображая занятость, осмотрел ее бессознательную, а потом улыбнулся хитро и коварно. Космическое око хищно заблестело при свете белых ламп. Но Ферн этого не заметила, погруженная в тревогу и свой же бубнеж. Альфред преспокойно повернулся к ней и констатировал факт, который, видно, знал еще очень давно:

- Как я и думал, Джезебел погрузилась в кому от нехватки еще одного компонента в протезе души.

Ферн опешила вдвое больше.

- Что? Какого компонента?

- Силы Эона Времени, - довольно промурлыкал Хронос. – У тебя было все необходимое и от Жизни, и от материи Космоса, и от других душ... Но именно Силы Эона Времени и не хватало. Я надеялся, что обойдется без нее, но как видишь... Все же придется ее добывать.

- Сила Эона Времени?! – и все-таки эмоциональная и напряженная от паники Ферн выдрала пару прядей из головы. – Где я, черт возьми, достану ее?! Как я спасу сестру, если Эон Времени, по слухам, исчез после схватки Хаоса и Жизни?! Да и вообще, даже если он существует, у меня нет возможностей часами скитаться по космосу в поисках Него и...

- Спокойно, - Хронос остановил Ферн, взял ее за плечи и поглядел прямо в глаза. Он величественно выпрямился и торжественно сказал: - Я Эон Времени – Хронос. Я смогу дать тебе силу, что требуется для выведения Джезебел из комы, но пока она еще спит, как и сама Джек... Ее нужно так же пробудить. На это понадобится время и... Твоя помощь, - в руке Альфреда показалась уже другая сфера – голубая и окольцованная. *Хронопультатор*. Ученый ехидно спросил: - Ты же поможешь мне, *Ферн Деспайр*?